

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ #12 '02

ГОЛОВАЧЕВ

ПРАТЧЕТТ

БАСОВ

КУБАТИЕВ

УОЛДРОП

ЛУКАС

БАКАНОВ

ЩЕРБАК-ЖУКОВ

ИГРА В ВОЙНУ

НЕДУГ РОССИЙСКОГО ФЭНДОМА

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

журнал фантастики # 12 '02

Содержание

Братья по разуму

Главный редактор *Александр Ройфе*

Редактор *Василий Мельник*

Издатель *Игорь Огай*

Над номером работали: Сергей Кабанов, Алевтина Горева, Александр Набоков. **Использованы фотографии** Д.Новикова (Митрича), А.Ульянова, а также фотоматериалы с сайта «Русская фантастика». **На обложке** – работа Дж. Хасса «Ястреб и цыпленок».

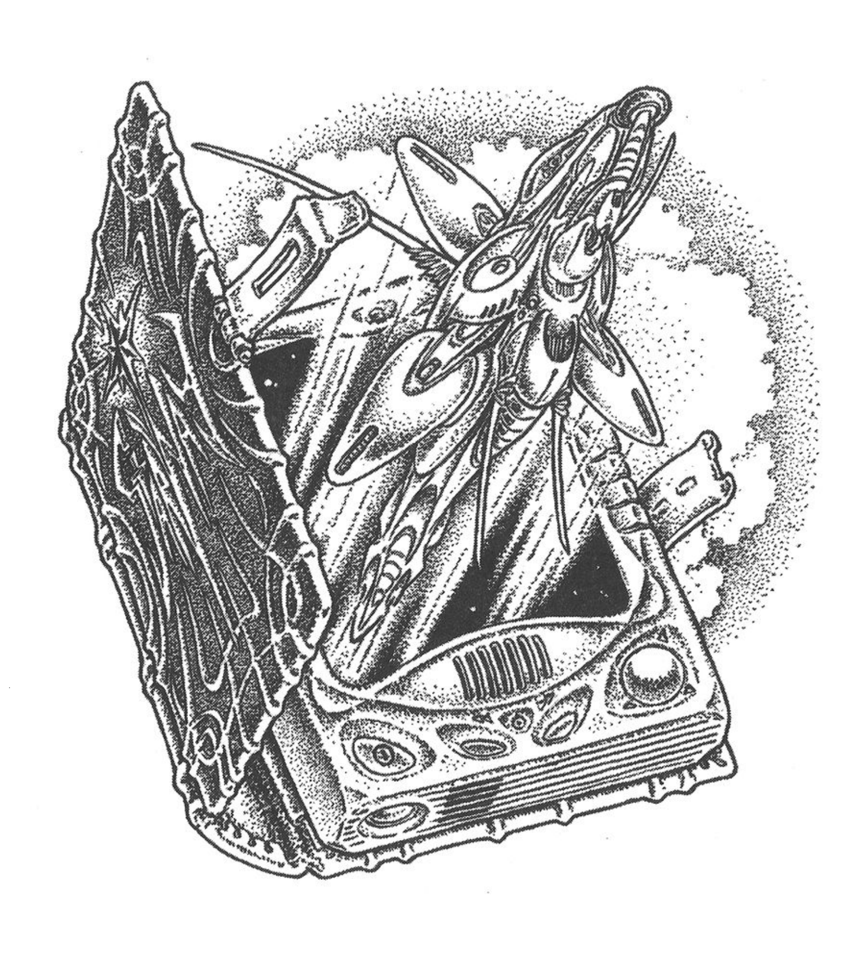
Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-3212 от 20.04.2000. Лицензия ИД № 02440 от 24.07.2000. Юридический адрес: 143400, Московская область, г. Красногорск, ул. Ленина, 53.

Почтовый адрес редакции: 143400, Московская область, Красногорск-8, а/я 105. **Тел./факс** 563-55-54. **Электронный адрес:** starroad@rusf.ru. **Интернет:** www.rusf.ru/starroad.

Подписано в печать 18.11.2002. Формат 60×88 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1500 экз. Зак. № 4096.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»: 140010, г. Люберцы, Октябрьский просп., 403. Тел. 554-21-86.

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ

12/X Вручены Немецкие фантастические премии

Франкфурт-на-Майне. На Ярмарочном конвенте (Buchmesse Convention), приуроченном к проведению самой известной в мире книжной ярмарки, в четвертый раз были вручены Немецкие фантастические премии. Их обладателей выявило голосование 1400 посетителей сайта www.phantastik.de. Лауреатами стали:

в номинации «Немецкий роман» – Моника Фелтен (за произведение под названием «Эльфийский огонь» – «Elfenfeuer»);

в номинации «Переводной роман» – Ион Колфер («Дичь Артемиды» – «Artemis Fowl»);

в номинациях «Рассказ» и «Сборник» – Андреас Грубер (за новеллу и книгу под общим названием «Последняя поездка времен Эноры» – «Die letzte Fahrt der Enora Time»);

в номинации «Серия» – «Maddrax» (издательство «Бастай»);

в номинации «Автор года» – Дж. Р.Р. Толкин;

в номинации «Постановка» – фильм «Властелин Колец: Братство кольца» (Лив Тайлер и Иен Маккеллен признаны лучшими актерами за роли в этом фильме, а режиссер Питер Джексон получил почетный приз);

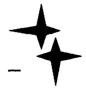
в номинации «Телесериал» – фильм «Баффи – истребительница вампиров»;

в номинации «Интернет-сайт» – www.SF-radio.de;

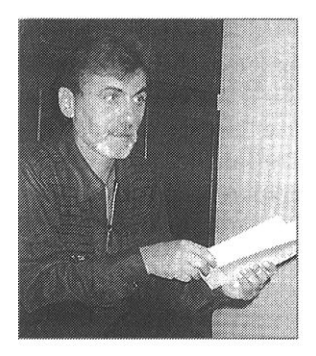
в номинации «Провал года» – фильм «Планета обезьян» ***(«ЗД-информ»)***.

20/X Исполнилось 50 лет Борису Завгороднему

Волгоград. В неофициальной, семейной обстановке местные любители фантастики поздравили с полувековым юбилеем Бориса Завгороднего – «фэна № 1» Советского Союза, легендарного Завгара. Он был основателем волгоградского КЛФ «Ветер времени», в начале 80-х принимал активное участие в формировании отечественного фэндома. Одним из первых он наладил связи с мировым НФ-сообществом, хотя в ту пору контакты с иностранцами, мягко говоря, вызывали подозрение властей. А в 1991 году Борис организовал первый в нашей стране международный фестиваль фантастики «Волгакон», на который, в частности, приехали Кристофер Сташефф и Тер-

ри Биссон. Примерно тогда же он занялся издательской деятельностью – его стараниями были выпущены дебютные книги Марианны Алферовой, Сергея Синякина, Владимира Васильева, Сергея Щеглова и многих других.

Рыночные реалии оказались более суровы к Борису Завгороднему, чем советская власть. На какое-то время «фэн № 1» отошел от фантастики. И все же настоящего энтузиаста не удержишь в «клетке быта». В 2001-м Борис организовал еще один «Волгакон» – и снова на берегах Волги был праздник, вручали призы, говорили о литературе...

К юбилею Завгара его супруга Светлана Мелихова подготовила сборник «И это все о нем» – в него вошли разнообразные материалы о жизни и работе Бориса (воспоминания родных и близких, статьи из любительских и профессиональных изданий). Те, кто принял участие в сборнике, не жалели теплых слов в адрес юбиляра. «Звездная дорога» с удовольствием присоединяется к их поздравлениям. Здоровья вам и семейного счастья, уважаемый Борис Александрович, дорогой наш Завгар! Доброй вам фантастики! ***(«ЗД-информ»)***.

30/X–3/XI Прошел фестиваль «Утопия»

Нант (Франция). На III Международном фестивале фантастики «Утопия» в центре внимания собравшихся оказались новейшие достижения науки и те перспективы, которые они открывают перед человечеством: ученые и писатели обсуждали клонирование, генную инженерию, технологии омоложения, а также процессы, идущие в человеческом мозге. Не менее актуальными были темы литературных «круглых столов»: «НФ после 11 сентября», «НФ становится глобальной», «НФ в Италии Берлускони» (среди итальянских левых интеллектуалов вошло в моду приезжать на международные конгрессы в соседние страны, чтобы обрушиться с руганью на собственное правительство). Тезис о глобализации НФ подтверждался списком участников, среди которых были не только американцы (Терри Биссон, Норман Спинрад, Дэвид Брин, Люциус Шепард, Сэмюэль Дилэни), англичане (Роберт Холдсток, Кристофер Прист) и французы (Франсис Бертло, Пьер Лагранж, Пьер Бордаж, Кристиан Гренье, Жером Камю, Жан-Пьер Юбер), но и представители таких стран, как Бразилия (Роберто де Соуза Каузо) и даже Куба (некто Йосс). А вот из России не приехал никто...

В ходе фестиваля было вручено несколько премий. Самая известная из

них – Гран-при воображения. Ее обладателями стали: Мишель Пажель (за лучший франкоязычный роман «Король августа» – «Le roi d'aout»), Джамиль Насир (за лучший переводной роман «Башня грез» – «The Tower of Dreams»; автор – палестинский эмигрант, живущий в Чикаго), Клер и Роберт Дельма (за лучший франкоязычный рассказ «Любой ценой» – «A n'importe quel prix»), Грэм Джойс (за лучший переводной рассказ «Ленинградские ночи» – «Leningrad Nights»), Мишель Риот-Сарси, Тома Буше и Антуан Пикон (за «Словарь утопий» – «Le dictionnaire des utopies»), Дидье Граффе (за иллюстрации к новому изданию «20 000 лье под водой»), Сильвия Миллер (Европейский приз за пропаганду во Франции испанской НФ). А Приз Алена Дормье (учрежден в память об известном энтузиасте фантастики) достался французской писательнице Сильвии Лене ***(«ЗД-информ»)***.

2/XI Умер Чарльз Шеффилд

Роквилл (шт. Мэриленд). В местном хосписе скончался от рака мозга ученый и писатель-фантаст Чарльз Шеффилд. Ему было 67 лет. Болезнь была диагностирована у него всего три месяца назад.

Шеффилд родился в Великобритании, учился в Кембриджском университете. В середине 60-х был приглашен на работу в НАСА и переехал в Соединенные Штаты. В дальнейшем он занимал посты руководителя научного департамента корпорации «Earth Satellite» и советника комитета технологического развития при Конгрессе США.

Сочинять фантастику Чарльз Шеффилд начал незадолго до того, как ему исполнилось 40 лет. Первый рассказ («Какие песни сирены пели») увидел свет в журнале «Galaxy» в 1977 году. В 1992-м Шеффилд был удостоен Мемориальной премии Джона Кэмпбелла за роман «Побратим драконов», а в 1994-м повесть «Думая о Джорджии» принесла ему премии «Хьюго» и «Небьюла». На русском выходило несколько книг этого писателя, в том числе романы из цикла «Наследие Вселенной».

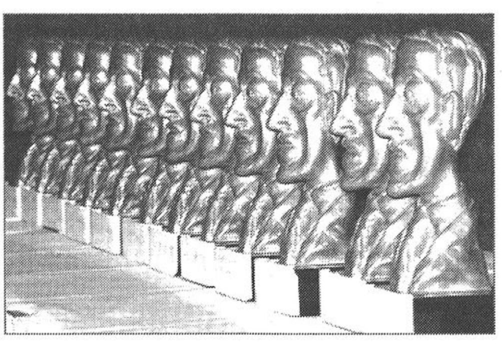
Шеффилд писал не только НФ, но и научно-популярные книги. В начале 80-х сенсацией стали два альбома спутниковых снимков Земли, которые он подготовил к печати и снабдил комментариями. А его организаторский талант ценился коллегами настолько высоко, что они избирали Шеффилда президентом Ассоциации американских фантастов и президентом Американского общества астронавтики.

У писателя остались четверо детей от разных браков и вдова – известная фантастка Нэнси Кресс ***(«ЗД-информ»)***.

3/XI Присуждены Всемирные премии фэнтези

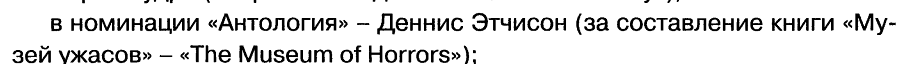
Миннеаполис (шт. Миннесота). На Всемирном конвенте фэнтези прошла церемония вручения ежегодных Всемирных премий фэнтези (присуждаются по результатам голосования литературного жюри). ***(На снимке – призы: бюсты Говарда Лавкрафта работы художника и писателя Гахана Уилсона.)*** Лауреатами оказались:

в номинации «Роман» – Урсула Ле Гуин (за произведение под названием «Другой ветер» – «The Other Wind»);

в номинации «Повесть» – С.П.Сомтоу («Птицелов» – «The Bird Catcher»);

в номинации «Рассказ» – Альберт Коудри («Королева на день» – «Queen for a Day»);

в номинации «Антология» – Деннис Этчисон (за составление книги «Музей ужасов» – «The Museum of Horrors»);

в номинации «Авторский сборник» – Нало Хопкинсон (за книгу «Кожаные люди» – «Skin Folk»);

в номинации «Художник» – Аллен Козловски.

Призами за вклад в развитие жанра отмечены Джордж Скитерс и Форрест Дж. Аккерман ***(«ЗД-информ»)***.

3/XI В Англии наградили пожилого дебютанта

Уолсолл (Великобритания). Премия Джеймса Уайта, которой награждается лучший фантастический рассказ доселе не публиковавшегося автора, присуждена Джулиану Весту за сочинение под названием «Vita Brevis Ars Longa» («Жизнь коротка, искусство вечно»), напечатанное в английском журнале

«Interzone». Счастливчик, которому, судя по фотографии на сайте премии, уже исполнилось 50, получил свою награду на «Новаконе» – одном из крупнейших в Англии фестивалей фантастики. Решение о ее присуждении принимало международное жюри, состоящее из профессиональных писателей и редакторов ***(«ЗД-информ»)***.

4/XI Стартовал литературный конкурс Европейского космического агентства

Ноордвик (Нидерланды). Европейское космическое агентство объявило о старте Международного конкурса молодых фантастов имени Рэя Брэдбери и Артура Кларка. Как отмечается в пресс-релизе агентства, творчество авторов НФ вдохновило не одно поколение исследователей космоса. Более того, фантасты нередко предлагали конкретные решения, которые сейчас близки к реализации, – например, концепцию «космического лифта» или межзвездные перелеты при помощи «солнечного ветра».

Именно новые технологии и обстоятельства, связанные с их применением, предлагается поставить во главу угла будущим участникам конкурса. Судя по тому, что в составе судейской коллегии преобладают ученые, а не писатели, научная достоверность и свежесть технической идеи станут основными критериями победы в состязании.

Принять участие в конкурсе смогут жители любой страны мира в возрасте от 15 до 30 лет. Им необходимо написать рассказ объемом не более 2500 слов – естественно, на английском языке. Один человек вправе выставить на конкурс только одну работу. Ее отправка и заполнение регистрационной формы производятся в Интернете (нужно набрать в командной строке браузера http://www.itsf.org/index.php?PAGE=contest%2Findex.html и нажать «ввод»). Срок подачи работ истекает 28 февраля 2003 года.

«Звездная дорога» искренне надеется, что молодые российские фантасты воспользуются уникальной возможностью заявить о себе на европейском уровне, а может быть, даже завоюют один из призов ***(«ЗД-информ»)***.

7–10/XI Состоялся XII фестиваль фантастики и ролевых игр «Зиланткон»

Казань. В традиционном фестивале фантастики и ролевых игр участвовало около 1300 человек. Стоит отметить, что, в отличие от многих конвентов,

среди участников этого преобладают именно любители игр.

Впрочем, литературе тоже отводится заметное место. На «Зиланткон» приехали известные писатели и критики (С.Логинов, Н.Резанова, Н.Мазова, В.Владимирский). Были вручены две премии «Большой Зилант» – Андрею Валентинову за роман «Дезертир» и Наталье Резановой за роман «Последняя крепость». Напомним, что эта премия присуждается за произведения, вышедшие некоторое время назад, обретшие своего читателя, но так и не получившие никаких наград. Кроме того, на фестивале состоялась презентация журнала «Звездная дорога», которую провел главный редактор «ЗД» Александр Ройфе.

На конвенте работали различные творческие мастерские, по итогам их деятельности вручались призы. Премию «Малый Зилант» за успехи на литературном семинаре получила Анна Рус. Любопытно, что год от года поэтическая часть этого семинара становится все сильнее, а прозаическая – все слабее.

И, конечно, на «Зилантконе» было раздолье «ролевикам»: их ждали многочисленные турниры, концерты, семинары по теории и практике ролевых игр. Состоялся и традиционный костюмированный бал ***(Владимир Обручев)***.

Все пути ведут на «Роскон»!

Литературная конференция по фантастике «Роскон-2003» состоится с 13 по 16 февраля 2003 года под Москвой, в доме отдыха «Планерное» Управления делами Президента РФ.

Во время конференции самым демократическим путем – никаких номинационных списков, голосование в два тура! – будут вручены премии «Роскон». Кроме того, состоится присуждение премии Кира Булычева «Алиса», а также иных призов, дипломов и наград.

Все мероприятия проходят в 8-этажном корпусе дома отдыха. Питание и условия проживания – отличные. Среди почетных гостей конференции – Кир Булычев, Василий Головачев, Сергей Лукьяненко, Владимир Михайлов.

Будут проведены пять мастер-классов: Василия Головачева, Александра Громова, Сергея Лукьяненко, Г. Л. Олди, Ника Перумова и Святослава Логинова (вместе).

Всю дополнительную информацию можно получить на сайте www.convent.ru.

Стоимость участия (включая питание и проживание):

– одно место в двухместном номере – $125 (при предварительной оплате – $100);

– место в двухкомнатном трехместном – $120 (при предварительной оплате – $100);

– место в двухкомнатном двухместном полулюксе – $140 (при предварительной оплате – $120);

– в одноместном номере – $150 (при предварительной оплате – $120);

– в двухместном люксе – $300 (за два места);

– в трех- и четырехместных номерах – $ 60 (только по предварительной оплате, таких мест всего 50);

– без питания и проживания – $30 либо по $10 за один день конвента (гостевой сбор).

Контактные телефоны: (095) 918-10-87 (МЦФ, Олег Колесников), 170-72-31 (Олег Колесников), 931-19-89 (Дмитрий Володихин).

ОЖЕРЕЛЬЕ МИРОВ

Николай Басов

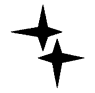
КРЫЛЬЯ ДЛЯ АНГЕЛА

Почему люди не летают, как птицы? Этот вопрос волновал не только Катерину из хрестоматийной пьесы Островского. Корни людского стремления оторваться от грешной земли следует искать в далеком прошлом, во времена создания мифа об Икаре и даже ранее. Соответственно, и в произведениях фантастов летающие люди не редкость. Гриновский Ариэль, булгаковская Маргарита, герой рассказа Вячеслава Рыбакова «Не успеть!»... Популярный московский фантаст Николай Басов тоже не устоял перед возможностями, которые дает писателю эта тема. Его версия подчеркнуто современна и вместе с тем поднимает воистину вечные вопросы...

Поссорившись с женой из-за того, что он задержался с ребятами в пивнушке, а она отказалась в третий раз разогревать борщ, Федор Чулков вышел из дома. Идти ему было некуда, все приятели уже, наверное, сидели перед телевизорами и вряд ли желали продолжения банкета. Весело, когда народу много, а вдвоем с кем-либо, да еще под изучающим взглядом чужой жены, сидеть перед тем же телевизором было не с руки. Поэтому Чулков отправился на Новодевичье поле, где давно приметил недорогой и, как ему казалось, вполне приличный ларек. Он решил немного остыть от упреков, которые выслушал от жены, а также от слов, которые сам высказал в запале и о которых уже жалел.

Бесцельно побродив между кустов, он неожиданно заблудился, а потому присел на лавочку под кустом сирени. Рассуждая про себя, возможно ли ему выпить еще хотя бы одну бутылку пива, он просто сидел и смотрел на влюбленные парочки и на собачников, которые после ужина стали выводить своих хвостатых приятелей на прогулку. Внезапно откуда-то из-за спины послышался голос:

– Чего сидим-то?

Это был странный мужичок в серой полотняной кепке, в толстых очках дымчатого цвета, за которыми почти не видно было глаз, с огромным, просто необъятным пакетом из коричневой оберточной бумаги в руках. Он по-хозяйски расположился рядом с Чулковым и дружелюбно улыбнулся.

Федор подозрительно покосился на мужичка, но все-таки решился и рассказал, как мог, что вот – жизнь протекает без смысла, жена ругается, дочь не здоровается, сын учится не то чтобы плохо, но как-то без вдохновения, поговорить не с кем, а раньше все было не в пример лучше.

Мужичок сдержанно вздохнул и вдруг уверенно, словно даже с тайным удовлетворением проговорил:

– Есть способ все исправить.

– Да ну? – не поверил Чулков.

А чтобы разочарование стало более явственным, хмыкнул. Хмык получился не очень выразительный, поэтому Чулков его повторил. Снова получилось не очень, тогда он попробовал в третий раз, и теперь вышло удачно.

– Конечно, – убежденно отозвался мужичок в кепке. – Вот, держи.

И он сунул в руки Чулкову свой пакет, вернее, поставил его перед Федором, потому что в высоту пакет был больше него самого и даже перегородил всю аллею. Чулков осторожно, стараясь не волноваться, попробовал на ощупь то, что находилось под бумагой. Это было что-то очень легкое, плотное и шуршащее.

– Что это?

– А крылья, – деловито сказал мужичок. – Ангельские. Надень их, помаши как следует, и полетишь... Если силенок хватит.

– Силенок у меня хватит, – отозвался Федор. – А вот как быть с инженерными расчетами? Если бы люди вот так запросто могли летать, кто-нибудь уже давно...

– Не сомневайся. Расчеты были, – перебил его мужичок. – Видишь, все глаза над ними растерял.

Почему-то это утверждение показалось Федору особенно убедительным.

– Ну, раз так... – начал было он, но договорить ему снова не дали. Мужичок поднялся, снял кепку, пригладил реденькие вихры, снова натянул свой головной убор и строго произнес:

– Слышь, Чулков, ты не сомневайся.

Федор не мог вспомнить, представлялся он этому типу или нет. Но то, что незнакомец правильно назвал его фамилию, определенно на

что-то указывало. Может, действительно существуют такие люди, которые за здорово живешь раздают ангельские крылья?

– Ладно, – согласился он. Ему-то сейчас все было по барабану. Он бы и бронепоезд купил, если бы сошелся в цене, хотя это совсем уж бессмысленная вещь, не то что крылья. – Может, найдем ларек и по пиву выпьем? Я угощаю. А то неудобно так вот... Бесплатно.

– Я пива терпеть не могу, – веско ответил очкастый и двинулся по аллее, осторожно обходя наиболее свирепых на вид собак. Перед тем как скрыться за поворотом, он вдруг обернулся и странно захлопал руками, как бы пытаясь взлететь. И прокричал:

– И тебе не советую!

Почему-то это подействовало на Чулкова отрезвляюще. Он поднялся, подхватил крылья, которые оказались вполне транспортабельными, и отправился домой.

Поутру у него почему-то разболелась голова. А вчера казалось, что он бодр и может выпить еще с полведра. Странное чувство, которое мучило его после беседы с мужичком в кепке, не проходило. Он вышел в прихожую, нашел огромный пакет и начал его рассматривать.

Из кухни появились жена с дочерью. Они смотрели на Чулкова одинаково хмуро, словно ожидая оправданий. Но вместо того, чтобы сразу перейти к упрекам, жена с вызовом поинтересовалась:

– Чулков, что это такое?

– Ангельские крылья, – объяснил Федор. – Вчера на Новодевичьем поле один тип...

– Даже слышать не хочу, – отмахнулась жена и ушла на кухню. А дочь только фыркнула, и куда выразительнее, чем это когда-либо удавалось Чулкову.

– А вот и крылья! – в отчаянии закричал Чулков, вытаскивая их из пакета.

Вообще-то, он их еще не видел. Вчера было не до того, а потом он и вовсе про них забыл и вспомнил только сегодня утром.

Каркас крыльев был сделан из какого-то сложного по составу беловато-серого вещества; к планкам крепились легкие, удобные петли для рук. По бокам и сзади крылья оканчивались перьями, жесткими, упругими и гладкими, так что даже провести по ним ладонью было приятно. Спереди кромка крыльев была покрыта пухом, который должен был, вероятно, захватывать воздух при взмахе.

– Здорово, пап, – сказал сын, выныривая из ванной. – Думаешь, настоящие?

Федор вздохнул. Если бы сын не спросил, он, возможно, положил

бы их на антресоли или повесил на стену. А этот вопрос все поставил на свои места – крылья следовало испытать. Федор подхватил их, прошел через большую комнату, где стояла их с женой кровать. Сын обо всем догадался, обогнал его и открыл балконную дверь. Федор вышел на балкон.

Жил он на третьем этаже хрущевской пятиэтажки. Еще три таких же дома были составлены углами, образуя двор, в котором имелись качели и песочница и который когда-то был покрыт кустами боярышника. Теперь этот боярышник по очереди вырубали соседи, когда им становилось некуда ставить новые машины. Так что развернуться, в смысле – полетать, в этом дворе было где.

Он посмотрел вниз. Петляя между припаркованных машин, шли на работу люди. Чулкова они не видели, он их, похоже, совсем не интересовал, и это обнадеживало. Правда, если расчеты мужика окажутся неверными, падать Федору придется высоко, но он все-таки вдел руки в три последовательные, жесткие, как на старинном щите, петли – у плеча, у локтя и в кулаке. Крылья изогнулись, теперь они плотно лежали на спине Федора, словно срослись с нею.

– Подожди, пап, тут сзади ремень какой-то, кажется, его нужно... – Сын подхватил торчащий слева ремешок, натянул и застегнул на правом крыле, соединив всю систему воедино. Зашел спереди, нашел еще пару каких-то тоненьких, но очень прочных и тугих ремешков и тоже уверенно, будто всегда этим занимался, загнал их в пряжки, похожие на те, что были у Чулкова на сандалетах. – Вот теперь правильно.

Федор почувствовал себя очень непривычно. Он распростер крылья. Из глубины комнаты донесся голос дочери:

– Вы чего это тут затеяли?

Федор, не обернувшись, взмахнул крыльями. Хорошо, что у него на балконе не было всяких шкафов или досок. Хорошо, что его балкон не был застеклен, как у многих соседей. Иначе пришлось бы прыгать с крыши, а это страшнее.

Сначала крылья рванули его вперед, он чуть изменил угол атаки, взмахнул ими еще раз, сильнее и шире, и... взмыл в воздух. Прямо вверх, словно подпрыгнул на месте. Конечно, при этом он довольно чувствительно стукнулся о балкон четвертого этажа, но голова все равно болела, так что Чулков даже не обратил на это внимания.

– Мам, смотри, что они делают! – заорала дочь. Жена, свирепо рыча, бросилась в большую комнату.

Это придало Чулкову сил. Он перебрался через ограждение, взмахнул руками еще раз и бросился в пустоту, надеясь, что если крылья

и не подхватят его, то удастся спланировать на них и не очень ушибиться.

Ощущение полета возникло сразу, как иногда во сне мгновенно приходит состояние парения. Это и было похоже на сон.

Вот Чулков изо всех сил машет руками, вот удивительным образом находит под крыльями опору, вот зависает на месте, тут же соскальзывает чуть ли не до первого этажа, но опора под руками становится уже совершенно ощутимой...

Он поднажал и начал подниматься. Промчался над крышами машин, поднялся еще немного и сумел перемахнуть через оставшиеся реденькие кусты боярышника. Снова напрягся, замахал руками чаще и оказался на уровне своего третьего этажа.

Жена с балкона кричала во весь голос:

– И так, окаянный, про тебя все соседки судачат, а тут еще...

– Вам дай волю, вы про каждого сплетню сочините! – крикнул Чулков, но без злобы, а просто от невыразимого наслаждения. И это оказалось самым правильным. Жена умолкла: видимо, он попал в точку.

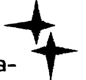
Но не это было сейчас главным. Куда интереснее и важнее было то, что он летел. По-настоящему, поднявшись уже до середины четвертого этажа. Он летел.

Потом разом стало тяжело. Кровь зашумела в ушах, сердце забилось так, словно он поднимал немыслимой тяжести штангу... И все-таки Чулков испытывал восторг. Даже счастье!

И все волнения, все недовольство жизнью разом ушли. Мужичок в дымчатых очках не соврал – это было решение всех проблем. И очень качественное решение, так что у Чулкова не возникало ни малейшего сомнения: больше они никогда не вернутся. У него теперь была жизнь вместо прозябания, цель вместо пустых мечтаний, предназначение вместо непреходящей скуки!

Вот тогда-то он и врезался в стену противоположного дома. Да еще всем телом, с такой силой, что чуть не свалился вниз. Он попытался оттолкнуться от стены, как пловец, достигший противоположного края бассейна, однако сделать это как следует ему не удалось. Он потерял высоту, даже зацепился за верхние ветки деревьев, но все-таки сумел выровняться.

Теперь он летел назад, в сторону своего дома, развернувшись так, как этого не сумела бы сделать ни одна птица. Теперь ему приходилось снова набирать высоту, чтобы дотянуть до балкона. Чтобы хоть на руках на нем повиснуть... Приземлиться и очутиться в окружении раздалых автомобилистов и их жен почему-то казалось ему немыслимым.

Он снова напрягся... И стукнулся крылом о провод. Боль была такая, будто он ударился рукой, а не пластмассой и перьями. Клочья пуха закружились, отброшенные порывом ветра. Чулков, изогнувшись, оглянулся и заметил, как соседский мальчишка подхватил пушинку...

Приблизившись к дому, Чулков полетел вдоль окон. Все-таки он научился маневрировать, хотя получалось у него пока не очень. Потом он в очередной раз набрал высоту и, чувствуя, что сил уже не осталось, кинулся к своему балкону.

О балконную ограду он тоже ударился, да еще чуть было не поранил жену крылом, когда она ловила его, расставив руки. Да еще едва оконное стекло не разбил... Но все-таки не разбил. И разом обмяк, когда жена подхватила его, с неженской силой выдернув из провала трех этажей и из полета, как рыбину из воды.

Как с него снимали крылья, как ввели в большую комнату, он помнил плохо. Отдышаться сумел, только когда уже лежал на диване. Пока его волокли к дивану, жена сдернула крылья. Теперь это было приятно — избавится от врезающихся в тело ремней, от огромных крыльев, разом ставших неудобными и чересчур громоздкими. Кроме того, на нем насквозь пропотела футболка, которую жена сдернула вместе с крыльями. Так что все получилось на редкость удачно.

Но самым удачным было то, что ни жена, ни дочь не ругались. Обе как-то странно притихли, когда он вытянул ноги. И смотрели на него изучающе. Только сын прокомментировал:

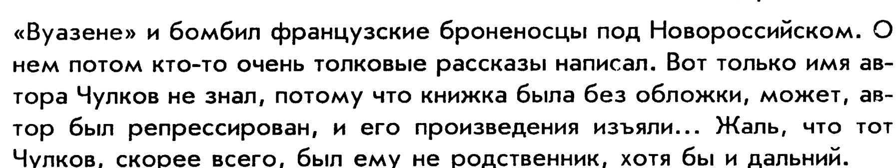
— Ну, пап, ты даешь!

И это было почти так же здорово, как летать. Хотя и совсем из другой оперы.

Сказавшись на работе больным и оставшись дома, провалявшись на диване пару часов, Чулков понял, что обдумывает один непростой вопрос — почему все это выпало именно ему?

Ну да, он был нетрезв. Но ведь это не повод, чтобы награждать его крыльями? А то, что это было наградой, и никак иначе, сомнений не вызывало. Шутка ли — первый человек, который научился летать сам по себе!

В общем, по зрелом размышлении Чулков решил, что все было правильно. Ему всегда очень хотелось летать, он даже чуть было в авиационное училище не поступил, если бы не зрение. Да и «Чайку по имени Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха читал раз пятьдесят. И про разные этапы развития авиации собрал чуть ли не целую библиотеку. А потому, например, знал, что еще в конце Гражданской на юге страны был такой летчик по фамилии Чулков, который начинал летать еще на

«Вуазене» и бомбил французские броненосцы под Новороссийском. О нем потом кто-то очень толковые рассказы написал. Вот только имя автора Чулков не знал, потому что книжка была без обложки, может, автор был репрессирован, и его произведения изъяли... Жаль, что тот Чулков, скорее всего, был ему не родственник, хотя бы и дальний.

Когда раздался звонок в дверь, Чулков подремывал, утомившись размышлениями. Дверь открыла жена, которая, потрясенная полетом мужа над двором, тоже решила не оставлять его одного: вдруг еще что-нибудь удумает? Потом в прихожей послышался ее голос, мягкий, воркующий, какого сам Чулков не удостаивался давно. И когда он уже почти заинтересовался тем, что же там происходит, в комнату ввалились с телекамерой какие-то люди. На телекамере были три буквы — «НТВ». Жена шуршала своим лучшим халатом, который почему-то был на ней, а дочь воинственно постреливала глазками.

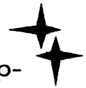
И тогда Чулков разом понял, что пропал.

Контракт был очень солидным — гонорар, проценты за прокат фильма и прочее... Жена стояла рядышком уже в шубе, день был очень холодным, а Чулков и не заметил, что все лето жена с дочерью проспорили с фирмачами о его первом «заказном» полете.

Дочь не отходила от какого-то типа в кожаной куртке, который, похоже, ей очень нравился и который просил называть себя просто Гошей. Должность у него была вполне обыденной — администратор. Он утверждал, что когда-то работал в цирке. Это Чулков одобрил, он вообще любил цирк, только стеснялся признаться. А вот жене это было не по нраву: она почему-то решила, что если парень из цирка, значит, дурачок. Чулков же считал, что для того, чтобы работать в цирке, нужно иметь куда больше ума, чем в Государственной Думе: циркачи своими жизнями за дурость расплачиваются.

Сначала перелет задумали с размахом — со Спасской башни на храм Василия Блаженного, но на Блаженном не нашлось места для посадки. Да и Гоша не сумел договориться об аренде Спасской башни, слишком много запросили. Пришлось прыгать из Царской башенки и лететь до Мавзолея. На Царскую башенку жена согласилась со скрипом, хотя Чулкову эта идея пришлась по вкусу: он давно хотел на ней побывать, к тому же, говорят, с нее еще Наполеон на пожар московский смотрел.

Когда они, осторожно придерживая крылья, в сопровождении телевизионщиков поднялись по узким и грязным ступеням, внутри башенки оказался какой-то мусор, брошенные старые носилки, а в камни дверного проема было ввинчено что-то похожее на ржавую консоль для ту-

рельного пулемета. Гоша объяснил: это киношники давным-давно ввернули, когда фильм про взятие Кремля в семнадцатом снимали. А потом не смогли вывернуть.

Потом стали готовиться. Дочь с Гошей остались на башенке, а вот жена ушла на Мавзолей. При этом одна из камер последовала за ней, мигая красным глазком. Жену это утешало, она даже пыталась вести себя с не свойственным ей добродушием, когда камера работала. И увела сына. Тот хотел остаться, чтобы помочь застегнуть ремешки, но Гоша сказал, что будет лучше, если это сделает дочь. Он ее все время выпихивал вперед – наверное, пиарил, как теперь говорят.

Чулков разделся, оставшись в тренировочных штанах и футболке. На ноги натянул легкие черные кроссовки, он и не знал, что такие легкие бывают, пока ему Гоша с дочерью не купили где-то за бешеные деньги, почти сто зелеными. Потом надел крылья. Ремешки, как и было договорено, затянула дочь.

Почему-то Федор был уверен, что все пройдет как надо, но все равно волновался. Народу собралось слишком много, объяснил он себе. Люди запрудили Красную площадь, стояли на Васильевском спуске, у гостиницы «Россия», на мосту через Москву-реку, а отдельные фигуры виднелись даже на крыше ГУМа. В общем, не полететь Чулков никак не мог.

Он опробовал крылья, взмахнув ими вверх-вниз. Толпа внизу зашумела, кое-где засвистели – наверное, в знак поддержки. Камеры, которые держали на плечах дюжие мужики, фиксировали каждое его слово, каждое изменение мимики.

Дочь дрогнула и спросила:

– Ну что, пора?

Оттолкнувшись от стены с зубчиками, Чулков сначала здорово провалился вниз, даже в ушах засвистело, крылья почему-то не захватили достаточного количества воздуха. Потом все-таки почувствовали опору, остановили падение. На долгий, долгий миг Чулков завис на месте... Но останавливаться было нельзя, он мог снова провалиться и тогда до Мавзолея уже не дотянул бы.

Толпа на площади, которая на миг умолкла, разразилась криками, люди, кажется, жаждали, чтобы он все-таки упал. А может быть, наоборот, поддерживали, давали советы, как могли. Чулков еще немного соскользнул вниз, отчаянно работая крыльями, уже обживаясь в воздухе, и почувствовал, что может двигаться плавно. Так, взмахивая руками все уверенней, он двинулся к Мавзолею.

Поднимаясь над толпой, он смотрел по сторонам и удивлялся. Ле-

теть возле Кремля было легко, да и ветер дул почти попутный, только сносил его к центру площади, а ему-то нужно было вдоль стены, над елками и трибунами, которые так и остались с коммунистических времен.

Проводов тут не было. Да и толпа вдруг затихла, казалось, во всей этой огромной массе людей никто не дышит. А Чулков переваливал через какие-то миниатюрные невидимые вихри, подбрасывавшие его вверх, и преодолевал воздушные ямы, тянувшие вниз.

Федор почувствовал кураж, настоящий артистический кураж, который заставляет даже циркачей, людей тренированных, делать то, чего они сами от себя не ожидают. Он пролетел над людьми, стоявшими у ограды Василия Блаженного, где кончалось милицейское отцепление. Все смотрели на него и поддерживали — собственным вниманием, силой убежденности и жгучим желанием летать. И Чулков понял, что ощущали первые летчики...

Потом он вдруг осознал, что не сможет подняться так высоко, чтобы приземлиться на вершину Мавзолея. Слишком уж он растратился, когда делал такой широкий крюк. А ведь смог же слетать с балкона через двор и обратно...

Пришлось плюхнуться на трибуну, где раньше всегда стояли вожди, принимая парад. Тут же, кстати, оказалась жена с парой охранников. Чулков опять приземлился не лучшим образом — ударился о стену за трибуной всем телом, упал, расшиб коленку и локти, на которые принял удар, чтобы не поранить крылья.

Шум после его полета возник колоссальный. Снова приезжали с НТВ, но теперь Чулков уже знал, что эту компанию пускать не следует. Не любил он их, слишком много у них рекламы, а верующие люди советовали вообще их не смотреть... На два других телеканала он все-таки сходил. На одном попытался рассказать историю о мужичке с Девички, но ему не поверили и чуть не обсмеяли. А на втором и вовсе почти ничего не спрашивали, а разговаривали в основном с психиатром, которого, как оказалось, пригласили заранее: мол, что поведение Чулкова может значить с позиций современной науки о человеке.

Федор, что было ему совсем не свойственно, почувствовал себя оскорбленным. Он сказал:

— Я-то думал, вы приличные люди.

Поднялся, сдернул с себя микрофончик и, хотя был прямой эфир, пошел к двери, по дороге небрежно подняв и уронив на пол стул в знак протеста. Двери оказались запертыми, но он стукнул в них пару раз ногой, и его тут же выпустили.

Как ни странно, после того, как он разозлился на этих дураков с телевидения, всякие журналисты и операторы с камерами стали еще больше виться около его дома.

Дочь купила себе «Вольво», и Гоша учил ее водить машину. А жена приносила вырезки из разных газет и журналов. Выяснилось, что их можно заказать в специальной фирме, хотя стоила эта услуга немало. Зато вырезки собирались чуть ли не со всего света, и многие были на таких языках, о которых Чулков даже не слышал. К тому же жена сказала, что реклама стоит любых денег.

Сначала Чулков заглядывал в папки, куда жена складывала вырезки, и, если они были по-русски, читал их. В одной он ознакомился с заключением какого-то специалиста, ссылавшегося на Ури Геллера и утверждавшего, что полет Чулкова – новое слово в иллюзионной технологии. Он обосновывал это тем, что Чулков якобы может лететь только между двумя опорами. А с земли не взлетает. От детального разбора полета Федора по широкой дуге над головами собравшихся на Красной площади специалист благоразумно отказался.

В другой статье такой же умник полагал, что Чулков – новое откровение пришельцев, требующих, чтобы человечество одумалось, стало обходиться без холодильников, не рубило лес и больше не убивало китов. Почему его волновали именно киты, а не другие животные, объяснить этот ученый не мог.

А потом появились иностранцы. Сначала французы.

Перелет должен был состояться через Сену в Париже. Тут уже все выглядело довольно культурно. Чулков подписал контракт на восьмидесяти страницах, обещающий такую сумму, что даже жена улыбалась минут пять подряд. И в Париж их отвезли на спецсамолете, позволив держать крылья при себе.

Дочь, едва вселившись в отель, тут же заказала по телефону газету «Из рук в руки» и, когда «Федерал экспресс» приволок ей на следующее утро из Москвы прямо в номер «Этуаль Сен-Фердинан» пухлую пачку газетной бумаги со знакомым логотипом, стала вычитывать, нельзя ли прямо тут, под Парижем, купить дачу.

От этого Чулков удрал из отеля. Попетлял по самым крупным улицам, потому что ему не советовали углубляться в переулки, вышел прямо к Триумфальной арке. Оказалось, что от нее два шага до авеню де Нью-Йорк, по сути никакой не авеню, а нормальной набережной, на которую Чулков и должен был спланировать с Эйфелевой башни. Разумеется, с Эйфелевой, как же иначе?

Собственно, лететь было недалеко, но в Париже, как выяснилось,

все расположено недалеко. Куда ближе, чем Чулков привык в Москве. И это внушало удивление.

А вот высота внушала страх. Удержаться на такой высоте и так было нелегко, а тут еще ветер, как оказалось, дует почти непрерывно. К тому же провода... Чулков уже понял, что в полете он их почему-то плохо видит, наверное, его мозги работают как-то иначе, не фиксируя такую эфемерную на вид преграду. А может, он вообще плохо чувствовал преграды. Ведь он и о соседский дом стукнулся, не рассчитав расстояния, и на Мавзолей приземлился так, что едва в больницу не загремел.

На башне в день полета собралось, наверное, три сотни журналистов. Они жужжали своими камерами, переговаривались, многие нервно курили. Почти три четверти из них были женщины. Чулков решил, что понимает, почему во Франции тележурналистами работают преимущественно женщины: любвеобильный народ, а на экране куда интереснее смотреть на что-нибудь приятное.

Когда он надел крылья, его попросили немного постоять просто так, для истории. Женщинам нужно было рассмотреть его поближе, взять крупные планы. Мужикам с телевидения, как выяснилось, было гораздо интереснее, насколько успешно Чулков справится со своей задачей, поэтому они обосновались внизу, под башней. К тому же, если он разобьется, добежать до тела можно будет быстрее...

Кто-то из девушек попытался взять у него интервью. Переводчик, нанятый Гошей, был дурак дураком, переводил все подряд. Одна ненакрашенная мымра пристала:

– Скажите, довольны ли вы своей женой, может быть, мы могли бы...

Другая поинтересовалась:

– Сколько может стоить выкройка, снятая с ваших крыльев?

Чулков вздохнул и попросил переводчика замолкнуть. До него донесся грустный одинокий голос, который спросил по-русски:

– А как же я буду его в фокусе держать, если мне не дали штатив поставить?

– Снимай с рук, – последовал ответ. – Если будут дрожать – уволю.

Это, конечно, были энтэвэшники.

Чулков подошел к краю башни, перелез через перила, сел на карниз, свесив ноги, попросил жену слегка придержать его. Вдохнул поглубже. Кто-то тронул его за руку. Это был сын.

– Пап, когда ты уже не сможешь летать, отдай крылья мне, ладно?

– Ну, сегодня-то я долечу, – сказал Чулков и посмотрел вниз.

Там, как и в Москве, собрались люди. Они ждали катастрофы, слов-

но Чулков был обычным человеком и с таким устройством на плечах умел только падать. Тогда он поднялся на ноги и попробовал поработать крыльями.

Вот будет номер, если они уже выработали свой ресурс, подумал он. Но крылья исправно и даже как-то радостно заходили за его плечами, и он понял, что воздух опять становится упругим, как это уже было с ним дважды.

Полет удавался с самого начала. Крылья держали его, словно он парил в теплой, прозрачной, мягкой воде. Он мог делать что угодно — опускать голову, лететь боком, попробовал даже двигаться вперед ногами... И было совсем не холодно. Все тело опять переполняла энергия, пот пропитал футболку, надетую под крылья, будто он не летел, а дрова рубил.

Толпа внизу кричала, кто-то пытался даже орать в мегафон, но эти люди были далеко, не то что на Красной площади. И потому он пролетел мимо, абсолютно не обращая на них внимания. Потом промелькнула набережная, Сена, на которой по случаю его перелета не было ни одной баржи. Он всегда видел в фильмах, что Сена буквально забита баржами, что они тут как спинки булыжников на мостовой и бывают даже прижаты друг к другу, но сегодня их не было вообще.

Сегодня под ним сверкала гладкая вода одной из самых известных в мире рек. И он был этому рад, хотя уже начинал уставать. Но, с другой стороны, до берега оставалось недалеко, а запас высоты у него был солидный. И если есть высота, значит, все будет хорошо. Вот еще суметь бы поднырнуть под провода, которые натянуты вдоль набережной...

Тогда-то и прилетела пуля.

Выстрел Чулков услышал уже потом: должно быть, звук в самом деле распространяется слишком медленно в воздухе Франции. Пуля была из довольно большого ружья — наверное, из таких можно бить слонов в Африке, — и направила ее верная, умелая рука. Вот только, подлетев к Федору метров на пять, пуля замедлилась, расплющилась, словно врезалась в непреодолимую преграду, хотя никакой преграды не было, и уже боком ударила его по ребрам, вызвав мгновенную тупую боль. Чулков почувствовал, как его ребра ломаются, будто стеклянные, как осколки впиваются в легкие, не давая дышать... Но выхода у него, конечно, не было. Нужно было лететь дальше.

Чулков чуть вильнул в воздухе и увидел, что на набережной кто-то с кем-то дерется, кто-то кому-то крутит руки, все кричат и даже операторы снимают уже не его, Чулкова, а тех, кто в этой драке участвует.

Федор удачно поднырнул под провода и упал в вытянутые руки людей из толпы, почти смирившись с тем, что ему тут же начнут отламывать крылья. Но это приземление оказалось на удивление удачным — никто ему крылья не отломал, даже не попытался выдернуть ни одной пушинки.

Его приняли мягко, подержали в воздухе, поставили на мостовую и стали осторожно, как-то даже любовно поглаживать. Конечно, его тут же окружили полицейские, один даже принялся орать на людей из толпы, но это Чулкова уже не касалось. Свою работу он сделал и теперь мог опуститься на плиты авеню де Нью-Йорк и просто сидеть, разбросав руки с крыльями, как птица. Что он, собственно, и сделал.

В больнице за ним был уход, какого он даже не предполагал в больницах-то. И что характерно: ведь чужие люди, а улыбались, говорили «пожалуйста», иногда извинялись. Его и кормили по желанию дочери едой из ресторана, и телевизор у него был в полстены, и газеты с журналами — на любой вкус и на любом языке.

А стоило ему разок заикнуться, что он хотел бы послушать музыку, как ему притащили такой музыкальный центр, о марке которого он даже не слышал, — «Маранц». И стоил этот центр бешеных денег, как ему сказала дочь, «Сони» или «Самсунг» с ним и рядом не валялись.

Звук у центра в самом деле оказался приятным. Вот только Чулкова смущало, что это стоит так дорого, но жена сказала, что дочь подписала с фирмой по производству музыкальных центров контракт на рекламу и всю аппаратуру поставили бесплатно. Обрадовавшись, Чулков и компакт-дисков набрал, сколько хотел, и все свои самые любимые, из молодости. И «Супертрэмп», и Майка Олдфилда. Не забыл, конечно, классику — «Битлз», «Лед Зеппелин», «Дип Пепл».

Но больше всего ему нравилось, конечно, смотреть телик. А там только про него и говорили. И еще немного про этого дурака-ирландца, который в него стрелял. Оказалось, мальчишка был из ирландских республиканцев и требовал кого-то там освободить. Но Федор-то знал, что парню просто хотелось прославиться. И ему досталась какая-то толика славы. Но настоящая слава свалилась, конечно, на Чулкова.

Фокус был в том, что на какой-то ультрарапидной съемке, которую делали, как выяснилось, очень серьезные дяди, было хорошо видно, как плющится пуля, как она теряет устойчивость и как, вместо того чтобы пробить сердце Чулкова, всего лишь ломает ему ребра.

Некий университет предложил Чулкову повторить эксперимент с выстрелом, обещая, что гарантирует полную безопасность. Известный в

других кругах эксцентричный немецкий барон предложил купить у него три перышка из крыльев, чтобы носить их в кармане пиджака. Вероятно, барон не слишком полагался на бронежилеты.

Но по-настоящему сенсационное предложение пришло от Билла Гейтса. Он прислал чек на миллиард долларов и сообщил в сопроводительном письме, что хочет двух вещей. Первое: чтобы Чулков пролетел между башнями Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, которые только что отстроили заново. И второе: чтобы он передал ему, Гейтсу, свой «крылатый жилет», поскольку это достояние человечества следует изучать научно, а в России, конечно, ничего из этого не выйдет, потому что крылья отберет правительство или мафия.

Действительно, мафия и правительство на родине Чулкова были ребятами примерно одного склада и действовали одинаковыми средствами. Но почему-то Федору стало обидно. И он предложил Гоше ответить Гейтсу в резких тонах. Мол, ты, друг Билл, держишь цены на свою продукцию выше, чем последние выжиги из нашей русской мафии, на каждой компьютерной программе десятки тысяч процентов прибыли навариваешь, и «винды» у тебя глючат, особенно последние, и сам ты ничего не понимаешь в России. Письмо Чулков продиктовал, но сразу засомневался: а стоило ли так резко?

Ответ пришел буквально через четверть часа. Гоша сказал, что отправил послание Чулкова по факсу, который оказался в офисе больницы. В письме Гейтс благодарил за ответ, обещал миллиард только лишь за один перелет между башнями Центра, но сразу оговаривался, что он, Чулков, со своей женой и детьми должен принять американское гражданство, потому что такую колоссальную утечку капитала за рубеж, которая возникнет из-за этой проплаты, его страна позволить себе не может. К тому же он обещал со скидкой продать Чулкову некоторое количество акций компании «Майкрософт», а еще намекал, что познакомит со своей подругой и родителями.

В общем, когда Чулков с хохотом прочитал это письмо Гоше, потом жене по сотовому телефону, а потом и сыну, получилось не очень хорошо. Он еще не отсмеялся до конца, когда жена, дочь и Чулков-младший ввалились в его палату, и на лицах у них было написано такое, что смех застрял в горле у Федора.

Он понял, что придется лететь. За миллиард долларов не лететь ему, разумеется, не позволят.

Тем временем в мире вокруг Чулкова возник ажиотаж. Ну, про повальную эпидемию изобретательства крыльев, махолетов, орнитоптеров и инсектоптеров говорить смысла нет, это и так ясно. Кстати, народу на

испытаниях побилось очень много, но тут уж ничего не поделаешь, человечество всегда питало азарт к полетам, даже сверх всякой меры.

Потом его пригласил к себе Папа Римский. Они встретились. Папа оказался сухоньким, сморщенным, как печеное яблоко. Но в глазах его была мудрость. К тому же у него оказался очень хороший русский переводчик, можно было поговорить без труда. Они и поговорили. Чулков сказал, поцеловав руку Понтифику, заранее заготовленную фразу:

– Ваше Святейшество, я благодарю вас за оказанную честь.

А Святейшество ответил, и когда ответ перевели, Чулков мигом забыл другие свои заготовленные фразы:

– Тяжело, сын мой?

Так как Чулков не знал, что ответить, вернее, очень хорошо знал, так что и отвечать было бессмысленно, Папа снова спросил:

– Могу я называть вас сыном?

И тогда Чулкова прорвало. Он рассказал, как глупо все получается, как тяжело на самом деле каждый раз готовиться к полету, как его одолевает страх и что он совершенно не понимает, почему именно ему все это выпало, и какие дураки те люди, которые смотрят на это как на аттракцион, а он в каждый взмах крыльев вкладывает свою душу, иначе полететь невозможно...

– Да, – сказал Понтифик, когда Чулков наконец утих. – Теперь я вижу, что тебе это выпало по праву.

И больше ничего пояснять не стал, аудиенция закончилась. Видно, папа тоже очень устал. И не от одного Чулкова.

Потом ему предложила сотрудничество ЛДПР. Ее лидер обещал любую защиту от мафии или даже от налоговой полиции, когда Чулков вернется в страну, но взамен требовал, чтобы Федор шел с ним в одном партийном списке на следующих парламентских выборах. Лидеру Чулков отвечать не стал, этот болтун ему никогда не нравился, но возможность стать депутатом, ни за что не отвечать и получать министерскую зарплату и прочие привилегии его жену очень вдохновила. И она на Чулкова насела.

В общем, он согласился. Мол, если с американским миллиардом не выгорит, он предложит сотрудничество «Яблоку», потому что это единственная партия, которую пока не ловили на казнокрадстве. А значит, если «яблоки» согласятся, с ними можно иметь дело. Они уже согласились, сообщила дочь, которая медленно, но верно вытесняла Гошу с должности администратора при Чулкове. На том пока и порешили.

Полет за миллиард долларов между двумя башнями нью-йоркского Торгового центра был запланирован на весну. Погоду для Чулкова по-

добрали правильную. Воздух был плотным (наверное, от смога), держаться в нем было в самый раз. И ветра почти не наблюдалось. Чулков жалел, что из-за спешки не успел как следует посмотреть на Нью-Йорк, но решил, что осмотрится во время полета.

Жена, которая и на этот раз провожала его, заметно дрожала. Хотя была в новой, кажется, уже пятнадцатой по счету шубе. На другом небоскребе должна была находиться дочь. Она в последнее время окончательно избавилась от Гоши, учила английский и зачем-то брала уроки танцев.

Один из охранников предложил Чулкову натянуть на голову некое подобие шлема со встроенными наушниками и микрофоном, чтобы Федор мог комментировать свой полет. За это компания, производящая такие шлемы, обещала какой-то бонус. Но охранника оттолкнули парни с эмблемами «Майкрософта» на спинах, а когда тот запротестовал, вообще увели с крыши.

Чулков подошел к краю, перебрался через ограждение. Еще раз проверил крылья. Они показались чуть великоватыми, ерзали на спине, болтались в кулаках. Кажется, он стал бояться летать еще больше, потому что прыгнул вниз, закрыв глаза. Хотя никогда так раньше не делал.

Воздух оказался не совсем плотный, а обманчивый и прерывистый. То летишь, как в Париже, хоть трюки разные выделывай, то проваливаешься сразу этажей на двадцать вниз. И ничего не понятно.

Зато когда снизу вдруг ударил довольно теплый ветер, Чулков сумел набрать высоту. И тогда огляделся. Гудзон был забит кораблями, в тумане виднелась Статуя Свободы. Очень близко, гораздо ближе, чем можно было ожидать от такого города, начинались одноэтажные коттеджи и парки.

А вообще-то, лететь оказалось просто, потому что не было никаких проводов. И людей внизу видно не было, уж очень высоко вознеслись эти две домины.

Чулков уже решил, что пора и честь знать, пора планировать на другую крышу, как вдруг понял, что совсем не помнит, куда следует приземляться. По контракту, который дотошно растолковала ему дочь, если он не преодолеет расстояние между обоими зданиями, никаких денег не получит. А что тогда будет с женой? С дочерью? Да и обидно как-то целый полет отдавать американцам задаром.

В общем, он подлетел к одному из небоскребов, жену не рассмотрел, но она могла где-нибудь в сторонке наблюдать за его полетом по телевизору, который теперь всегда носил за ней какой-то совершенно незнакомый Федору мужчина. Этому проходимцу жена в послед-

нее время часто и широко улыбалась, так что вполне могла где-нибудь с ним уединиться.

На всякий случай Чулков полетел к другому небоскребу. Сам виноват, решил он, раз уж не научился разбираться в наземных ориентирах. С ними, как с проводами, у него все время выходила промашка. И вдруг он понял, что руки устали, очень. К тому же в воздухе разлилось какое-то гуденье. А оно не обещало ничего хорошего.

Вертолет вынырнул из-за здания небоскреба, к которому Чулков подгребал, как пловец, давным-давно израсходовавший свой запас энергии. И высоту он набрал хорошую, можно было бы спланировать, но он все-таки греб, чтобы все было по-честному и скорее закончилось.

Вертолет оказался довольно странный, черный, как сажа, без малейших признаков каких-нибудь цифр или букв. Он зашел Чулкову в бок, и от ветра, поднятого его винтами, крылья затрепетали, стали неровными, неуклюжими, так что Федору поневоле пришлось взять в сторону.

Потом черная машина стала подниматься, ураганный ветер обрушился на Чулкова, и вся запасенная им высота мигом пропала, теперь он уже не мог сесть на крышу, даже если бы начал набирать высоту, наматывая круги. А потом Чулков в окна небоскреба заметил, что за толстыми стеклами все орут, размахивают руками, куда-то показывают. Он обернулся — и ахнул.

Под ним на каких-то полупрозрачных кронштейнах болталась широкая, словно для Ихтиандра, сеть. И падал он прямиком в нее... Федор попытался развернуться, и ему это удалось — ценой потери двадцати этажей высоты. Вертолет развернулся следом за ним.

Откуда-то сбоку долетел мелкий стрекот винта. Обливаясь потом, Чулков обернулся туда, чуть не потеряв скорость, и увидел, что к нему и к черному вертолету несется прозрачно-белый пузырь с надписью «POLICE» на хвосте. Федор едва не перевернулся, попробовал направиться к этой странной воздушной лодочке, но...

Совсем рядом загрохотал пулемет. Чулков поднял голову. Черная машина снова висела над ним и поливала полицейский вертолет прицельным огнем. Федор сделал отчаянный рывок в сторону, надеясь, что теперь-то уже не попадет в сеть, но зря надеялся. И высоту не набрал, и мимо здания промахнулся, на этот раз окончательно.

А черная машина снова нависла над ним, потому что полиция благоразумно отвалила в сторону. Лучше бы она оставалась тут, подумал Чулков, но спорить не стал.

Удар о стекла небоскреба оказался сокрушительным, словно пря-

мое попадание снаряда среднего калибра. Чулков даже не понял, что это не он сам налетел на небоскреб, а его отбросило воздушной волной. Черный вертолет, заюлив на месте, снова попробовал захватить его сетью.

Левое крыло, сделанное из пластмассы и перьев, сломалось, да и левая рука, на которую пришелся удар, хрустнула так, что он даже не пытался ее поднять, все равно ничего бы из этого не вышло, кроме боли. Махать одной правой было глупо, к тому же воздушная струя от винта черного вертолета туго прижимала его к стеклянной поверхности окна. Та оказалась очень твердой, и, кроме того, между стеклянных панелей были вставлены какие-то алюминиевые на вид прокладки. Они обдирали Федору ноги и бока, словно терка.

Вертолет вращал сетью, опускаясь почти отвесно, крутясь в горизонтальной плоскости так, что Чулков ощущал удары воздушных потоков не только от главного, но и от хвостового винта. Они плющили его о небоскреб, и выхода из этого положения не было...

Вернее, можно было, заставив себя собраться, как перед прыжком в воду с вышки, нырнуть в сеть. На это пилот вертолета, собственно, и рассчитывал. Но Чулков не хотел этого делать. Конечно, он понимал, что разобьется в лепешку, если будет упрямиться или попробует спланировать, но в сетку все равно идти не хотел. И не пошел.

А потом вертолет врезался в небоскреб. И приникшая к экранам телевизоров Америка содрогнулась, вспомнив террористическую атаку, которая уже однажды разрушила это здание. Сначала черная машина зацепила сверхпрочное стекло кончиками основного винта, и те вдруг согнулись, словно пластилиновые. Тогда, потеряв устойчивость, вертолет ударился о небоскреб уже всей массой... Взрыв не столько оглушил Чулкова, сколько поразил его зрелищем побежавшей по стеклянным панелям волны вибрации. Она была величественной, неторопливой и почти красивой, если бы Чулков сумел рассмотреть ее как следует.

Но даже это у него не вышло, его опрокинуло вверх ногами, потом развернуло обратно, потом перевернуло еще раз и отбросило от прозрачной стены, на которой, как на поверхности болота от большого булыжника, образовалось подобие кратера. Тогда Федор понял, что падает уже по-настоящему. И остановить это падение не сможет.

Почему-то воздух, сделавшийся горячим и пронизывающим, теперь отказывал ему в опоре, словно карал за дерзость и гордыню, хотя Чулков хорошо помнил, что никогда не был ни дерзок, ни по-настоящему горд... Он просто любил летать, насколько позволяли ему крылья.

Он подложил под себя правое крыло, будто пытаясь заслониться от

этого ветра. И подумал: ну почему всегда находятся люди, которые все портят?

Он очнулся в больнице. Жены рядом не было, зато дочь сидела на стульчике, придвинутом почти к самой его голове. Чуть дальше, в кресле, сидел сын и дремал. За окном стояла какая-то сияющая мгла — должно быть, светилась близкая реклама. Вокруг было множество всяких пультов, каких-то приборов и даже настоящих экранов, которые цветными линиями обозначали его, Чулкова, состояние.

Тело почти не болело. Но поразило его не отсутствие боли, а то, что он вообще остался жив.

Дочь встрепенулась. По-хозяйски положила ему руку на лоб, на грудь. Должно быть, привыкла проверять на ощупь, теплый он или уже нет. Попробовала улыбнуться и прошептала:

— А Гейтс-то никаких денег нам не заплатил. — Вздохнула. — Сказал, что условия договора не выполнены. Хорошо еще, здание устояло.

Взглядом Чулков спросил ее: и что теперь?

— Судимся, — ответила дочь. — Может, хоть часть удастся отспорить. Но пока без результата.

— А с крыльями, — оказалось, сын тоже проснулся, — получилось плохо. Тебя же из них вырезали, теперь они ни на что не годятся. — Сын вздохнул так, что у Чулкова сжалось сердце. — За них теперь предлагают семьдесят миллионов.

Дочь внимательно посмотрела на Федора.

— Долларов, конечно.

— Нет, — проговорил Чулков и удивился, как ему удалось набрать в легкие столько воздуха, чтобы хоть что-то произнести. — Никому не продавать. Нечестно...

И тут же провалился в сон, но теперь уже спокойный. Знал, видно, что не умрет. Ему еще рано было умирать. Следовало что-то сделать с крыльями. Здесь он главный. И сумеет это доказать, что бы жена с дочерью ни говорили.

Молодой человек в странной, похожей на банную шапочке поднялся, когда Чулков въехал на своей автоматизированной коляске в кабинет. Он теперь редко покидал это кресло, не то что в прежние времена, когда он надеялся, что сумеет все-таки разработать переломанные кости. Сейчас ему оставалось надеяться лишь на то, что он уже не будет прикован к кровати так, как в последний год. И еще Федор рассчитывал, что сможет иногда выбираться в такие вот путешествия, пусть даже в коляске.

Ее, кстати, прислал Билл Гейтс после того, как выиграл процесс и вместо миллиарда заплатил только страховую премию. Запаса энергии для электромоторчика в коляске хватало, чтобы Чулков целый день мог разъезжать по дому и саду самостоятельно. Но Федор не выбросил и простое кресло, в котором его иногда возили жена или дочь. Сына он почему-то стеснялся.

Это была его первая вылазка из загородного особняка на берегу Волги в районе Барвихи, который приобрела жена, пока он был в коме. Путешествие до Москвы из его нового дома, охраняемого, как небольшая крепость, оказалось для него трудным. Он уже с ужасом прикидывал, сумеет ли выдержать дорогу назад. Но оставаться в городе, чтобы переночевать, он не хотел.

В последнее время он полюбил сидеть в беседке, выстроенной на небольшом холмике, и ни о чем не думать. Он бессознательно пытался привести разбитое тело в состояние покоя, при котором боль становилась меньше.

— Святейший сейчас выйдет, — объяснил юноша в черном. И почему-то опустил голову. Сейчас многие старались на Чулкова не смотреть. Должно быть, то еще было зрелище.

Чулков кивнул и оглянулся на сына. Сначала он хотел взять с собой Гошу. Тот, когда они вернулись в Россию после полугодового восстановления в клиниках чуть ли не всего мира, принялся названивать каждый день, а через неделю уже снова нашел с дочерью Чулкова общий язык. Настолько, что теперь даже ночевал в ее комнате. Но все-таки по зрелому размышлению Федор решил взять с собой сына, тем более что чемодан был на удивление легким. В нем ехали крылья. Они лежали между специальными поролоновыми подкладками, и их все время охраняло трое-четверо молодых людей, которые на этот раз остались на улице.

Только крылья были сломаны, и летать на них никто теперь не сумел бы.

Патриарх вышел к Чулкову, глаза у него были усталые, как у Папы Римского. Он попробовал улыбнуться и сел напротив Федора в кресло с прямой деревянной спинкой, машинально сделав жест, словно хотел с ним по-церковному троекратно поцеловаться. Но не стал. Догадался, как это будет больно Чулкову.

— Ваше Святейшество, — начал Чулков, обозначив поклон, как его учили, — я хотел бы передать эти крылья Патриархии. — Он помолчал, поскольку в последнее время разучился говорить длинными фразами. — Может быть, с вашей помощью... удастся их восстановить. Или хотя бы понять, почему они летали.

Чулков и сам не очень-то понимал, зачем пришел сюда. И почему выбрал Патриархию, а не какой-нибудь строгий научный институт. Наверное, потому, что ему понравился Папа Римский. И хотя у русских другой Святейший, он все равно решил, что так будет лучше всего.

– Я знаю, зачем ты тут, сын мой, – вздохнул Патриарх.

– Мне кажется, такое открытие не может оставаться неизученным. Ведь они летали, может, это новый принцип...

Патриарх снова грустно улыбнулся, подготавливая Чулкова к чему-то, что должен был сообщить, хотя ему и не хотелось этого делать.

– Создатель этих крыльев нам известен. Он уже лет двадцать делает такие крылья, перо к перу, безо всяких изменений. И раздает людям, которые соглашаются их принять.

Чулков вздрогнул.

– Двадцать лет?! Это не могло оставаться в тайне столько времени. Или Комитет?.. – Федор заволновался. – Со мной они просто не успели...

– Никакого Комитета, – сказал Патриарх. – Эти крылья, сын мой, не способны поднять в воздух человека.

Ледяная волна накрыла Чулкова, он даже о постоянных своих болях забыл.

– Но я ведь... Летал. И даже между небоскребами в Нью-Йорке пролетел бы, если бы не гангстеры, которые хотели меня похитить...

– Должно быть, – Патриарх вздохнул, – на это изобретатель и рассчитывал. Что все-таки найдет человека, который в них поверит. Просто поверит. И тогда...

– Значит, если просто сделать такие же крылья, – Чулков погладил кожаный чемодан, который был достаточно высок, чтобы до него дотянуться, – тогда...

– Вера трудна, иногда чрезмерно трудна для человека.

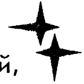
– Все-таки я не понимаю. Как? Почему?..

– Всегда ли нужно искать объяснений? – Патриарх поднялся, сделав знак молодому мужчине в странной шапочке. – Чудо необъяснимо, сын мой.

– А пуля, которая не убила меня в Париже, а пальба из пулемета? Ведь гангстеры, когда поняли, что не смогут меня поймать, били в упор!

Тогда, в Нью-Йорке, Чулков этого не осознавал. Он понял это гораздо позже, после многократного просмотра видеозаписи того полета.

– Если ты мог летать, то такую мелочь, как умение останавливать пули, должен воспринимать спокойно.

Они помолчали. В то, что найдется еще какой-нибудь сумасшедший, который вдруг да сумеет взлететь на вере в крылья, Чулков почему-то сразу не поверил. К тому же за двадцать лет до него такого ни разу не случилось.

– Значит, это – все? – спросил Чулков.

Молодой человек подхватил чемодан и понес его к двери, из которой появился Патриарх.

– К добру ли это, ко злу – покажет только время, – ответил Святейший.

Он благословил обоих Чулковых и вышел.

Когда Федор забрался в машину с бестолковыми охранниками, которые, как выяснилось, с самого начала охраняли неизвестно что, глупую модель, его сын шепотом спросил:

– Пап, у меня же твои гены, да? Пусть Патриарх говорит, что эти крылья не могли летать, но... Скажи, пап, что ты испытывал, когда летал?

Это было только начало, решил Чулков, и сразу успокоился, хотя как раз теперь ему и следовало волноваться изо всех сил. Это было только начало. И хотя чудо в принципе неповторимо, все-таки необходимо пытаться снова и снова, и тогда, может быть... Он собрался, как перед полетом, и начал:

– Понимаешь, на самом деле это не очень сложно. Проще, чем перебежать Ленинградский проспект в потоке машин. Нужно лишь... Хотя нет, расскажу-ка я тебе все с самого начала, чтобы ты понял нюансы. Как-то раз поссорился я с твоей матерью и забрел на Новодевичье поле...

Bakanov's choice

Говард Уолдроп

«...ИЗВЕСТНЫЙ НАМ МИР»

В «Звездной дороге» — премьера рубрики. «Bakanov's choice» переводится как «Выбор Баканова», а Владимира Баканова не надо специально представлять тем, кто в нашей стране интересуется переводами фантастики. Помимо того, что Владимир — превосходный профессионал, подаривший нам радость общения с Филипом Диком, Альфредом Бестером, Роджером Желязны и многими другими мастерами, он еще и замечательный организатор литературного процесса: составлял сборники зарубежной НФ, издавал журнал «SOS», руководит переводческой фирмой, устраивает семинары для начинающих переводчиков (более подробно об этом читайте в интервью, которое напечатано в разделе «Братья по разуму»). По мнению редакции, новые рассказы, отобранные Владимиром Бакановым для читателей «ЗД», способны существенно расширить наше представление о возможностях любимого жанра. И элегантная антинаучная новелла американца Говарда Уолдропа — красноречивое тому подтверждение.

Было похоже, что нептунисты с вулканистами взялись за дело всерьез. Свара началась сразу после демонстрации опыта Кервелла. Его новый способ нейтрализации вредного влияния чеснока на компас, обещавший наконец обезопасить моря для судов с пряностями, вызвал дружные ап-

---

«The World, as We Know't» by Howard Waldrop

лодисменты всех присутствовавших на заседании Научного общества лунатиков. Кервелл любезно поблагодарил публику и начал отвечать на вопросы. Его обаятельные манеры покорили аудиторию, и все шло гладко – до тех пор, пока он неосмотрительно не упомянул о возрасте Земли. Тут-то и началось – трости застучали по полу, раздались выкрики, свистки, реплики, почти сразу слившиеся в общем реве. Председатель бил по столу молотком, требуя тишины, а перед лицами уже мелькали сжатые кулаки.

– К порядку, джентльмены! Прошу внимания! Джентльмены!

Это лишь раззадорило публику еще больше.

– Я утверждаю, – донесся голос из глубины зала, – что Земле не меньше...

Договорить не дали. Ситуация усугублялась: общая дискуссия начала распадаться на отдельные бурлящие островки. Нептунисты-униформисты, утверждавшие с пеной у рта, что суша – это обнажившееся дно мирового океана, осадили в углу зала вулканистов, защищавших теорию катастроф.

– Земля сформирована, – кричал один из осажденных прямо в лицо грозно надвигавшемуся на него нептунисту, – колоссальными вулканическими поднятиями, которые происходили приблизительно двадцать семь раз!

– Чушь!

– Вот именно!

Рядом через проход одинокий нептунист-катастрофист влез на стул и начал проповедовать обеим группам сразу.

– Откройте глаза! Породы Северо-западных территорий явно принесены серией гигантских потопов – больше чем семью, но не больше чем десятью, как доказал...

На несчастного набросились со всех сторон.

Председатель продолжал безнадежно стучать молотком.

Сэр Роберт Атхоул, взойдя на подиум, пожал руку Кервеллу, который с довольной улыбкой созерцал вызванный им бедлам.

– Что-то сегодня совсем разошлись, – заметил Кервелл, молодой человек с широким приятным лицом.

– Ну, в вашем докладе они не нашли к чему придраться. Доклад был замечательный, – ответил сэр Роберт.

Внезапно сзади на беседующих джентльменов налетел чернокожий мужчина, который втаскивал на подиум модели и оборудование для следующего доклада.

– О, прошу прощения, сэр! Извините!

Кервелл не обратил на него внимания.

– Спасибо за комплимент! – сказал он. – Я уже направил результаты в вашу Морскую комиссию. Надеюсь, после моих исследований никаких трагедий вроде тех, что отправили на дно «Приятный аппетит» и «Люси Мэри», больше не случится.

В глубине зала раздались глухие удары, и собеседники обернулись посмотреть. Там двое драчунов размахивали тростями, толпа растаскивала их под аккомпанемент проклятий и громких эпитетов.

– Вы долго пробудете в Штатах? – осведомился сэр Роберт. – Я бы хотел пригласить вас, если возможно, навестить меня и ознакомиться с моими исследованиями. Вас это могло бы заинтересовать.

– Спасибо, с радостью. Говорят, вы делаете удивительные вещи. С нетерпением жду сегодняшнего доклада.

Сэр Роберт Атхоул склонился было в вежливом поклоне, однако невольно остановился и поглядел в зал. Страсти накалялись. Один из престарелых философов бросился через проход и начал яростно душить своего более молодого оппонента. Нахлынула неистовая толпа и поглотила их.

Внезапно буйство прекратилось. Раздались тревожные возгласы. Затем настала абсолютная и какая-то торжественная тишина; некоторые склонили головы. Повинуясь приказу председателя, служитель внес и поставил перед ним на стол маленький прямоугольный ящичек.

– Очки Франклина! – благоговейно пробормотал кто-то.

По залу пронесся шепот. Люди поднимали перевернутые стулья, поправляли парики, вновь занимали места.

– Джентльмены, прошу внимания! – Молоток председателя дважды ударил по столу. В притихшем зале это прозвучало так, будто захлопнулись огромные ворота крепости. – Объявляю следующий пункт повестки дня. Слово имеет сэр Роберт Атхоул. Он сделает доклад об абсолютной сущности флогистона.

Старинный зал, огромный и мрачный, освещали свечи, горевшие в канделябрах и настенных светильниках. В воздухе стоял запах свечного нагара, пота и пудры от париков. Через открытые входные двери можно было видеть деловито сновавших слуг, накрывавших столы к обеду, который венчал ежемесячные заседания Научного общества лунатиков.

Стояла тишина, время от времени нарушаемая привычными звуками – шуршанием бархата и парчи, когда кто-то ворочался в кресле, фырканьем и чиханием, сопровождавшим понюшку табаку, стуком трости, скатившейся на пол с колен.

Чернокожий дал знак сэру Роберту, что модели готовы, и, подойдя поближе, прошептал:

— Осторожней с цилиндром! Боюсь, в повозке он мог потрескаться.

— Отлично, Хэмп! — сказал сэр Роберт и кивнул председателю. Встреченный аплодисментами зала, он ступил на трибуну, где ровно чадила лампа, заправленная китовым жиром. Оглядев скопище лиц и париков, с трудом различимых в тусклом мигающем свете, ученый вдруг подумал, что они похожи на пузыри в подгорающем пудинге. Он улыбнулся и приступил к докладу.

Сэр Роберт Атхоул начал с теории возгорания, упомянув труды Бехера и Шталя.

— Считается, что флогистон — это тончайшая субстанция, которая незримо пронизывает все тела. Под действием тепла он способен вызывать сильнейшую вибрацию внутри вещества, которая приводит к появлению пламени и при постоянном доступе воздуха продолжается до тех пор, пока не останется лишь зола.

Затем докладчик рассказал об огненном элементе и начал говорить о поисках самой сущности флогистона. Аудитория слушала спокойно, хотя и с некоторым нетерпением. До сих пор не было сказано ничего нового.

— Кавендиш до недавнего времени считал, что более всего насыщен флогистоном его горючий газ, который легче воздуха и употребляется в аэростатах, поднимая их на невиданную высоту. Этот газ бурно воспламеняется в воздухе и даже способен к детонации. Но, как показали другие исследователи, включая доктора Пристли, после взрыва смеси горючего газа и жизненного воздуха остается некоторое количество жидкости, ничем не отличающейся от обычной воды.

Между тем вода, как известно, враждебна флогистону. И мне кажется, что смесь флогистона с любым другим веществом никак не может давать в остатке горения нечто прямо ему противоположное. Однако Кавендиш...

— Вопрос!

Сэр Роберт поднял глаза.

— Да?

— По мнению ведущих французских теоретиков, жизненная сущность воздуха...

— Французы, — вмешались из публики, — это сброд, который даже революцию не может устроить нормально, как мы.

Против этого не возразил никто.

— Вы хотели сказать, — обратился сэр Роберт к задавшему вопрос, — что французская новая химия, которая отрицает флогистический принцип, объясняет воспламенение и горение другими причинами. Чаще всего при этом ссылаются на свойства жизненной сущности возду-

ха, так называемого оксигена. Новая химия отрицает, что вещества при горении выделяют флогистон, и утверждает вместо этого, что под действием тепла они вступают в соединение с оксигеном. И вы спрашиваете, как я оцениваю эту теорию?

– Да.

– Весьма невысоко. Я разбирался во французской химии. Чтобы изгонять дьявола, надо хотя бы знать его в лицо. – В задних рядах шумно зааплодировали. – И я принял решение по возможности игнорировать большинство ее теорий. Потому что полагаю, что в настоящее время наука позволяет выделить в чистом виде сам флогистон!

– Нет! Это невозможно! Бред!

Крик поднялся сразу со всех сторон. Некоторые поддержали докладчика. Посыпались проклятия. В воздухе снова запахло порохом.

Сэр Роберт поднял руку, призывая к спокойствию.

– Я пришел сюда сегодня, чтобы рассказать о своих планах и продемонстрировать модель эксперимента, с помощью которого я надеюсь осуществить...

– Флогистон, – перебили его, – присутствует во всей материи, и он неделим! С таким же успехом вы можете попытаться взвесить или выделить солнечный свет!

– Верно!

Сэр Роберт взглядом заставил возражавших замолчать. Он ощутил дрожь в руке – это происходило все чаще и чаще с тех пор, как он начал экспериментировать с новым ртутным газоуловителем. Когда приступ прошел, ученый поднял руку и продолжил:

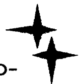
– Некоторые полагают, что флогистон выделяется из падающих звезд при их прохождении через эфир. Другие считают, что он исходит из самого Солнца. И может быть, если мне удастся выделить флогистическую сущность, мы наконец поймем истинную природу великого светила над нашими головами!

Это было уже слишком – даже для самых ярых флогистиков, собравшихся в зале. Публика повскакивала с мест, каждый что-то выкрикивал, шум поднялся невообразимый.

– И тем не менее... – упрямо продолжал сэр Роберт, сворачивая рукопись доклада, – тем не менее я заказал все необходимое оборудование и осуществлю...

Председатель встал и ударил молотком.

– Я добьюсь своего. Через две недели все будет готово. Приглашаю всех, кто захочет, присутствовать... – Он сделал паузу, поскольку общий рев заглушал его слова. – Присутствовать во время этого великого эксперимента, а кто не захочет, пусть убирается ко всем чертям!

С высоко поднятой головой сэр Роберт сошел с подиума. Вскоре повозка с Хэмпом на козлах уже катила домой по заснеженной грунтовой дороге, залитой светом полной луны. Научное общество лунатиков, обязанное своим названием ночному светилу, по традиции всегда собиралось в ближайший к полнолунию понедельник.

Через два дня, в полдень, приехал Лоренс Кервелл. Сэр Роберт Атхоул и леди Маргарет приветствовали гостя у парадного подъезда, освещенного ярким холодным светом зимнего солнца.

Кервелл изящно поклонился.

– Ваш слуга, мадам!

– Я прошу прощения, – сказал сэр Роберт. – Хэмп не может вас встретить, он в лаборатории – распаковывает новую стеклянную сферу, которая прибыла утром из Филадельфии.

– После того заседания мою записку, наверное, доставили довольно поздно, – улыбнулся Кервелл. – Я никак не мог выбраться из толпы. Мы лишь чудом удержали Хаззарда: он уже был готов всадить перочинный нож в Ривечера. Что за драчливая публика!

Лоренс Кервелл, как и сэр Роберт, был англичанином. Но, в отличие от своего старшего коллеги, он собирался вернуться на родину после инспекции табачных плантаций брата. Такие поездки стали возможны только недавно, после принятия новой конституции, когда отношения между двумя странами начали налаживаться. Сэр Роберт, известный сторонник американских колоний в их бунте против империи, был вынужден в свое время бежать и поселиться в Штатах. Этих совершенно разных людей – молодого законопослушного подданного Британии и пожилого (уже за пятьдесят) изгнанника, впрочем, не интересовавшегося никакой политикой, – объединяли любовь к знаниям и преданность науке. Оба придерживались мнения, что американские натурфилософы вспыльчивы, самоуверенны, пристрастны и совершенно не соответствуют по уровню высоким идеалам их юного государства – за исключением покойного, горячо оплакиваемого Франклина, Пристли, которого, вообще-то, можно было уже в расчет не брать, и Бартрама из Каролины.

– Если у вас получится, они запоют по-другому, – сказал Кервелл.

– Еще бы! – воскликнула леди Маргарет.

– Мы успеем до обеда навестить Хэмпа? Надо посмотреть, как он там справляется, – повернулся к ней сэр Роберт.

– Конечно. – Леди Маргарет понимающе улыбнулась.

– Вы с нами? – спросил Кервелл. Он был уже покорен ее чарами.

– Попозже. Мне надо присматривать за слугами, – ответила она и

пошла к дому, массивному сооружению в три этажа, с белыми стенами и зеленой крышей.

– Нам сюда, – показал сэр Роберт.

Они обошли дом по дорожке, выложенной плитами. Отсюда открывался вид на невысокие холмы, плавно уходящие к востоку. За домом стояли амбар, помещения для птицы, конюшни и домики для прислуги, каждый из которых превосходил размерами коттедж Кервелла. По ту сторону широкого луга располагалось приземистое здание, сложенное из грубо обтесанных камней; из его крыши торчало множество дымовых и вытяжных труб. Когда коллеги подошли ближе, Кервелл заметил рядом со входом кучу песка и пожарную башенку с колоколом. Одно из широких окон сильно обгорело по краям.

– В прошлом году был пожар, – пояснил сэр Роберт.

В тени стен здания и под деревьями на краю поля кое-где оставался снег. Ветер дул с севера, но в воздухе уже чувствовалась весна.

– Этот сферический баллон – просто чудо, – сказал сэр Роберт, когда они вошли через низкую расшатанную дверь.

Чернокожий ассистент и несколько белых слуг суетились рядом с нагромождением деревянных клетей и ящиков.

– Диаметр три фута, стенки в два с половиной дюйма толщиной, отверстия плотно закрываются, и есть трубки для воспламенения. Я заказал его специально для великого эксперимента. Хэмп! – позвал он чернокожего. Тот оставил свою работу, вытер руки ветошью и подошел к ним. – Хэмп, это Лоренс Кервелл. А это – Хэмптон Гамильтон.

– Весьма рад, – сказал Хэмптон и протянул руку.

Первый раз в жизни Лоренсу Кервеллу протягивал руку чернокожий. В легком замешательстве молодой ученый пожал ее. Во время заседания он решил, что Хэмп – один из рабов сэра Роберта.

– Хэмп управляет моей лабораторией и отвечает за оборудование и заказ материалов. Как тебе сфера, Хэмп?

– Она и в самом деле превосходна. – Чернокожий указал на огромный прозрачный шар, стоявший перед ними на козлах. – Впускные отверстия так плотно закрываются, что нам, похоже, даже не понадобится запечатывать их воском и известью.

– Славно, славно, – довольно улыбнулся сэр Роберт. – Дай-ка мне счет за доставку. Прошу прощения, Лоренс.

Пока они, склонившись, изучали бумаги, Кервелл огляделся. Он был поражен размерами лаборатории и царившим в ней порядком. Большинство химиков обходилось двумя-тремя небольшими печками – у сэра Роберта их было не менее семи: три больших отражательных конуса, две печи с принудительной тягой и две маленькие печки для отжига.

Они удобно располагались вдоль комнаты, и каждая имела свой дымоход или вытяжную трубу.

В глубине лаборатории стояли стеклянные емкости – десятки литров воды, купороса, спирта, кислоты, дистиллированной воды. Рядом, в керамических сосудах с этикетками, хранились сера, сурьма, свинец, оксалаты, соль Мора. Полки вдоль стен ломились от склянок, жестянок, колб -- Кервелл в жизни не видывал столь полно укомплектованной лаборатории. Здесь было буквально все – экстракт из лепестков фиалок, масло Диппеля, бычья кровь, мыло Старки, соль Галла, глауберова соль и многое, многое другое. У дальней стены находились насосы и емкости для промывания. Повсюду были расставлены широкие скамьи с оборудованием – на каждой шел свой эксперимент. В центре комнаты, на почетном месте, стояли лотки газоуловителей; два из них заполняла вода, в третьем был четырехдюймовый слой ртути.

На одной из скамей внимание Кервелла привлекли реторты и многогорлая бутыль Вульфа. Приглядевшись, он узнал оборудование для повторной перегонки. В другом месте шел процесс выщелачивания – сколько он продолжался, было непонятно; Кервелл знал, что некоторые подобные опыты длились по полгода без всяких видимых результатов. Он подошел к третьей скамье – там какое-то вещество очищалось от кислот промывкой в водяной бане.

Эксперименты, казалось, проводились без всякого плана. Объединяло их, пожалуй, только одно: все они имели отношение к очистке. Возможно, хозяин лаборатории стремился получить материалы наилучшего качества, прежде чем использовать их в окончательном эксперименте.

– Лоренс! – Сэр Роберт стоял возле одного из газоуловителей, позади него Хэмп с остальными слугами снова принялись за ящики. – Взгляните-ка сюда! – Он показал на одну из перевернутых бутылей. – Мне кое-что удалось проделать с газом, собранным над серой и селитрой. Хотите посмотреть?

Он начал демонстрировать Кервеллу свойства газа, попутно объясняя, какую роль все это сыграет в эксперименте. Ученые переходили от стола к батареям реторт и обратно, обмениваясь идеями и проверяя разные варианты. Постепенно оба увлеклись. Сюртуки были сняты, вскоре за ними последовали и парики. Кервелл предложил исследовать новые свойства, испробовать другие реакции. Они что-то отливали из колб, перемешивали, толкли в ступке, запекали в печи. Рабочие в это время занимались своими делами, приходили, уходили, снова приходили, не обращая внимания на ученых, склонившихся над столом. В какой-то момент Хэмп зажег в комнате свечи. Потом он закончил свою работу и ушел. Свечи догорели.

Около полуночи двое естествоиспытателей, спотыкаясь в темноте, направились к дому. Они разговаривали и оживленно жестикулировали – счастливые как дети и голодные как волки. В доме все давно спали.

Шла вторая неделя визита Кервелла. Сэра Роберта что-то беспокоило, это замечали и Маргарет, и Хэмптон. Он казался рассеянным, часто отвлекался во время разговора и экспериментов, рисовал какие-то схемы на листах бумаги толстым графитовым карандашом, а потом рвал их на части и швырял на пол. Чаще всего на схемах попадались часовые механизмы и шестеренки, иногда запалы. По-видимому, он никак не мог найти нужный вариант.

Кервелл начал уже понимать, что все эксперименты и процессы в лаборатории нацелены на один главный результат. Это был чрезвычайно сложный и весьма претенциозный план – связать флогистон подобно тому, как связанный воздух получался из обыкновенного. К сожалению, в нем было слишком много параметров, и он зависел от точной временной координации по крайней мере четырех основных процессов. Но энтузиазм сэра Роберта увлек Кервелла, и вскоре они с Хэмпом уже вовсю занимались сборкой аппарата, подгоняя мельчайшие детали. Сам сэр Роберт разговаривал все меньше, работал все больше и казался все более обеспокоенным.

Однажды утром, когда они с Кервеллом направлялись к лаборатории, их кто-то громко окликнул. Обернувшись, ученые увидели егеря, который медленно ехал верхом по направлению к ним. Рядом с егерем, спотыкаясь, плелся связанный человек в брюках и куртке из оленьей кожи весьма поношенного вида.

– Вот, поймал, ваша светлость! – сказал егерь, по виду ирландец. – Этот мерзавец сделал лучший выстрел, какой я когда-либо видел. И прямо в одного из ваших тетеревов. – Он вытащил из седельной сумки окровавленный комок перьев. – Отвести его к констеблю или просто избить до полусмерти?

– Куда уж больше!.. – проворчал человек в кожаной одежде.

– А ну тихо, ты! – рявкнул егерь, дернув за веревку.

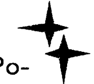
Сэр Роберт застыл на месте. Его глаза вдруг заблестели.

– Из какого ружья он стрелял?

Егерь протянул обыкновенное длинноствольное ружье, заряжавшееся со ствола.

– Я ничего не делал, – буркнул человек.

– Вот именно, – прорычал егерь и сильно двинул его в ухо прикладом своего ружья.

– Хватит, Маккартни, это уже лишнее, – поспешно сказал сэр Роберт.

Несчастный браконьер лежал на земле и глухо стонал.

– На каком расстоянии был тетерев? – спросил сэр Роберт.

– От восьмидесяти до ста шагов, милорд.

– Будь я проклят, если меньше ста, – простонал человек.

– А вы можете попасть с четверти мили?

– Смотря какая цель и какое ружье.

Сэр Роберт на минуту задумался.

– Цель двух футов в поперечнике, а ружье – какое захотите.

– Мне нужно ружье из Филадельфии шестидесятого калибра, – заявил браконьер. – Тогда смогу.

– Договорились! – улыбнулся сэр Роберт. – Приходите на рассвете двадцать первого числа этого месяца. Получите ружье из Филадельфии и свое в придачу, да еще золотую крону за выстрел!

– А какая дичь?

– Никакой. Просто вы сделаете для меня очень важное дело.

– Я случайно не должен убить человека?

– Нет-нет! Как вас зовут?

– Бампо.

– Так вот, мистер Бампо, если попадете, то получите все, что я обещал, и можете бесплатно охотиться на моих землях, отныне и навсегда!

– Но, сэр... – вмешался Маккартни.

– Развяжите этого человека, Маккартни, чтобы мы могли скрепить сделку рукопожатием.

Веревки упали на землю. Бампо робко пожал руку сэра Роберта.

Аппарат для великого эксперимента установили в поле недалеко от лесной опушки, в двух милях от дома. В четверти мили возвышался старый индейский холм; сэр Роберт решил, что он будет идеальным местом для зрителей. Оборудование располагалось в несколько рядов. В центре находилась огромная стеклянная сфера, рядом с которой стояли ведра с углем, металлические тазы и бутыли. Сверху был натянут холст для защиты от дождя и снега.

Приглашения разослали заранее: эксперимент должен начаться двадцать первого утром, если не помешает погода. Девятнадцатого, после обеда, они были заняты подгонкой последних деталей, когда внезапно издалека послышался странный шум, похожий на гром фейерверков в День Независимости.

Сэр Роберт выглянул из-под аппарата.

– Что это?

Хэмптон повернулся к югу, откуда доносился шум.

– Голуби, – улыбнулся он.

Шум набирал силу – это было похоже на первые порывы ветра перед штормом.

– Вот и они, – сказал Хэмп.

На юге появилось пятно с рваными очертаниями. Оно медленно повернулось вокруг своей оси и стало расширяться.

– Голуби? – удивился Кервелл. Его лицо было покрыто сажей от возни с углем. – И такой шум?

Он встал рядом с чернокожим и посмотрел, куда тот показывал.

– Странствующие голуби, – пояснил Хэмп. – Летят на север гнездиться. Каждый год в это самое время.

На юге темная линия уже покрывала четверть горизонта. Гулкий вибрирующий звук все нарастал – облако приближалось с неумолимостью прилива. Оно выглядело сплошной темной массой, и лишь когда оказалось прямо над головой, стало возможно что-то рассмотреть. Бурые и голубые точки с проблеском розового летели так тесно, как Кервелл никогда еще не видел у птиц, – десять или двадцать особей на кубический ярд. Стая была тридцати футов в высоту и две мили в ширину, и... Кервелл попытался прикинуть в уме.

– С какой скоростью они летят?

– Миля в минуту, – ответил Хэмп. Он наблюдал, как на один из флангов стаи упал ястреб. В этом месте голуби потеряли строй и беспорядочно закружились, но стая продолжала неуклонно продвигаться вперед.

Кервелл посмотрел на часы. Голуби уже заслонили солнце, и из-за низкого вибрирующего рева ничего больше не было слышно.

– Под навес! – скомандовал Хэмп и потянул Кервелла за собой. Вокруг сыпались хлопья и перья. Помет странствующих голубей постепенно устилал землю, падая, как теплый белый дождь.

Со стороны соседних поместий донеслись выстрелы. Кервелл заметил, как убитые голуби сотнями сыплются на крышу ближайшей фермы на расстоянии мили. Одному из них удалось пролететь дальше других – он упал совсем рядом с их навесом, подергался на земле и затих. Кервелл подбежал, подобрал его и вернулся в укрытие. Даже мертвая, птица была потрясающе красива. Кервелл никогда раньше не видел такого чуда. Спина у голубя была голубая, шея и живот бронзовые, а грудь розовая с тускло-красным пятном в центре. Все перья отливали радужным блеском. Клюв был черным, а ноги и глаза – оранжево-красными. Кервелл положил птицу на скамейку и несколько минут любовался ею.

Шум миллионов крыльев вибрировал над головой, а земля вокруг была белой, как в зимнюю метель. Небо то вспыхивало солнечным светом, то гасло, когда пролетавшая стая заслоняла его.

Через некоторое время шум стал стихать. Кервелл успел выскочить вовремя, чтобы заметить последнюю улетавшую птицу. Вечернее солнце снова сияло на небе. Он посмотрел на часы. Прошло два часа и сорок минут. Так. Выходит, стая была длиной в сто шестьдесят миль. Десять птиц на ярд, толщина десять ярдов, тысяча семьсот ярдов в миле, две мили ширина...

Сэр Роберт посмотрел на Кервелла.

– Я бы сказал, около шестнадцати миллионов птиц.

– Бывает и больше, – заметил Хэмп. – В детстве я видел стаю, которая летела с полудня до сумерек. Днем стало темно, и мы так и не увидели, как зашло солнце. – Он взял деревянный молоток и принялся подгонять медную трубку, поглядывая иногда на белую землю вокруг. Остальные последовали его примеру и также занялись делом.

Все было готово.

Зрители, большую часть которых составляли естествоиспытатели, начали подъезжать еще затемно. Приближался рассвет. Люди, собравшиеся на холме, ждали Кервелла, Хэмптона и сэра Роберта, направлявшихся к ним через поле. С этого расстояния аппарат представлялся невооруженному глазу беспорядочной мешаниной стекла и металла.

Бампо стоял в стороне позади всех; за ним незаметно приглядывал Маккартни. Человек, одетый в кожу, примеривался к новому ружью, вскидывая его к плечу, прицеливаясь и снова опуская.

Сэр Роберт взобрался на вершину холма и встал рядом с леди Маргарет.

– Джентльмены! – произнес он. – Леди! И все остальные! Вы являетесь свидетелями того, что станет, я надеюсь, величайшим событием в истории науки. Вон там в поле работают аппараты для генерации газов и составных частей воздуха – дефлогистированного, или жизненного, воздуха, горючего газа, серного и фосфорного воздуха. Скоро их задача будет выполнена. Все они подсоединены к стеклянной сфере, которую вы видите в центре. Газы начнут поступать туда в тот момент, когда мистер Бампо...

Бампо робко поднял руку. Раздались разрозненные приветствия.

– ...выстрелит и попадет в специальный диск. Тогда газы и жидкости, богатые флогистоном, рванутся навстречу друг другу и соединятся. Вместе они произведут сущность огня, сущность воспламенения, сущность горения – сам флогистон! Вслед за этим заработает часовой ме-

ханизм, и через пятнадцать секунд смесь будет подожжена посредством искры, полученной в электрической цепи с Лейденской банкой. Это должно связать флогистон подобно тому, как связывается обычный воздух под действием электрической сущности, и тогда мы впервые сможем непосредственно исследовать одну из сущностей, один из элементов материи! Это и есть мой великий эксперимент!

Раздались аплодисменты.

– Можно вопрос?

– Да?

– Вы смешиваете горючий газ, дефлогистированный воздух и фосфор в присутствии обыкновенного воздуха и поджигаете искрой?

– Да. Таков мой план.

– Тогда все, что вы получите, – заключил голос после секундного размышления, – это миленький взрыв, капелька связанного воздуха и этакий небольшой пожар для развлечения присутствующих.

Кто-то засмеялся.

– Не думаю, – уверенно сказал сэр Роберт. – Однако я принял меры предосторожности, удалив вас на безопасное расстояние на случай неисправности аппарата и утечки вредных газов.

Солнце выглянуло из-за гребня холма на востоке, залив всю округу бледным морозным светом.

– Ну что ж, – сказал сэр Роберт, – пора переходить Рубикон. Я чувствую, что нас ждут великие дела.

– Я тоже, – сказал Кервелл.

– И я. – Леди Маргарет взяла мужа за руку.

– Мистер Бампо, – обернулся сэр Роберт к охотнику, – вы видите цель?

– Вижу, – ответил тот.

– Так заработайте же свою крону, друг!

Человек, одетый в кожу, выступил вперед. Плавным движением он поднял ружье – казалось, они слились воедино, – взвел курок, прицелился и выстрелил.

Из дула ружья вылетел дымок, который тут же унесло ветром.

Даже без своей подзорной трубы сэр Роберт увидел, как огромная сфера стала молочно-белой. Но это не были остаточные газы. Белая масса бурлила и медленно поворачивалась вокруг своей оси. В маленькой кучке людей на холме послышались испуганные возгласы. Казалось, от шара исходят вспышки белого света, озаряющие все вокруг. Сэр Роберт почувствовал, как его сердце сжалось в комок. Еще несколько секунд ничего не происходило.

Потом произошло.

Потрясенный и оглушенный, сэр Роберт с трудом поднялся. Глаза застилал слепящий белый свет. Он стоял у подножия холма. Кое-кто вокруг него тоже пытался встать. Остальным повезло меньше. Одному несчастному древесный сук проткнул грудь. Еще несколько лежали неподвижно, хотя и без видимых повреждений.

В ушах стоял рев, и он не умолкал. Сэр Роберт, шатаясь, вскарабкался на вершину холма, прикрывая глаза рукой. Вид на запад закрывало гигантское бурлящее белое облако. Оно было такое яркое, что обжигало глаза. Искры и вспышки света вылетали из него, как из чаши с горящим фосфором. Облако постепенно смещалось в сторону запада.

Ученый повернул голову. Краев облака не было видно – оно простиралось на север и на юг до самого горизонта. Сквозь слепящую белую стену то здесь, то там прорывались языки пламени.

Воздух был пронизан запахом горелого дерева. С востока начал дуть ветерок – сначала легко, потом порывами, потом все сильнее и сильнее. Вся земля к западу была выжжена дотла. Стволы деревьев торчали как горелые спички. На глазах у сэра Роберта порыв ветра обрушил их и превратил в пепел.

Оцепеневшие от ужаса ученые столпились позади холма. Ветер уже набрал силу шторма.

– Оно перемещается на запад соответственно вращению планеты, – сказал Хэмптон Гамильтон. Как всякий, кто учился в школе, он знал, что воздух движется, потому что из-под него уходит земля, из-за чего и возникает ветер.

Сэр Роберт обернулся и увидел, как Кервелл помогает леди Маргарет подняться. Похоже было, что никто из них не пострадал, только юбки леди Маргарет неприлично задрались под резкими порывами ветра. Парик Хэмпа взлетел ввысь и мгновенно пропал в светящемся облаке. Сэр Роберт заметил, что его парик тоже исчез.

Они с трудом спустились с холма.

– Сколько оно будет гореть? – спросил Кервелл.

– Не имею понятия, – хмуро ответил сэр Роберт. – Ничего вообще не должно было гореть, все должно было остаться внутри сферы. Не понимаю...

– Оно может гореть, пока не достигнет Западного океана, – предположил Хэмптон. Это было то, о чем все думали, но боялись сказать.

– Нет, конечно, нет! – авторитетно заявил Атхоул. Из-за шума ветра приходилось кричать.

– Но у вас, должно быть, получилось! – воскликнул кто-то. – Скорее всего, вы освободили из смеси весь флогистон. Кто знает, что теперь будет?! Он может сжечь все, что угодно!

– Тогда его потушит вода! Вода! – раздраженно выкрикнул сэр Роберт. В глазах вдруг потемнело, и он потерял сознание.

Он очнулся от запаха золы. Снаружи было сумрачно, свистел ветер, хотя уже и не ураганной силы, окна застилал густой бурый дым.

Атхоул приподнялся на кушетке – напротив, на диване, плакала леди Маргарет.

– К западу ничего больше нет, Роберт, – тихо сказала она.

– Как ничего?

– Насколько конь с всадником могут скакать – пока не становится слишком жарко. Несколько часов назад возвратился разведчик из поселка.

– И барометр... – Лоренс Кервелл постучал по массивному дрезденскому прибору, стоявшему на камине. – С утра барометр упал на полных шесть дюймов. И продолжает падать.

– Великий Боже! – схватился за голову сэр Роберт. – Что же я наделал!

– Ничего такого, чего не сделал бы любой из нас, – устало заметил Хэмптон Гамильтон, сидевший в кресле. – Просто у вас получилось куда больше, чем вы планировали.

– Почему вы меня не остановили?

– Я не знаю, – пожал плечами Хэмптон. – И сомневаюсь, что вы смогли бы остановить меня.

– Который час?

– Шестой.

– Значит, мы все узнаем через четырнадцать часов, – сказал Кервелл. Он продолжал пристально вглядываться в барометр, как будто надеялся вытянуть из него какие-то секреты.

Когда стемнело, накрыли на стол, но есть никто не захотел. В буфете от жары начали взрываться жестянки с патокой. Сэру Роберту показалось, что дышать стало труднее, однако в глубине души он понимал, что дело совсем в другом.

Наконец настала минута, когда никто уже больше не мог переносить ожидание и жару.

– Черт побери! – Сэр Роберт вскочил со стула. – Если так суждено, я хочу встретить смерть лицом к лицу. Мы поедем к океану.

Они молча смотрели на него несколько минут, потом тоже встали. Это было все-таки лучше, чем ждать здесь, в гостиной, где каждое тиканье часов звучало как молоток плотника, заколачивающего крышку гроба.

Повозка подпрыгивала на рытвинах дороги. Лошадь еле переставляла ноги. Сэр Роберт с Хэмптоном сидели впереди на козлах, Кервелл и леди Маргарет – сзади, с корзиной для пикника и одеялами.

Близилась полночь. В воздухе стоял запах гари от тысяч сгоревших вещей – деревьев, травы, перьев, металлов. Дул жаркий ветерок. Сквозь разрывы в дымной пелене виднелись звезды – они были больше и холоднее, чем обычно, и не мигали. Столбик термометра продолжал подниматься, барометр же достиг нижнего предела еще час назад. И определенно стало труднее дышать.

Повозка въехала на вершину холма. Внизу виднелся портовый городок Нью-Карлтон. В домах горели свечи, на улицах то собирались, то рассеивались группки людей с факелами. По дороге изредка проезжали всадники.

– Здесь будет лучше всего, – сказал сэр Роберт, направляя повозку к рощице на вершине холма.

Они расстелили одеяла так, чтобы видеть океан, и легли, вглядываясь в спокойную гладь воды.

Сэр Роберт то засыпал, то просыпался. Он чувствовал сильную усталость. Воздух был горячим и душным – как будто в каминной трубе в середине лета.

Кервелл спустился с холма к бухте – ему пришлось потратить невероятно много времени, чтобы пройти несколько сотен ярдов. Слишком часто приходилось останавливаться и отдыхать.

Даже лошадь, которую выпрягли из повозки, явно изнемогала, как будто проскакала десятки миль, а не прошла шагом те несколько, что отделяли их от дома.

– Температура воды поднимается, а ручьи, впадающие в океан, вышли из берегов от растаявшего снега, – сказал Кервелл, когда забрался назад на холм и в изнеможении повалился на землю. – В море – целые стаи мертвой рыбы. Ее так много, что мы должны были бы слышать запах, если бы не этот чертов дым.

– Этого просто не может быть, – упрямо сказал сэр Роберт. – Просто не может! Вода не будет гореть!

– Может быть... – задумчиво произнес Хэмптон. Он лежал на земле чуть повыше их, лелея сломанную руку. – Может быть, в этой новой химии что-то и есть. Может, вода – не элемент? Может, она тоже содержит флогистон или горючий газ, который... – Первый раз в своей жизни Хэмптон забыл, что хотел сказать. Он встряхнул головой, чтобы взбодриться. – ...горючий газ. Может, там есть составляющая вроде оксигена, и она отделилась под действием тепла, исходящего от

земли. И огонь питается ею. Может, он пройдет вокруг Земли несчетное число раз, пока она вся не сгорит под действием флогистона...

Сэр Роберт откинулся на одеяле и взял за руку леди Маргарет.

– Все кончилось, – прошептал он.

– Бизоны. И индейцы, – задумчиво сказала она.

– Китайцы. Храбрые русские. Турки, – сказал Хэмптон.

– Французы. И Британия! – добавил Кервелл.

– А теперь и мы! – сказал Хэмптон Гамильтон и показал на восток.

Горизонт начал светлеть, хотя до рассвета оставался еще час. Ветер дул в сторону моря, но это был слабый и нежный ветерок. У него не было силы.

На горизонте с севера на юг протянулась ярко-белая светящаяся линия. Казалось, через вечерние грозовые тучи пробивается солнце. Но эта линия была ярче, гораздо ярче...

– Мы сгорим? – спросила леди Маргарет. Ее руки покрылись гусиной кожей от страха. – Самое страшное – думать о том, как горишь.

– Не знаю, – ответил Кервелл. – Полагаю, все произойдет так же, как и с мучениками на кострах. Воздух будет слишком насыщен флогистоном – мы задохнемся еще до того, как нас коснется огонь. – Он замолчал, увидев вырвавшийся на мгновение из адского круговорота длинный язык пламени.

Фальшивый рассвет уже залил обжигающим зноем и холм, и городок. Снизу доносились вопли тех, кто еще мог кричать. Легкий ветерок начал усиливаться.

Они спокойно наблюдали за белой слепящей линией, каждый был погружен в свои мысли. До переднего фронта огненного облака оставалось еще более двух сотен миль.

– Флогистон!.. – прошептал сэр Роберт Атхоул.

Потом он отвернулся и испустил дух.

– Я хочу встать, – прохрипел Хэмп. Было слышно, как он пошевелился и упал на одеяло.

– Французы все же в чем-то были правы... – задумчиво проговорил Кервелл.

– Роберт?.. – в отчаянии вскрикнула леди Маргарет.

Кервелл, не отрываясь, смотрел на гигантскую стену огня.

– Вот и закончился...

Эта фраза была единственным, что осталось незаконченным.

Перевод Алексея Круглова

Где купить «Звездную дорогу»?

В Москве – в магазинах «Библио-Глобус» (ул. Мясницкая, 6, ст. м. «Лубянка»), «Молодая гвардия» (ул. Б. Полянка, 8, ст. м. «Полянка»), в Доме книги «Пресня» (ул. Красная Пресня, 14, ст. м. «Краснопресненская»), «Доме книги в Сокольниках» (ул. Русаковская, 27, ст. м. «Сокольники»), в сети «Новый книжный» (ул. Маршала Бирюзова, 17, ст. м. «Октябрьское поле»; ул. Сходненская, 50, ст. м. «Сходненская»; Пролетарский просп., 20, ст. м. «Кантемировская»; ул. Декабристов, 12, ст. м. «Отрадное»; ул. Митинская, 48, микр-н Митино; Комсомольский просп., 28, ст. м. «Фрунзенская»; Солянский пр-д, 1, ст. м. «Китай-город»), а также на книжной ярмарке в спорткомплексе «Олимпийский»;

в Санкт-Петербурге – в сети «Книжный салон» (Невский просп., 94, ст. м. «Маяковская»; центр «О'Кей», ст. м. «Озерки»; Будапештская ул., 71, ст. м. «Купчино»; 6-я линия Васильевского острова, 25, ст. м. «Василеостровская»; Большой просп. Петроградской стороны, 86, ст. м. «Петроградская»).

По вопросам приобретения журнала **в других городах** обращайтесь в отделения фирмы «Ода»: Владивосток – «АП ОДА» (т. 4232 23-52-02); Санкт-Петербург – «Нева-Пресс» (т. 812 324-67-40); Ростов-на-Дону – «АП ОДА» (т. 8632 53-19-17); Новосибирск – «АП ОДА» (т. 3832 18-08-53); Пермь – «АП ОДА» (т. 3422 105-193); Самара – «АРПИ-Самара» (т. 8462 53-56-97); Краснодар – «Юг-Пресс» (т. 8612 65-19-91); Уфа – «АП ОДА» (т. 3472 52-35-22); Волгоград – «АП ОДА» (т. 8442 33-73-94).

Мы приглашаем вас к звездам!

Василий Головачев

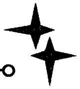
ДВА МЕЧА

Василий Васильевич Головачев — один из наиболее популярных российских фантастов. В рассказе «Два меча» можно встретить многое из того, что характерно для его произведений. Например, упоминается «русбой» — особая система рукопашного боя, основанная на умении бойца черпать силы непосредственно из окружающего мира. Любопытно, кстати, что этот рассказ — своеобразная полемика автора с собственным романом «Логово Зверя», в котором храмы с фаллическими символами служат пристанищем инфернальных сил. И последнее: редакция надеется, что «Два меча» не затронут чувства представителей каких-либо конфессий, но станут лишним напоминанием о том, что у любого прогрессорства есть оборотная сторона.

Позабыты старые боги,
Позабыты герои времен.
Екатерина Оверчук

О находке нового древнего города на севере Челябинской губернии Дмитрий Храбров узнал от своего приятеля-археолога Витюши Костина, вечно пропадавшего в экспедициях. На этот раз Витюша неожиданно приехал в Москву на несколько дней, чтобы пополнить запасы продовольствия для группы археологов, изучающих «страну древних русских городов» на Южном Урале, а заодно и выклянчить кое-какое дополнительное оборудование в институте. И надо же было так случиться, что и Дмитрий в это время оказался в столице. Естественно, они встретились у Витюши дома, — жил археолог в двухкомнатной квартире в новом комплексе «Олимпия» в Строгино, — и тот поведал приятелю историю находки.

Первое из поселений «страны городов» — Аркаим — было обнаружено шестнадцать лет назад экспедицией челябинского археолога Геннадия Борисовича Здановича. Аркаим раскопали быстро и увидели удивительную картину, с воздуха напоминающую структуру живой клетки.

С тех пор археологи, привлекшие для своих нужд аэрокосмическую технику, нашли еще двадцать два города эпохи бронзы, то есть существовавшие в степях Урало-Казахстанского региона две с половиной тысячи лет назад.

Открытие такого количества городищ стало сенсацией для историков, в большинстве своем не подозревавших о наличии двадцать пять веков назад в этом районе крупного культурного центра, который не уступал таким признанным центрам раннегородской цивилизации, как Дашлы в Северном Афганистане и Троя VI на северо-западе Малой Азии. Уникальная сохранность городищ и огромная научная ценность находок заставили съехаться на юг Урала многих известных ученых. Не отстал от них и Витюша Костин, доктор археологии, кандидат минералогических наук, в свои сорок три года выглядевший если и не мальчишкой, то скорее студентом, нежели серьезным научным работником. Ему посчастливилось участвовать в раскопках городищ Синташта и Любище – современников египетского Среднего царства, крито-микенской культуры и Вавилона. И это он обнаружил еще один город на севере Аркаимского заповедника, в ста семидесяти километрах от Аркаима, названный в его честь городищем Костьра.

– Он крупнее Аркаима, – похвастался Витюша, довольный произведенным на Дмитрия эффектом. – Его диаметр – больше километра, в то время как у Аркаима и Синташты всего сто пятьдесят – сто восемьдесят метров. И домов в нем насчитывалось не шестьдесят, как у других городов, а триста с лишним. Однако главное – курган в центре. Мы его еще не раскопали, думали, что это VIP-захоронение, но, судя по всему, это какое-то культовое сооружение типа святилища или храма. Я, собственно, и приехал в Москву за интраскопом, чтобы мы могли просветить курган и выяснить, что там внутри. Не хочешь принять участие в раскопках?

Дмитрий задумчиво взвесил в руке бокал с вином.

– Вообще-то предложение заманчивое, хотя у меня уже есть маршрут.

– Куда, если не секрет?

– В Китай. Хочу проверить гипотезу одного моего приятеля, что знаменитая Китайская стена на самом деле строилась не китайцами.

– А кем?

– Древними гиперборейцами. Точнее, их потомками, одной из веточек древних русичей.

– Бредятина!

– Ничуть не бредятина, – не обиделся Дмитрий. – Ты хоть знаешь, что бойницы Китайской стены смотрят не наружу, от территории Китая,

а наоборот? Словно строители ждали как раз набегов с востока. А на востоке-то – Китай.

Витюша допил вино, махнул рукой.

– Может быть, ты и прав. Но, уверяю тебя, наши находки интереснее. Мы готовы взять тебя на довольствие. Ты хороший боец и мастер рукопашки, а там у нас не все... – Витюша замялся, почесал нос, понимая, что проговорился.

– Что? – полюбопытствовал Дмитрий.

– Да понимаешь, мешает нам какая-то зараза!

– Местные власти?

– Да нет, они-то как раз не препятствуют, потому как заинтересованы в наших изысканиях, туристы в заповеднике стали приносить доход в местную казну. А вот церковники и бандиты просто житья не дают.

– Ну, бандиты – понятно почему, а церковники? Им-то чем ваши раскопки помешали?

– Не знаю. Только уже трижды к нам наведывались попы и сочувствующие им граждане, то с уговорами, то с угрозами, пытались запретить нам работать. Анафеме предали. – Витюша хихикнул.

– Странно, церковь обычно в мирские дела не вмешивается. Тут что-то не то. Может, место, где вы нашли городище, связано с какой-нибудь древней легендой?

– Есть такая легенда, – закивал Витюша, осоловевший от вина. – Даже не одна. По нашим прикидкам, все города такого типа принадлежат пришедшим с севера язычникам или, точнее, огнепоклонникам-протоарийцам. И вот когда на Руси началось брожение, связанное с насильственным крещением – в том числе огнем и мечом, – якобы в этом месте и произошло последнее сражение между язычниками и христоносцами. Город, который мы копаем, практически весь сгорел. Мы нашли там много разного оружия и даже остатки колесницы.

– А останки вионов?

Витюша взъерошил волосы на голове.

– Тут у нас нестыковка. Ни одного трупа! То есть скелета. Будто никакого сражения не было. И ни одного захоронения! Может, курган и есть братская могила? Хотя, с другой стороны, огнепоклонники своих мертвых не закапывали, а сжигали...

– Действительно, загадка. – Дмитрий почувствовал возбуждающий запах тайны. Подключившаяся интуиция предсказывала немало чудес и открытий, таящихся в найденном городище. Стоило повременить с поездкой в Китай, чтобы поучаствовать вместе с Витюшей в раскопках древнейших русских городов. А поскольку Дмитрий не зависел ни от

каких обстоятельств и самостоятельно решал, в какие края ему податься, то и принимал решения без особых колебаний.

Вообще же за его спиной были десятки других экспедиций по Крайнему Северу России и по Дальнему Востоку. Он был не только известным путешественником, но и специалистом по выживанию в экстремальных условиях.

В октябре Дмитрию исполнилось тридцать лет. Был он высок, поджар, сухощав, изредка – во время экспедиций – отпускал усы и бородку, носил длинные волосы и выглядел скорее монахом-отшельником, нежели мастером воинских искусств и выживания, способным без запасов воды и пищи преодолеть сотни километров по пустыням, горам и джунглям. В двадцать два он закончил журфак Московского госуниверситета, полтора года проработал в одной из подмосковных газет, женился, но потом познакомился с путешественником Олегом Северцевым, учеником знаменитого Виталия Сундакова, увлекся путешествиями, и семейная жизнь его закончилась. Жена не захотела ждать мужа неделями, а то и месяцами, да и зарабатывал он – как журналист – очень мало, не хватало даже на приличную косметику. Правда, впоследствии, когда он стал знаменит, за его репортажи, заметки, статьи и фильмы стали платить значительные деньги, но к этому моменту Дмитрий был уже в разводе.

– Когда ты отправляешься? – спросил он клюющего носом Витюшу.

– Завтра, – ответил археолог заплетающимся языком. – Самолет летит в четырнадцать сорок, из Домодедова.

– Билеты вы уже взяли?

– Билеты не нужны, мы летим на военном транспортнике – Паша Кочергин, я и Эдик Решетов.

– Я с вами.

Витюша оживился.

– Тогда я с утра пойду к начальству, пусть оформит тебе командировку. Успеешь собраться?

– Чего мне успевать? – засмеялся Дмитрий. – Галстук завязал – и в путь. – Он встал. – Всё, до завтра, пойду домой, кое-кому позвонить надо и кое с кем повидаться.

– Могу заехать за тобой. Нас институтская машина будет отвозить в аэропорт.

– Прекрасно, буду ждать. Позвони, когда выйдешь из дома.

Дмитрий пожал приятелю руку и направился к выходу, размышляя о Его Величестве Случае, распоряжающемся судьбами людей. Хотя в глубине души он был уверен, что случай на самом деле – лишь свидетельство непроявленной закономерности. Уже не раз он круто менял

целеустановки Дмитрия, направляя его по первому впечатлению в иные сферы человеческого знания, что потом приводило к значительно более впечатляющим результатам.

О том, что протоарии – такие же потомки гиперборейцев, как и древние русичи, – пришли в Южную Азию откуда-то с севера, имелись свидетельства в таких памятниках древнеиранской и древнеиндийской культур, как Ригведа и Авеста. Находка «страны городов» на юге Урала подтверждала эти указания. Но дело было даже не в этом. Дмитрий давно искал следы гиперборейцев, исходив чуть ли не весь Крайний Север России, а теперь ему представилась возможность еще раз убедиться в истинности гипотезы о предках русского рода, пришедших с севера. Город, обнаруженный отрядом Витюши, и в особенности курган, судя по всему не пострадавший от современных хищников – «черных» археологов, рыщущих по стране в поисках драгоценностей, вполне могли дать ответы на многие вопросы современной исторической науки. Короче, Дмитрий загорелся идеей поработать в экспедиции Витюши, зная, что такие шансы выдаются провидением не каждому и не часто. Оставалось найти деньги для поездки, предупредить начальника группы, собравшейся в Китай, что он не полетит с ними, и подготовиться к новому маршруту.

Наутро он был готов к походу.

Однако в назначенный час Витюша не позвонил.

Дмитрий подождал пять минут, десять, пожал плечами, размышляя над своей готовностью мчаться сломя голову на край света ради жажды приключений и открытий, потом почувствовал смутное беспокойство. Несмотря на внешнюю безалаберность и неубедительный вид, Витюша Костин был человеком дела и никогда товарищей не подводил. Он мог задержаться на минуту, на две, в самом крайнем случае – на пять, но при этом всегда существовали объективные причины опоздания, о которых он предупреждал заранее. А так как до отлета самолета в Челябинск оставалось всего два с половиной часа, Витюша не мог отнестись к этому обстоятельству безответственно.

Дмитрий набрал номер археолога.

Витюша не ответил. Молчал и его мобильный телефон.

Дмитрий подождал еще несколько минут, прикидывая варианты своих действий, затем быстро упаковался, повесил через плечо чехол с карабином, взял сумку с вещами и спустился во двор, где стоял его старенький «Мицубиси-Паджеро». На время отсутствия в городе Дмитрий обычно загонял его в гараж соседа, старого приятеля отца, что было удобно.

Через полчаса он был в Строгино. Оставил джип возле бело-синего микроавтобуса, напротив входа в подъезд. Консьерж-охранник, сидевший в стеклянной будочке на входе, приветливо махнул ему рукой, зная в лицо.

– Костин не выходил? – спросил Дмитрий.

– У него какие-то гости, – ответил консьерж.

– Да, я знаю, должны были заехать ребята из института. Давно они у него?

– Уже с час. Только это не ребята из института, я тех знаю. Один – священник в рясе, второй – парень в черном кожане, показал удостоверение.

– Какое удостоверение?

– Я особенно не приглядывался, – виновато шмыгнул носом консьерж. – Но оно такое серьезное, малинового цвета, с золотым тиснением. Там еще буквы были – РПЦ...

– Русская Православная Церковь. – Дмитрий хмыкнул. – Никогда не видел у попов никаких удостоверений. Ладно, разберемся.

Он зашел в лифт, нажал кнопку двенадцатого этажа.

Дверь в квартиру Витюши оказалась открытой.

Дмитрий толкнул ее от себя, шагнул в прихожую и увидел летящий в голову предмет. Инстинктивно уклонился, нырнул вниз, действуя на бессознательном уровне. Предмет оказался бейсбольной битой и намеревался достать голову гостя, летая как живой. Лишь потом Дмитрий понял, что бита имеет продолжение – человеческую руку. Последующие события происходили как бы помимо его воли, почти без участия сознания, так как тело подчинилось боевому трансу, выбирая наиболее оптимальные положения и ответы.

Бита вылетела из руки нападавшего и словно сама собой опустилась на его круглую голову. Парень упал. В прихожую выглянул мужчина в рясе, молодой, с усами и бородкой. Глаза у него были не просто прозрачные, а чуть ли не белые, и сквозь недоумение в них просверкивал огонь жестокой воли и угрозы. Он мгновенно понял, что происходит, сунул руку в складки рясы, вытащил длинный тесак, сделал выпад в сторону Дмитрия. Тот едва успел отскочить, но тесак снова устремился к нему, и Храброву пришлось несколько мгновений уворачиваться от лезвия, грозящего проткнуть его насквозь. Затем он двумя ударами выбил у монаха тесак (ну и ножичек, таким слона убить можно!) и от души врезал ему битой по шее, так что тот кувыркнулся через голову, влетая в гостиную.

Дмитрий прыгнул следом и увидел связанного Витюшу, сидящего на полу у дивана. На лице археолога красовались свежие царапины и крас-

новатые припухлости, из носа шла кровь. Его явно допрашивали, хотя что хотели выпытать у него странные пришельцы, нельзя было даже представить. Дмитрий подскочил к нему, приподнял голову. Витюша открыл глаза, застонал.

– Ты?! Хорошо-то как...

Дмитрий оглянулся на монаха. Однако тот вдруг с непостижимой быстротой метнулся из гостиной в прихожую, раздался треск, шаги, хлопнула дверь. Нежданные гости ретировались. Дмитрий хотел было броситься за ними вдогонку, но стон приятеля остановил его. Он забежал в ванную, намочил полотенце и вытер лицо Витюши, остановил идущую из разбитого носа кровь. Потом развязал археолога и уложил на диван.

– Рассказывай, что тут произошло.

Витюша дотронулся до вспухшего носа, скривился.

– С-сволочи!.. Я даже сказать ничего не успел, сразу по роже получил... Сколько там натикало?

– Без десяти час.

– Черт, опоздаем! – Он, кряхтя, поднялся.

– Тебе в больницу надо.

– Какая, на хрен, больница! Без меня группа останется на бобах, лететь надо. Поехали в аэропорт.

– Ты же говорил, что за тобой должны заехать твои сотрудники.

– План поменялся. Они заезжали утром, забрали мои вещи и направились в одну контору за аппаратурой. Я хотел брать тачку и ехать за тобой, но тут приперлись эти...

– Кто они? Чего от тебя добивались?

– По дороге расскажу... – Витюша наткнулся на тесак, брошенный монахом, с удивлением поднял его.

– Ни фига себе! Да это же дага!

Дмитрий подошел ближе.

– Интересная флома у ножичка. Первый раз такой вижу.

– Это испанская дага, кинжал для левой руки, известен с шестнадцатого века. Видишь, лезвие раздвигается. Но у этой даги необычная крестовина, с обратной дужкой. Такие носили, насколько мне помнится, странствующие монахи-миссионеры.

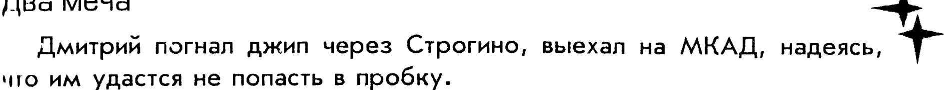
– А вид у кинжала такой, будто его только что изготовили.

– Возможно, это новодел. Давай возьмем с собой?

– Как хочешь, только тащи его сам.

Дмитрий помог приятелю переодеться, и они спустились к машине Храброва.

– Ты на своей? Это славно, не опоздаем. Жми! В аэропорту оставим на стоянке, никуда не денется.

Дмитрий погнал джип через Строгино, выехал на МКАД, надеясь, что им удастся не попасть в пробку.

— Так что они от тебя хотели?

— Сначала потребовали отдать находку. — Витюша потрогал синяк под глазом, криво улыбнулся. — А когда я сказал, что не понимаю, о чем идет речь, они начали меня лупить.

— И монах?

— Особенно монах. У него такие глаза страшные!.. Как у колдуна! - Витюшу передернуло.

— Ничего, я его найду, — пообещал Дмитрий, вспоминая взгляд монаха. — Интересно, что они имели в виду? Ты действительно нашел что-то ценное?

— В том-то и дело, что ничего существенного, если не считать фрагмент скелета, черепки, остатки колесницы и оружие — ножи всякие бронзовые, топоры, палицы... Кстати, их, по-моему, интересовало именно оружие. Когда ты пришел, монах допрашивал меня, куда я дел мечи.

— Мечи?

— Именно мечи, — кивнул Витюша.

— Зачем попам мечи?

— Это ты у них спроси.

— А вы их находили?

— Железяк было много, точнее, бронзовых изделий, я кое-что привез в институт, но мечей не было.

— Странная тяга у православных попов к оружию. Ведь наша религия вроде бы запрещает воевать, в отличие от ислама.

— Ты плохо представляешь основы христианской религии. Чтобы ты знал, по жестокости ее апологеты не уступают представителям других конфессий. От их рук погибли миллионы носителей иной веры, в том числе славянских язычников. Хуже того, принятие христианства, равно как и обращение народа в мифологическую марксистскую веру, убило душу наших языческих и ведических верований. Внедрение этих чуждых инородческих идейных систем сопровождалось таким диким насилием, которое даже не с чем сравнить!

Дмитрий с любопытством покосился на Витюшу, ставшего угрюмым и сердитым.

— Ты так близко принимаешь это к сердцу?

— Потому что давно интересуюсь заговором против русской истории и знаю больше, чем другие. Ранние христиане, вторгшиеся на Русь с помощью предательства князя Владимира — чтоб ему пусто было! — уничтожили всю нашу корневую элиту, все жреческо-волхвовское сословие.

Оттого Русь до сих пор не может оправиться, встать с колен. А ведь была *величайшим* государством в мире!

– Ты имеешь в виду Гиперборею?

– Гиперборея больше миф, нежели реально существовавшая система. Хотя не исключено, что мы действительно являемся потомками гиперборееев. Для меня это огромная загадка – почему исчезла гиперборейская система мироустройства, самая справедливая и светлая. Что случилось? Какой катаклизм ее уничтожил?

– Может быть, война с Атлантидой?

Витюша усмехнулся.

– Это все легенды.

– Легенды не появляются на пустом месте, – возразил Дмитрий. – Дыма без огня не бывает. Вы ведь тоже свой город нашли, проверяя легенду? Хотя насчет христианства я с тобой согласен. Его вековечное клеймо – космополитизм и обрезание национальных корней, это мне еще мой учитель по русбою говорил.

– Плюс беспримерное религиозное самовозвеличивание и фанатизм, – добавил Витюша, – чего никогда не было у языческой веры.

– Я не знал, что ты язычник.

– Я не язычник, но Иисус Христос – не мой бог! Давай быстрей, а то опоздаем. Самолет ждать не будет, мы и так с трудом уговорили военных летчиков взять нас с собой.

Дмитрий увеличил скорость.

К самолету они прибежали, когда посадка группы закончилась и у трапа Ила-76 маялись на холодном ветру один из членов экипажа и Паша Кочергин, заместитель Витюши.

– Наконец-то! Что случилось? – Паша с удивлением уставился на избитое лицо начальника группы.

– Потом расскажу, – оскалился Витюша.

Они забрались в самолет. Трап убрали. Люк закрылся, и самолет порулил к взлетной полосе. Через двадцать минут они были уже в воздухе.

В Челябинске самолет приземлился в девять часов вечера по местному времени.

Здесь отряд Витюши уже ждал фургон экспедиции, и, погрузившись в него, отряд двинулся в ночь, уставший от не слишком комфортного полета и посадки. Разговаривали мало. Кое-как уместившись в салоне «Баргузина», все умолкли и смежили очи. Забылся и Дмитрий, привыкший к «прелестям» походной жизни. Проснулся он оттого, что качка и рев мотора прекратились, фургон остановился.

– Приехали, – сообщил Витюша, звонко шлепнув ладонью по борту машины; он уже вылез и разминался снаружи.

Все выбрались из фургона, потягиваясь и поеживаясь.

Наступило утро.

Солнце только-только показалось над слоем тумана, скрывшего восточный горизонт. Над полями и перелесками возникли столбы и облака тумана, постепенно поднимаясь вверх и редея. Было прохладно и тихо.

Фургон стоял у подножия низкого холма, заросшего пожелтевшей травой и кустарником. Слева под холмом текла небольшая речушка, обрамленная стенами тростника, камыша и осоки. Справа к горизонту уходила цепочка таких же холмов, превращаясь на пределе видимости в пологие горы. Там начинались отроги Южного Урала.

– Быстро доехали, – заметил Дмитрий, разминая кисти рук.

– От Челябинска всего сто десять километров, – сказал Витюша. – Нам повезло, болота пересохли, везде можно проехать. До ближайшей деревни вообще двенадцать километров.

– Что за деревня?

– Малый Брень называется, – рассмеялся Паша Кочергин. – Тут в округе много таких названий. Есть и Большой Брень, и Змеиный Погост, и Раменье, и даже Острая Лопа.

Засмеялся и Дмитрий.

– Поизощрялись предки с этимологией, давая названия своим поселениям. Интересно, как они называли это городище? Кстати, где оно?

– На холме, – показал рукой Витюша. – Поднимемся, увидишь. А вообще этот холм пользуется в местном народе дурной славой. В середине пятидесятых здесь стояла церковь, но сгорела после грозы. Ее отстроили, она опять сгорела. С тех пор люди называют это место Горелым Лбом и обходят стороной.

– А вы как сюда попали?

– Решили проверить легенду.

– О битве?

– Да, я тебе рассказывал. Ехали искать поле боя, а нашли городище. Ребята, разгружаемся. Я сейчас пришлю остальных на подмогу.

Витюша взял сумку и брезентовый сверток, Дмитрий вытащил свое имущество, они поднялись на холм, и Дмитрий увидел панораму древнего города, точнее, его основания, освобожденного почти полностью от верхнего слоя почвы.

Конечно, он видел много археологических раскопов деревень, поселений, городов и памятников архитектуры прошлых столетий в разных концах земного шара, однако здесь находился древнерусский город,

строившийся два с половиной тысячелетия назад, и осознание важности открытия захватывало дух.

– Возможно, это была столица местного царства, – сказал Витюша, покосившись на спутника. – Помимо поселения, крепости и металлургического завода он представлял собой астрономическую обсерваторию немыслимо высокой для тех времен точности. Если знаменитый Стоунхендж фиксировал только шесть позиций солнца и луны, то наш Костьра – аж восемнадцать!

– Откуда это известно?

– У меня в группе работает Костя Быструшкин, известный палеоастроном, он и вычислил. Стены города неплохо сохранились, хотя, судя по всему, он и в самом деле был когда-то сожжен.

– Когда?

– Примерно тысячу лет назад. Легенда утверждает, что здесь была битва, и, похоже, это соответствует действительности. Хотя мы пока не определили, с кем воевали наши предки и почему ушли отсюда.

– Холм в центре и есть ваш курган?

– Мог бы не спрашивать.

– Не больно-то он и здоровый.

– Семьдесят метров в диаметре и двадцать один в высоту. Тебе мало?

Дмитрий поскреб макушку.

– Видал я курганы и побольше.

– Ничего, нас и этот устраивает, – не обиделся Витюша. – Пошли, бросим вещи в палатку и позавтракаем. Потом начнем работать.

Они двинулись мимо валов свежевынутой земли к палаточному лагерю археологов. Из палаток – всего их насчитывалось семь одинаковых, трехместных, и одна большая, армейская, где размещались столовая и хозблок, – начали выползать сонные археологи, поднятые Пашей Кочергиным. К вновь прибывшим подошел бородатый мужик неопределенного возраста, со всклокоченными волосами, сунул корявую руку Витюше, потом Дмитрию.

– Бумагу привез? – спросил он хриплым басом.

– Привез, – ответил Витюша. – Знакомься, это Дима Храбров, мой друг, раскапывал Аркаим в свое время. Дима – это Керджали Баймухаметов, специалист по археометаллургии. Что случилось, Джал? У тебя вид, будто ты что-то потерял.

– Вчера вечером опять черноколпачная компания наведывалась, – отвел узкие глаза Баймухаметов. – Пообещала предать нас анафеме и сжечь лагерь.

– Какая делегация? – не понял Дмитрий.

– Монахи, наверное, приходили, – погрустнел Витюша. – Местный приход. Ума не приложу, за что они на нас взъелись. Мы же им ничем не мешаем.

– Значит, мешаете.

– Вот ты и разберись.

– Попробую, – пожал плечами Дмитрий. – Охрана у тебя есть?

– Какая там охрана! – махнул рукой археолог. – Дежурим по ночам по очереди, вот и вся охрана. Денег нет нанять настоящих сторожей.

- Не помогает такая охрана, – пробасил Баймухаметов осуждающе. – Почитай каждую ночь по палаткам кто-то шарит, по раскопу гуляет.

– Вы что же, находки свои не охраняете? – удивился Дмитрий.

– Все самое ценное сразу увозим, – нехотя сказал Витюша. – А остальное храним в моей палатке. Ко мне тоже залезали? – спросил он у бородатого.

Баймухаметов сплюнул.

– Разрезали брезент в торце, унесли все ножи. Мы еще три штуки нашли.

– А как же сторож? – хмыкнул Дмитрий. – Проспал?

Специалист по палеометаллургии сверкнул глазами, еще раз сплюнул и потопал с холма к машине.

– Он сам и дежурил, – сказал Паша Кочергин.

– Бардак, однако! – откликнулся Дмитрий, сочувственно глянув на приятеля. – Лагерь охранять надо всерьез. Да и с попами надо бы выяснить отношения.

– Времени нет, – рассеянно отмахнулся Витюша, занятый мыслями о предстоящей работе. – Не бери в голову, интуиция мне подсказывает, что мы на пороге каких-то открытий. Шлиман раскопал Трою, Зданович – Аркаим, а я, возможно, раскопаю не менее важный центр. Не отставай, путешественник, нас ждут великие дела!

Они направились к большой палатке, у которой уже дымила походная кухня.

Завтрак оказался таким, какого и ждал Дмитрий. В принципе, в походных условиях он и не мог быть иным. На первое – овсяная каша, на второе – омлет, на третье – ягодный кисель.

– Откуда яйца? – поинтересовался Дмитрий, с удовольствием съевший омлет.

– Деревенские поставляют, – сказал Витюша, на которого то и дело косились члены экспедиции, в основном молодые девушки; синяки на лице их предводителя превращали его в подравшегося спьяну бомжа.

После завтрака он собрал пятиминутное совещание, быстро разобрался с накопившимися деловыми вопросами и повел гостя к кургану, торчавшему посреди раскопок.

Часть кургана была уже удалена, поэтому можно было судить о том, что скрывала под собой песчано-каменистая толща земли. Двухметровой ширины раскоп уперся в стену, сделанную из больших не то каменных, не то саманных блоков, обретших за тысячелетия плотность и твердость камня. В стене был виден проем, представляющий собой то ли ворота, то ли пролом в древнем сооружении, который был явно заделан камнями позднее, так как они отличались по цвету от блоков стены.

– Мы дальше копать не рискнули, – сказал бородатый Баймухаметов, заменявший, очевидно, начальника в его отсутствие. – Мало ли какие сюрпризы там ждут. Но, судя по всему, это никакой не храм, а нечто вроде подворья. Мы прозондировали курган сверху, однако крыши не нащупали.

– Она могла просто рухнуть, – сказал Витюша. – Я привез ЭМ-сканер, сейчас распакуем и начнем просвечивать курган. Копать продолжим, если увидим что-нибудь интересное.

– Могу помочь со сканером, – предложил Дмитрий. – У меня большой опыт работы.

– Заметано, – согласился Витюша. – Ну, начнем, благословясь?

До обеда они занимались просвечиванием кургана, меняя места установки электромагнитного интраскопа, а после обеда составили общую панораму того, что обнаружил прибор. Обнаружил он не так уж и много, хотя интерес исследователей от этого только увеличился. На экране монитора, подключенного к сканеру, компьютер высветил внутренности кургана, и археологи долго разглядывали некую полость в форме вытянутого купола, находившуюся в центре кургана, три двери во внешней стене, охватывающей небольшую площадь с куполом, и какие-то закорючки внутри него, похожие на скелеты людей.

– Это все-таки храм, – сказал Паша Кочергин, налюбовавшись картинкой. – Или, скорее, куд.

– Какой куд? – не понял Дмитрий, увлеченный созерцанием синтезированного изображения не меньше остальных.

– До внедрения княжеско-христианских догматов древние русичи строили не церкви, а куды – святилища богов, по большей части – в форме фаллоса, так как он почитался как самый мощный оберег. Срамной эту форму сделали уже христоносцы. Так вот, в центре кургана, по всей видимости, стоит именно куд.

– А внутри что?

– Докопаемся – узнаем, – уверенно сказал Витюша. – Меня гораздо больше беспокоит, почему все три входа в стене, которая окружает куд, заделаны камнями.

Дискуссию свернули и вернулись к кургану. К вечеру удалось углубиться внутрь холма на пять метров. Дальше копать не рискнули, для укрепления стен и потолка тоннеля требовались дополнительные опоры, а их в наличии не оказалось. Нужно было идти в ближайший лес и пилить деревья, преимущественно – засохшие, так как они обладали большей прочностью.

Уставший Дмитрий, работавший наравне с другими, сходил к реке, искупался вместе с археологами, с которыми успел сблизиться всего за один день, поужинал и подсел к костру, у которого собрались самые молодые члены экспедиции. Подошел и Витюша, довольный успехами отряда. Вечер наступил тихий и душный, небо заволокли облака, что указывало на скорую перемену погоды. Дмитрий сказал Костину об этом, и Витюша озабоченно посмотрел на облака.

– Да, ты прав, осень на носу. Успеть бы разрыть курган до холодов и дождей.

Девушки, поглядывающие на нового коллегу, принялись петь под гитару «старые песни о главном». Одна из них была очень даже симпатичная, сероглазая, с длинными ресницами, пухлыми губками и ямочками на щеках, и Дмитрий даже подумал, не пригласить ли ее погулять по окрестностям, но постеснялся делать это при всех. Еще будет время, подумал он, автоматически отвечая на вопросы приятеля.

Вечер прошел в дружеской обстановке. Попели песни, поговорили о находках, о легенде, которая, по сути, и привела экспедицию в эти края, о предполагаемых открытиях, ждущих археологов в центре кургана, и после десяти часов разошлись по палаткам. Ушла и миловидная сероглазка, которую звали Катей, бросив на Дмитрия заинтересованно-лукавый взгляд. Он понял, что чувства девушки совпадают с его собственными, и сердце забилось сильней. Появился дополнительный стимул сидеть в глуши, далеко от городского уюта, и грызть лопатой землю в надежде добраться до тайны древнего городища.

– Пожалуй, я тоже пойду лягу, – сказал Витюша. – Да и ты ложись, почитай сутки на ногах без отдыху.

– Ничего, я быстро восстанавливаюсь, – сказал Дмитрий, проводив глазами фигурку Кати. – Могу даже подежурить, поохранять лагерь.

– Ладно, оставайся, – легко согласился археолог. – А я предупрежу Пашу, чтобы он сменил тебя в два часа ночи.

– В два рано, часа в четыре.

Витюша хлопнул ладонью по подставленной ладони Храброва и удалился в свою «командирскую» палатку, стоявшую ближе всех к раскопанному городищу. Мелькнул свет фонаря и потух. Начальник экспедиции залез в спальник. Еще некоторое время слышались приглушенные голоса женщин, но и они стихли. На лагерь опустилась тишина. Лишь потрескивали сучья в костре, стреляющие угольками.

Дмитрий посидел немного у костра, глядя на пляшущие языки огня, подбросил веток, мечтая, что вот сейчас к костру выйдет Катя и они заведут беседу, полную намеков и недосказаний. Однако прошел час, а девушка так и не появилась. Зато вдруг объявился гость, которого Дмитрий не ждал. Случилось это событие так.

Дмитрий обошел лагерь, включив «третий глаз» для обнаружения всякого рода потоков внечувственной информации, предупреждающих появление опасности, ничего подозрительного не учуял и несколько минут простоял у палатки Кати, прислушиваясь к дыханию спящих. Потом поднялся на холм, к городищу, подумав, что его стоит обнести забором и поставить сторожей. Речь все-таки шла уже не о частном интересе, а о государственном, так как найденный город древних русичей являлся ценнейшим источником исторических сведений о прошлом Руси. Вернувшись в лагерь, Дмитрий обнаружил сидящего у костра человека.

Это был седой, длинноволосый и длиннобородый старик в белой рубахе, подпоясанной кушаком, и в полосатых штанах, заправленных в мягкие сапоги. Он пошевелил прутиком головешки, стрельнувшие струйками искр, оглянулся на Дмитрия и степенно поднялся, оказавшись выше путешественника чуть ли не на голову.

– Здрав будь, человече, – проговорил он глубоким бархатистым баритоном, вовсе не похожим на старческий голос.

– Добрый вечер, – слегка поклонился озадаченный Дмитрий. – Присаживайтесь, погрейтесь у костра. Чаю хотите?

– Не откажусь, – усмехнулся в бороду гость.

Дмитрий подвесил над костром котелок с водой, подбросил нарубленных заранее полешков. Достал кружки, заварку, конфеты.

– Вам с сахаром?

– Нет, спасибо.

Где-то в районе раскопок послышался стук, будто на землю упал камень.

Оба посмотрели в том направлении.

– Сторожить, однако, треба, – сказал старик укоризненно. – Много лихоимцев кругом, порушить войский покой могут, тогда беды не миновать.

Дмитрий внимательно присмотрелся к гостю.

– Кто вы? И что такое войский покой?

– Издалече я, – уклонился от прямого ответа старик. – Хожу по миру, правду ищу.

– И как, нашли?

– В душах чистых она еще светится, а вообще дело плохо. Потеряла Русь опору в правде-то, поддалась наветам и законам пришлым. Но это отдельный разговор. А войский покой – это по-нонешнему воинский памятник. Сражение в этих местах ведоша тьму лет назад. Отступили мы, а покой остался.

– Кто же с кем сражался?

– Витязи бились, русичи, меж собой, но один – княжеский вой Чернага, веру христианску принявший, а второй – Боривой, защитник рода и веры древней.

Наступило молчание. Дмитрий не знал, как относиться к откровениям ночного гостя, поэтому задавать вопросы не торопился. Спросил через минуту:

– И чем же закончилось сражение?

– Ушли оба в Навь.

– То есть погибли. Что же они не поделили, если оба были русскими воинами?

– Не дележ то был – битва за Веру! – покачал головой старец. – Христианство пришло к нам с огнем и мечом, чтобы мы забыли родных богов, потеряли связь с ними и подчинились чужому распятому богу. Да только бог ли он? Наши боги – суть Силы Природы, Солнце и Небо, Все Сущее. Попробуйте-ка распять Солнце – и вы поймете, что такое *истинный бог*!

– Ну и где же они? – не вытерпел Дмитрий. – Наши боги? Почему отреклись от нас, бросили на произвол судьбы? Значит, бог-пришелец сильнее оказался?

Старец улыбнулся, хлебнул чая, но к конфетам не притронулся.

– Хорошие вопросы задаешь, Дмитрий Олегович. Только нет у меня на них ответов. Сам ищу уже который десяток годков. Но верю, что былое могущество русичей вернется и уйдет с нашей земли чужое семя. Русь достойна лучшего будущего, нежели ее мертво-христианское настоящее, даже если оно православием называется. Да только православие ли это, если ревнители сей веры чужому богу служат?

– Согласен, – сказал Дмитрий. – Хотя так откровенно я еще ни с кем не разговаривал о религии. Но откуда вы знаете мое имя?

– Знаю, Дмитрий Олегович, иначе не пришел бы.

– А зачем рассказываете... о вере, о битве?

– В тебе спит сила русская, – просто ответил старец. – Разбудить ее надобно, и случай скоро представится. Однако и предупредить тебя не мешало, чтобы знал свои корни и ведал правду. Курган, который вы разрыли, скрывает не просто могилу двух воинов, но – Родовой Искон! Нельзя допустить, чтобы русским мечом завладел инородец, беда будет великая.

– Каким мечом?

– Мечом витязя Боривоя. Не меч это даже – символ святости и силы. Правильно о нем сказано... – Старец протяжно и с глубокой болью в голосе, так что у Дмитрия мурашки побежали по спине, прочитал:

Скрыт от глаз в тысячелетиях,
Спит вдали от всех морей,
Сказами увековеченный,
Меч твой – Рус-Гиперборей!

Помолчали, глядя на затухающий костер. Допили чай.

– Почему я? – спросил наконец Дмитрий. – Почему вы уверены, во-первых, что в кургане лежит меч, а во-вторых, что я тот, кому он предназначен?

– Может, я ошибаюсь, – легко отступил гость; глаза его сверкнули по-особому, и Дмитрий почувствовал, как под черепом прошумел щекотный ветерок. – Но ты можешь справиться, если вспомнишь, что ты внук Даждьбога. – Старец снова нараспев продекламировал:

Сила русская – Вера Вещая,
Что от предков нам завещана!
Не рабы мы – внуки Даждьбоговы,
Громовержца Перуна наследники!

Дмитрия качнула странная воздушная – в безветрии – волна. Он изумленно прислушался к себе, встретил взгляд старца, в глазах которого прыгнули веселые искры, и выпрямился, стараясь выглядеть достойно.

– Я постараюсь, – хрустнувшим голосом сказал он. – Хотя не очень понимаю, что должен сделать...

– Сберечь силу, таящуюся в мече. До поры до времени.

– Как?

– Это ты решишь сам. Но берегись, охота за мечом уже началась, и тебе будет нелегко. Кстати, ни в коем случае не дотрагивайся до ме-

ча Чернаги. Он тоже проводник силы, но способен высосать душу, превратить человека в *нежить*.

– Тогда его надо уничтожить.

– Нам не удалось сделать это тысячу лет назад. Может, удастся тебе. – Старец поднялся. – Прощай, Витязь. Я свой пост сдал, теперь твой черед *вести* Русь.

Встал и Дмитрий, смущенный таким оборотом дела.

– Я не очень понимаю...

– Поймешь позже. Я верю тебе. Сунь-ка руку в огонь.

Дмитрий недоверчиво заглянул в глаза старика, в которых мерцало пламя костра, помедлил и подставил ладонь под язык огня. И не почувствовал боли! Только легкое покалывание! Огонь обтек руку и погас. Дмитрий поднес неповрежденную руку к глазам, перевел взгляд на собеседника...

– Вы... вы...

– Я волхв, – кивнул старец. – И знаю *слово*. А теперь прощай.

– Скажите хотя бы, как вас зовут.

– Зови меня Хранителем.

Старец вдруг исчез и объявился уже у палаток, постоял немного – белая светящаяся фигура на фоне темного неба – и пропал в темноте.

– Интересно, мне все это приснилось? – пробормотал Дмитрий глубокомысленно, пытаясь разглядеть старика. – Или крыша поехала?..

Где-то на холме звякнуло о камень железо.

Дмитрий очнулся, сбросил оцепенение. Хотел было подняться к городищу, потом вспомнил совет Хранителя и вернулся к палатке, в которой спал Витюша, вытащил свой карабин и только после этого бесшумно поднялся на холм.

Здесь хозяйничали чужие.

Перейдя на «внутреннее зрение», Дмитрий сразу увидел три светящиеся в инфракрасном диапазоне фигуры, которые время от времени исчезали под землей у кургана. Изредка они включали фонарик, и тогда в слабом отсвете становились видны кучи земли, лопаты и какие-то серебристые ниточки.

Беззвучно выругавшись, Дмитрий метнулся было к городищу и вдруг почувствовал неприятный холодок, лизнувший спину. Кто-то смотрел в его сторону, невидимый и опасный, как затаившаяся в траве змея. Это был, очевидно, четвертый член орудовавшей на раскопе шайки, который стоял «на стреме» и стерег подходы к городищу.

Можно было сразу поднять тревогу, пару раз пальнуть из карабина в воздух, чтобы грабители древних могил – а это, скорее всего, были

именно они, «черные археологи», — убрались отсюда и больше не приходили. Но Дмитрий сделал иначе.

Преодолев внутреннее сопротивление — напрягаться и действовать на пределе боевых кондиций ужасно не хотелось, — он вошел в *измененное* состояние сознания и бесплотной тенью скользнул к городищу, обходя его справа, ощущая все электрические и ментальные токи природы.

Четвертого члена группы удалось обнаружить через несколько минут: он сидел на каменной глыбе за валом земли, у внешней стены городища, и бдительно следил за окрестностями, почти не шевелясь, лишь изредка ворочая головой, напоминая собой камень. Он тоже знал приемы психофизического восприятия и манипулирования, как и Дмитрий, поэтому появление путешественника не стало для него неожиданностью.

Он резко свистнул, и фонарик в руках его сообщников сразу погас. Они замерли, обращаясь в слух.

Сторож спрыгнул с глыбы и вытянул вперед руку, внезапно удлинившуюся каким-то узким предметом. Тусклый блик, отразившийся от предмета, — в лагере археологов ярче вспыхнуло пламя костра — подсказал Дмитрию, что это сабля или шпага.

— Не шали! — негромко проговорил он, направляя на незнакомца в темной накидке или плаще ствол карабина. — Пристрелю!

Человек молча бросился на него с быстротой молнии. Расстояние, разделявшее их, он преодолел буквально за доли секунды. Ошеломленный таким проворством, Дмитрий выстрелил не целясь. И тотчас же ночной гость изменил направление бега, птицей кинулся с холма вниз, исчез за стеной кустарника. Пропали и его сообщники, кинулись врассыпную, побросав инструмент. В течение двух секунд Дмитрий остался у городища один, сжимая в руках карабин и изготовившись к новой атаке неизвестных. Однако они не рискнули связываться с охраной раскопок, не зная, сколько людей охраняет городище и чем они вооружены. А Дмитрий вдруг подумал, что плащ атаковавшего его незнакомца больше похож на монашескую рясу. Вспомнился священник, с которым он столкнулся в квартире Витюши. Тот тоже двигался очень быстро и был вооружен кинжалом. Может быть, это один и тот же человек?..

Послышались голоса, сверкнули лучи фонарей. К городищу поднимались разбуженные выстрелом археологи. Первым к Дмитрию подбежал растрепанный Витюша в накинутой на голое тело ветровке.

— Ты стрелял?! Что тут произошло?!

— Гости пожаловали. — Дмитрий рассказал о встрече с неизвестны-

ми, упустив только известие о визите волхва-Хранителя. – У кургана копались.

– Пошли, посмотрим.

Они всей возбужденной компанией приблизились к кургану и увидели брошенные лопаты странной формы – трехзубые – и длинные металлические стержни на рукоятках.

– Смотри-ка, зонды. – Паша Кочергин в одних спортивных штанах спрыгнул в раскоп, подсвечивая фонарем, протянул Витюше стержень. – С датчиком сопротивления. У нас таких нет. – Он скрылся в тоннеле, который вел к центральной полости кургана. За ним спустился Витюша.

Прошло несколько минут. Археологи, поеживаясь от ночной прохлады, переговаривались между собой, кидая уважительно-заинтересованные взгляды на виновника переполоха. Среди них была и Катя, успевшая надеть рабочий комбинезон. Она тоже посматривала на Дмитрия, и он даже хотел подойти к ней, заговорить, пошутить, но в это время из раскопа вылез Витюша.

– Они успели прокопать два с лишним метра. Хотели, наверное, добраться за ночь до купола.

Девушки окружили начальника экспедиции, забросали вопросами:

– Кто это был?

– Чем они крепили стены и потолок?

– Что им надо?

– Почему они лезут к нам?

– Может, милицию вызвать?

– Стоп! – поднял руки над головой Витюша. – Никакую милицию мы вызывать не будем. Будем сторожить. Я позвоню в институт, объясню ситуацию, и нам кого-нибудь пришлют на помощь. А теперь все по палаткам. Утро вечера мудренее. Останусь я и...

– Я, – вызвался Дмитрий. – Время моего дежурства не закончилось. Не бойтесь, они сюда больше не сунутся.

Археологи, перебрасываясь шутками, гурьбой повалили к лагерю. Катя оглянулась, но Дмитрий этим не воспользовался, так как Витюша держал его под локоть, бормоча что-то о «проклятых гробокопателях, чуявших наживу».

– Надо было давно организовать охрану городища, – сказал Дмитрий со вздохом, – а не экономить деньги.

– Какое финансирование – такой и результат, – окрысился расстроенный Витюша. – Хорошо еще, что мне удалось уговорить начальство взять тебя на полный кошт. Буду звонить, конечно, просить помощи. Действительно, оборзели гады. Ты хоть кого-нибудь разглядел?

– Темно было, – уклонился от ответа Дмитрий, вспоминая сторожа

в монашеской рясе. – Я бы вообще прожектора вокруг городища поставил, пусть освещают территорию. Да пару человек с ружьями. И все проблемы решатся.

– Где мне их взять, прожектора? – пробормотал Витюша. – А тем более охранников с ружьями.

– Пусть Москва побеспокоится по этому поводу. Или местное руководство. Позвони в Челябинск, обрисуй ситуацию, глядишь, и получится.

– Разве что, – поскреб в затылке начальник экспедиции.

Они заново развели костер, повесили котелок.

Археологи разошлись по палаткам, улеглись спать. В лагерь вернулась тишина.

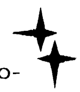
В четыре часа утра Дмитрия и Витюшу сменили Паша Корчагин и Керджали Баймухаметов. Однако покой археологов больше никто не нарушил. Остаток ночи прошел тихо и мирно.

Наутро отряд снова занялся работой. Погода явно начинала портиться, поднялся ветер, и все спешили, чтобы закончить основной цикл раскопок до осенних дождей.

На кургане работали в основном мужчины, сменяя друг друга. Дмитрий присоединился к ним чуть позже, в десять часов утра, когда тоннель углубился в тело кургана на двенадцать с лишним метров. Трехзубые лопаты, брошенные неизвестными грабителями могил ночью, оказались легкими, прочными и очень удобными. С их помощью работа пошла быстрее, и к обеду археологи вплотную подобрались к центральному куполу сигаровидной формы, внутри которого электромагнитный сканер разглядел чьи-то скелеты. Лишь Дмитрий знал, что это за скелеты, но делиться своим знанием он ни с кем не стал, даже с Витюшей.

Пообедали в два часа дня. Дмитрию наконец удалось «случайно» поговорить с Катей, убедиться в том, что и девушке интересно общаться с ним, и это обстоятельство сильно сказалось на его настроении. В положительном смысле, разумеется. Поездка в «страну городов» теперь и вовсе обрела романтический ореол, подчеркивая известную сентенцию – «случайных встреч не бывает». Дмитрий и в самом деле был уверен, что его появление здесь определено судьбой. Витюша – Катя – грабители могил – старец-волхв – все эти встречи складывались в одну таинственную цепь, которая вела внутрь кургана, к русскому мечу, предназначенному защитить русскую землю от нечисти.

Сомнения в душе Дмитрия насчет собственной принадлежности к некоей касте Витязей, о чем говорил Хранитель, почти исчезли. Пришло

ощущение грядущего *открытия*, а вместе с ним – уверенность в своих силах. Путешественник был готов к встрече с предком-Витязем, пусть и не прямым, который тысячу лет назад пытался преградить путь насильственным крестителям земли русской.

К вечеру тоннель достиг цели – стены куда, сложенной из таких же блоков, что и внешняя стена святилища, скрытая толщей земли. Возбужденные археологи хотели немедленно пробить в стене отверстие и заглянуть внутрь купола, но Витюша не разрешил.

– Поздно уже. Завтра продолжим, со свежими силами и ясной головой. Дежурить у раскопа будем парами, по два часа. Первыми пойдут Паша и Слава, потом...

– Несправедливо, Виктор Фомич, – перебила его одна из девушек, рослая и сильная; ее звали Ниной. – Мы тоже можем дежурить не хуже мужчин. Я и стрелять умею. А то вы вскоре все исхудаете, не с кем будет песни петь.

В толпе археологов послышались смешки.

– Давайте и нас назначайте, – поддержала подругу Катя. – Мы можем вместе с мужчинами раскоп охранять. – Она кинула взгляд на Дмитрия.

Археологи снова загалдели, засмеялись, посыпались шутки.

– Хорошо, – уступил подчиненным Витюша. – Пусть будет по-вашему. С десяти до двенадцати подежурю я. Все равно еще не все спать лягут. Потом Славик и... Нинель. Потом...

– Я, – вызвался Дмитрий.

– И я, – подняла руку Катя.

– Не возражаю. С четырех до шести пойдут Паша и Мария, а после шести Баймухаметов и Софико. Вопросы есть?

– А мы? – раздались недовольные голоса.

– Нам здесь не одну ночь гужеваться, успеете все подежурить, пока не пришлют охрану из центра. Все, пошли ужинать.

В лагерь Дмитрий возвращался уже рядом с Катей. Стеснение куда-то ушло, он был своим среди своих и чувствовал себя легко и непринужденно, отвечая на вопросы и шутки подруг Кати с неожиданным даже для себя самого юмором. Спать он так и не лег. Быстро восстановил силы, «подзарядившись» токами природы по методу Шерстенникова, посидел с Витюшей у костра, пока остальные купались в реке и приводили себя в порядок, а потом подошла Катя, переодетая в чистый джинсовый костюмчик, и все остальные заботы и мысли отошли на второй план.

Витюша в двенадцать часов сходил к городищу в сопровождении Паши и лег спать. На дежурство заступили Нинель плюс худенький и по-

движный Славик Путин, которого все за глаза прозвали «президентом» за сходство с настоящим главой государства. Они развели у городища второй костер, и таким образом Дмитрий и Катя оказались предоставленными самим себе.

Сначала свою жизненную историю поведала девушка, недавно закончившая Московский историко-археологический институт и попавшая в экспедицию Витюши Костина по распределению. Это был ее первый самостоятельный «профессиональный» выезд на раскопки.

Затем настал черед Дмитрия. Время текло незаметно, два часа пролетели как один миг. Оба не скрывали своего интереса друг к другу, и Дмитрий вскоре понял, что встретил ту, которую ждал много лет.

В два часа ночи они сменили Нину и Славика и, не сговариваясь, обошли городище, постояли у кургана, освещая фонарем устье свежего тоннеля в его склоне. Вернулись к костру, делясь впечатлениями о находках на раскопе. Поцеловались они как-то совершенно случайно, когда шутливо отпихивали друг друга от нагретого камня, где сидели до них первые сторожа. Наверное, Дмитрий мог бы пойти и дальше, возбужденный и разгоряченный близостью с красивой и податливой девушкой, но не рискнул испытать разочарование, боясь обидеть ее. Да и нужен ему был не флирт ради флирта, не короткая, ни к чему не обязывающая вспышка страсти, а нечто большее, что связало бы их на всю жизнь. Хотя об этом в данный момент он тоже не думал, просто чувствовал грань, которую переступать был не вправе.

Они целовались бы, наверное, долго, если бы не отрезвившее Дмитрия острое чувство тревоги. Словно невидимая птица спикировала вдруг из тучи ему на голову и клюнула в спину. Он оторвался от Кати, замер, сжимая ее в объятиях и прислушиваясь к ночной тишине.

– Ты что? – не поняла девушка.

– Тихо! – выговорил он ей на ухо одними губами. – Кто-то смотрит на нас... не шевелись... делай вид, что ничего не происходит...

– Я и в самом деле ничего...

– Молчи... через минуту я пойду к раскопу, а ты останешься... подбросишь веток... потом спустишься в лагерь и разбудишь Витюшу... Виктора Фомича... В случае чего – стреляй из карабина, вот он лежит.

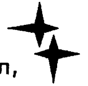
– Поняла... но лучше я пойду с...

– Делай, как я сказал!

– Хорошо, – уступила девушка.

Дмитрий легонько поцеловал ее в губы, отодвинул и громко произнес:

– Посиди, я еще дровишек принесу и бутылку вина, у меня есть в загашнике.

Нарочито гремя камнями, он спустился вниз, но к лагерю не пошел, метнулся к реке, обходя холм, и поднялся на него с другой стороны, переходя в боевое трансовое состояние.

Он не ошибся со своими предположениями. Городище снова навестили непрошеные гости. Возможно, это были те же самые «гробокопатели», что потревожили сон археологов прошлой ночью. Они бесшумно подкрались к кургану в центре городища и спустились в тоннель, прорытый археологами. Сколько их было всего, Дмитрий не знал, но оценил по напряжению ментального поля – человека три-четыре. И один из них снова играл роль часового. Он прятался за валом земли и смотрел на костер, возле которого сиротливо сидела Катя.

«Ну, блин, шакалы, я вам покажу кузькину мать! – поклялся в душе Дмитрий. – На век закаетесь древние могилы грабить!»

Превратившись в тень, он за несколько мгновений переместился к сторожу банды и, хотя тот в последний момент учуял опасность и оглянулся, одним ударом в лоб отправил его в глубокое беспамятство.

Вопреки ожиданиям, мужик оказался не монахом, а... милиционером в форме, с погонами сержанта. Каким образом гробокопателям удалось переманить его на свою сторону, было непонятно. Хотя, скорее всего, здесь, как и во всех подобных случаях, главную роль играли деньги. Стражи правопорядка не брезговали никаким заработком.

Сержант был вооружен штатным «макаровым» и тесаком наподобие того, что Дмитрий добыл в бою с монахом в квартире Витюши. Вынув обойму, Дмитрий выбросил ее в кусты, вложил пистолет в руку владельца и в прежнем темпе вернулся к кургану.

Его не ждали.

Троица – возможно, та же, что посетила городище прошлой ночью, – продолжала увлеченно возиться в раскопе, вынося наружу камни и блоки; очевидно, грабители могил уже разобрали часть стены купола. Подождав, когда из тоннеля покажется очередной «археолог», Дмитрий свалился ему как снег на голову и особым приемом зажал шею. Подергавшись немного, «археолог» потерял сознание. Не теряя ни секунды, Дмитрий шмыгнул в отверстие тоннеля, освещенное где-то в глубине рассеянным светом фонаря, и встретил еще одного «археолога», волокущего полуметровый блок с отбитым краем. Он был одет в пятнистый комбинезон и вязаную шапочку, натянутую на уши. Увидев Храброва, «археолог» не сразу сообразил, кто перед ним, и Дмитрий воспользовался секундной нерасторопностью копателя. Прыгнув ему навстречу, он ударом в подбородок отбросил парня назад. «Археолог» опрокинулся на спину, роняя тяжелый блок себе же на ногу. Раздался тихий вскрик, и все стихло.

– Что там у вас? – прошипел, оборачиваясь, четвертый член шайки, который вынимал блоки из стены купола. Он тоже был одет в камуфляж-комбинезон, разве что на голове носил не вязаную шапочку, а танковый шлем.

В стене, освещенной фонарем, виднелось метровой ширины отверстие. Грабителям оставалось чуть расширить проход, чтобы войти в святилище под курганом.

– Привет, – вежливо проговорил Дмитрий. – Вас разве не учили в школе, что воровать нельзя?

«Танкист» перестал вытаскивать из кладки блок, сунул руку за пазуху, но Дмитрий в прыжке нанес ему удар по руке, а затем в голову. Чужак, уже немолодой, в годах, заросший седой щетиной, ударился затылком о стену, закатил глаза, сполз на неровный пол тоннеля. Из его руки выпал пистолет ТТ.

– Это вам не мелочь по карманам тырить, – назидательно сказал Дмитрий, проделывая ту же процедуру, что и две минуты назад, то есть вынимая из пистолета обойму. Затем поднял прислоненный к стене фонарь и посветил в отверстие, проделанное ночными гостями, из которого в тоннель просачивались запахи пыли, смолы и химической горечи. Странные запахи, честно говоря.

Луч фонаря высветил абсолютно пустое помещение со стенами, испещренными какой-то рунической вязью, и две застывшие друг против друга фигуры в старинных воинских доспехах. Лишь приглядевшись, Дмитрий понял, что эти воины *убили* друг друга, да так и остались сидеть – на одном колене, вонзив в тело врага свой меч.

– Пресвятая матерь! – прошептал Дмитрий. – Не соврал Хранитель! Здесь и в самом деле была битва...

Под чьими-то ногами захрустел в тоннеле песок.

Холодея, Дмитрий резко обернулся, освещая подкрадывающегося сзади человека, увидел загородившуюся от света ладонью Катю с карабином в другой руке, с облегчением расслабился.

– Я же приказал сидеть тебе у костра.

– Мне показалось, что тебе требуется помощь, – виновато шмыгнула носом девушка. – Да и страшно там одной... Кто это? – Она увидела лежащие в тоннеле тела «археологов».

– Любители антиквариата, – усмехнулся Дмитрий.

– Они... живы?!

– Живы, живы, только испугались маленько, сознание потеряли от страха. Там наверху третий лежит, разве ты его не заметила?

– Нет.

– Сбежал, наверное, паразит. Ладно, фиг с ним, иди зови наших.

– Можно, я тоже посмотрю, что там? – Катя принюхалась, сморщив носик. – Как здесь странно пахнет... химией...

– Этот куд не вскрывали тыщу лет. – Дмитрий подвинулся, подсветил фонарем. – Смотри.

Катя заглянула в дыру и вдруг одним движением впорхнула в помещение, прислонила к стене карабин, всплеснула руками.

– Господи, это же древнерусские воины! Как живые!

– Не трогай ничего! – Дмитрий был вынужден пролезть в святилище вслед за девушкой. – Прошла тьма времени, как они тут бились, но кто знает, какие ловушки оставили предки, чтобы уберечь могилу.

– Какие на них доспехи! Бармица... кольчуга... наручи...

– Сама сказала – это древнерусские доспехи, и надписи на стенах сделаны славянской вязью, глаголицей. Даже, наверное, прочитать можно.

– Почему они убили друг друга? Они же русские...

– Не знаю.

– А почему их похоронили в такой позе? Они даже не сгнили и не высохли! Забальзамированы?

– Возможно, была использована какая-то магия.

– Я в магию не верю, – отмахнулась девушка, жадно разглядывая неподвижные фигуры. – Посмотри, один из них, наверное, знатный воин, а второй – нет, у него и доспехи попроще, без украшений и наворотов. И рукоять меча совсем простая, ремешком обтянута. А у того – с золотом и драгоценными камнями.

– Это Чернага, княжеский сотник. А его противник – русский светлый воин Боривой.

– Откуда ты знаешь?

– Сорока на хвосте весточку принесла.

Дмитрий подошел ближе, разглядывая мечи, которыми воины проткнули друг друга. Оба меча – черный и льдисто-металлический – свободно пронзили кольчуги и вышли из спины того и другого бойца.

Дмитрий протянул руку к застывшему Боривою, лицо которого, в отличие от искаженного лица противника, было спокойным и умиротворенным, хотел потрогать меч, но почувствовал ледяной озноб и отдернул руку.

И тотчас же в святилище объявился новый гость, монах в рясе, с мощным фонарем в одной руке и с помповым ружьем в другой. Дмитрий узнал его – это был тот самый монах, который навещал Витюшу Костина в Москве и который, очевидно, сидел в засаде у городища прошлой ночью.

– Стоять! – каркнул он, красноречиво оскалясь. – Назад!

Дмитрий послушно попятился. Ему показалось, что от последних слов монаха меч Боривоя засветился изнутри и погас.

– Ты тоже! – Ствол ружья повернулся в сторону Кати.

– Кто вы такой? – возмутилась девушка. – По какому праву командуете? Что вам здесь надо?

– Назад, я сказал!

– Отойди, – мягко посоветовал Дмитрий, поискав глазами карабин и жалея, что тот недоступен. – Это прямой потомок *распинателей*.

– Кто?!

– У тебя шибко умный дружок, – скривил губы монах. – Чересчур умный. Такие долго не живут. К стене!

– Да что вам нужно?!

– Ему нужен меч, – сказал Дмитрий.

Оскал монаха стал шире.

– Правильно, господин Храбров. Мне нужен Меч Крестителя. Он еще послужит нашему Делу. А вот ты зря встрял в эту историю, да и знаешь больше, чем нужно. Придется оставить тебя здесь. – Монах хихикнул. – Еще на тысячу лет. И девку твою тоже.

– Вы не посмеете... – дрожащим голосом проговорила Катя, отступая вдоль стены к проему, из которого вылез гость.

– Стой где стоишь, а то умрешь раньше времени. А ты, мастер, стань на колени, руки на затылок.

Дмитрий помедлил, прикидывая свои возможности. Он мог бы в прыжке достать гостя, но вряд ли это позволило бы ему увернуться от пули.

– На колени! Быстро!

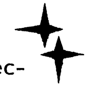
Дмитрий опустился на одно колено.

Монах перестал сверлить его яростными белыми глазами, подошел к застывшим в последнем движении воинам, оглядел их, ощерясь, и вдруг толкнул ближайшего к нему в плечо. Тела воинов со стуком упали на пол святилища и... рассыпались в прах! Зазвенели раскатившиеся по полу мечи.

Дмитрий вздрогнул.

Тихо вскрикнула Катя, сделав еще один маленький шажок к дыре в стене.

Монах сбросил с головы монашеский клобук, открывая бритый наголо череп, шевельнул носком сапога меч Чернаги, длинный, черный, с богатым эфесом, потом осенил себя крестом и одним движением поднял меч над головой. С рукояти меча стекла ему на лоб голубая электрическая змейка. Он вскрикнул, пошатнулся, однако на ногах удержался. Глаза его засияли, как два рубина.

– Он мой! – прорычал монах хрипло. – Он мой! Теперь я – Креститель! Я буду карать и миловать! Я довершу то, что начали предки, да не закончили! Я стану...

Его речь прервал выстрел.

Пуля вжикнула мимо уха монаха, влипла в стену.

Катя успела-таки схватить карабин, играя испуганную до смерти женщину.

Монах оглянулся в недоумении, ощерился, вытянул в сторону девушки меч.

– Отдай!

– Держи его на мушке! – быстро сказал Дмитрий, вскакивая. – Этот Навуходоносор запросто может отправить нас на тот свет.

С кончика черного меча сорвалась молния, угодила прямо в карабин Кати. Та вскрикнула, отшатнулась, бледнея и роняя оружие, и осела по стене на пол. Закрыла глаза.

– Не-е-ет!..

Луч фонаря уперся в Дмитрия.

– Теперь твоя очередь, мастер. Сможешь ли ты теперь посоревноваться со мной?

Новая молния сорвалась с кончика меча.

Но Дмитрий уже подчинялся трансу боя и начал действовать, не давая противнику времени насладиться победой.

Прыжок в сторону, нырок на землю, перекат...

Молния опалила волосы на виске, но пролетела мимо.

Еще прыжок.

Рукоять меча Боривоя легла в ладонь. Судорога свела руку, сладкая боль вонзилась в сердце, аж искры из глаз посыпались! И тут же в голову хлынула удивительная холодная ясность, а в мышцы – неукротимая жгучая сила. Это *включился* меч, доверившись человеку, который взял на себя ответственность за будущее рода.

– Умри! – выдохнул монах, бросаясь к лежащему Дмитрию, обрушил на него черный меч.

Клинки скрестились, высекая длинные шипящие искры.

Дмитрий сделал разножку и подбил противника под колено, заставив его отступить. Вскочил разгибом вперед, отбил еще один выпад и ударил монаха ногой в грудь.

Он давно не брал в руки холодное оружие, со времени ухода из Школы и тренировок с учителем, но верил, что тело само вспомнит приемы фехтования и ответит адекватно. А еще он чувствовал необыкновенную легкость, уверенность и *силу*, стекающую по мечу в руку и дальше – в сердце.

Глаза монаха метнули молнии.

Дмитрий ощутил удар в лоб, зрение на секунду помутилось.

Дьявол! Это не простой монах, это колдун! Так он запросто может подобраться ближе и укокошить, не ведая стыда!

Дмитрий отскочил, автоматически выполняя «мельницу» — прием веерной защиты. Прием сработал. Монах вынужден был отступить. Но тут же снова бросился в бой.

Длился этот бой не меньше четверти часа.

Фонарь, упавший на пол святилища, не погас и помогал бойцам видеть друг друга. Хотя в состоянии боевого транса Дмитрий мог обходиться и вообще без света. Впрочем, как и его могучий противник.

Если бы не умение уходить в *пустоту* измененного состояния сознания и не хорошая школа кэндо, которую прошел в свое время путешественник, он не смог бы на равных сражаться с новым хозяином черного меча. Монах же рубился умело и яростно, его тоже подпитывала энергия меча, и Дмитрию пришлось какое-то время биться на пределе физических и психических возможностей, отбивая не только выпады меча, но и магические удары противника. Лишь научившись впитывать *силу* своего меча и предвидеть движения монаха, он смог наконец остановить беспрестанные атаки противника.

Однажды он чуть не поплатился жизнью, отвлекшись на застонавшую Катю (жива, душа моя!), и получил удар в бок, еле уйдя от выпада. Меч монаха скользнул по ребру, разрезал кожу и вспорол мышцы. Особой боли в горячке боя Дмитрий не почувствовал, но понял, что с потерей крови потеряет и жизнь, и удвоил скорость движений. Но и монах не собирался уступать, налитый злобой и бычьей силой, понимая, что время играет против него. В любой момент к кургану могли прибежать археологи, и тогда ему пришлось бы или убивать всех, что вряд ли было выполнимо, или бежать.

Кровь продолжала струиться из раны, и Дмитрий решил использовать тридцать восьмую китайскую стратагему, которая позволяла обмануть противника, заставить его играть по твоим правилам. Он сделал вид, что теряет силы, стал отступать, спотыкаться, уклоняться, неловко атаковать, и монах, воспрянувший духом, усилил натиск.

Удар, удар, звон мечей, снопы искр, гул, свистящее дыхание... силы на исходе... держись, парень, конец близок...

Еще удар!

Дмитрий неловко отклонился, упал на колено...

Монах взревел, поднимая меч, бросился на него... и споткнулся о протянутую ногу Кати. Качнулся вбок, вытаращив глаза. В то же мгновение Дмитрий взвился вверх, на лету выбил меч из руки противника

и обратным движением своего меча отрубил монаху кисть правой руки.

Монах взвыл, кинулся было за упавшим мечом, норовя схватить его левой рукой, но удар ногой в лицо отбросил его к стене. Он упруго вскочил – из раны толчком выплеснулась кровь, – снова закричал... и метнулся к дыре входа, исчез в ней.

– Я найду тебя! – донесся его удаляющийся голос, и все стихло.

Дмитрий сел на пол, ощутив волну слабости. Посмотрел на девушку, подтянувшую к груди колени и глядевшую на него огромными черными глазами.

– Ты ранен?!

– Пустяки. Спасибо за помощь. Ты вовремя подставила ему ногу.

Катя нашла в себе силы подползти к нему, обняла.

– Он мог нас... убить!

– Мог, – согласился Дмитрий, чувствуя звон в ушах. – Но не сумел.

– Я не знала, что ты можешь так сражаться...

– Я еще вязать могу, – улыбнулся Дмитрий через силу, – и первое готовить. Пойдешь за меня замуж?

– Пойду, – сказала Катя. И поцеловала его. Губы у нее были холодные как лед, пришлось их отогревать.

Потом она перевязала ему рану собственной кофточкой, и они с трудом поднялись на ноги.

– Что будем делать?

– Будить наших. Только сначала спрячем мечи.

– Зачем?

– Это не простые мечи, в них спит *сила*. Они не должны попасть в плохие руки.

– Мы же не имеем права...

– Имеем! – твердо сказал Дмитрий. – Там в коридоре я видел мешок, принеси его. Но сначала посмотри, где эти... заговорщики.

Катя покачала головой, однако послушалась и вскоре принесла обычный холщовый мешок, в котором лежали какие-то крючья, мотки бечевы, нитяные перчатки и рулон толстой полиэтиленовой пленки черного цвета.

– Там никого нет.

– Сбежали со своим командиром. Тем лучше.

Дмитрий вытряхнул содержимое мешка на пол, удовлетворенно кивнул.

– Они знали, за чем шли, и подготовились.

Он полюбовался своим оставшимся чистым, сверкающим мечом, с неохотой опустил его.

– Дай подержать, – загорелась Катя.

– Не стоит, – покачал он головой. – Это оружие мужчин.

Натянув перчатки, он осторожно завернул мечи по отдельности в пленку, перевязал бечевой.

– Пошли.

В тоннеле ему стало плохо от слабости, но Катя поддержала его и помогла вылезти из раскопа.

– Что теперь?

– Черный меч мы притопим в реке, а второй я заберу с собой.

– Зачем?

– Ты мне веришь?

– Верю.

– Тогда помогай мне и ни о чем не спрашивай. Обещаю позже все рассказать, все, что знаю сам. Только никому ни слова! Это очень важно.

Катя подошла к нему и молча обняла.

В облаках над головой обозначился просвет, на замерших людей глянули яркие звезды. А в душе Дмитрия проросла вдруг уверенность, что все только начинается и что его спокойной – в каком-то смысле – жизни путешественника пришел конец. Мечи, олицетворявшие собой два разных подхода к жизни и к человеку, две разные *веры*, вышли на волю. Сможет ли он сохранить их?

Сверток в руке Дмитрия шевельнулся как живой. Тоненький лучик невидимого света протек от меча Боривоя по руке к голове путешественника. Меч словно успокаивал вновь обретенного друга. Затем волна света прянула от него во все стороны, осветила городище и погасла. Изумленные молодые люди молча смотрели на меч и молчали. Они не знали, что сказал им русский меч, но в силу врожденного оптимизма еще верили, что всё могут изменить к лучшему.

В этой жизни.

Дебют в «3Д»

Ольга Лукас

ПИВНАЯ НА КРАЮ ВСЕЛЕННОЙ

Имя Ольги Лукас известно пока только тонкому слою литературной богемы двух российских столиц. Но это, судя по всему, ненадолго, поскольку ее талант — вещь самоочевидная. На просьбу «3Д» написать пару слов о себе Ольга прислала вот что: «Родилась в Ленинграде в 1979 году, с детства мечтала стать диктатором или хотя бы писателем. Первое стихотворение сочинила в четыре года — впоследствии выяснилось, что пару строчек я позаимствовала у какого-то малоизвестного детского поэта. Учусь на факультете журналистики СПбГУ, журналистикой же зарабатываю себе на хлеб — насущный и жидкий. Увлекаюсь мужчинами». Тут уж ни убавить, ни прибавить...

Удачно получилось! В первый раз так повезло. Рекламодатель сам, со всеми необходимыми материалами, с модулем, записанным на чистенькую новенькую дискетку, точно в 18.00 встретил меня на станции метро. То, что мне пришлось гоняться за этим рекламодателем целую неделю, благополучно забыто. Рабочий день закончен, можно расслабиться. Завтра подумаю о работе.

Все-таки славный клиент мне попался. Мог бы назначить встречу на какой-нибудь другой станции метро, и мне пришлось бы размышлять, в какие гости ехать, чтобы никого не обидеть. А здесь судьба все решила сама. Вон там, в скверике, надо только площадь форсировать, расположилось летнее кафе, за стойкой которого сегодня первый день

работает моя подруга Ольга. Раньше она трудилась возле другой станции метро. Нет, ну как славно все совпало!

Интересно, что она сейчас читает – Кортасара или «Внезапную страсть»? Вообще-то, все ее сменщицы, как правило, в свободное от общения с клиентами время усиленно развивают мышцы головного мозга – разгадывают кроссворды, сканворды, чайнворды и прочие головоломки. Ужасно этим гордятся и постоянно спрашивают у Ольги: «Аргентинский писатель из восьми букв, вторая "о"? Поэма Жуковского – семь букв? Откуда ты только это знаешь? Ты что, все это прочла?» Но сегодня вместо скучных сменщиц у Ольги за стойкой командует наш дорогой друг Витек.

Что-то они мне не рады. Всеми нервными окончаниями ощущаю некое напряжение на территории кафе. Бомжи и мальчишки, собирающие бутылки в парке и – преимущественно – вокруг столиков, куда-то попрятались. Люди за столами сидят, будто пришибленные, не гогочут по своему обыкновению, не проливают пиво на стол и друг другу на одежду. На стойке лежит унылая надпись «Закрыто».

Витек самозабвенно полирует мисочку для денег, снабженную рекламой отечественных сигарет. Витек, как и я, просто гость на этом празднике пива. Пиво везде. В большом бочонке с краниками. В стаканах, недопитое. В расфасованных по ящикам бутылках. В холодильнике-витрине, озаглавленном почему-то «Пепси».

– Руки – мыл? – грозно интересуется Витек.

– Н-нет.

– Ольга, тут у человека руки грязные. Пусть пол пооттирает.

Это они меня удачно пристроили.

– Расскажите хоть, в чем траблы? И сумку дайте поставить куда-нибудь. Пивка бы еще!

– Закрыто, – голосом гнусавого переводчика кинофильмов объявляет Ольга.

Оказывается, к ним прямо сегодня может нагрянуть санинспекция. А стойка и все сопутствующие предметы не мыты с тех пор, как их сюда поставили. То есть с начала лета. Если бы я пришел пораньше, мог бы заработать денег. Витек пришел и разгружал пиво ящиками. Теперь у него есть 50 рублей, и он не знает, что с ними делать. Я предлагаю сходить за пивом к метро, пока аврал не закончится.

Ольгу очень вдохновляет эта идея – кажется, она мне все-таки не рада. Она даже снабжает нас необходимыми деньгами и напутствиями.

К нашему возвращению все прибрано. Остается только перетащить за стойку два стула да откупорить бутылки. Витек гордо поигрывает би-

цепсами и уверенно восседает на самом лучшем стуле. Ему хорошо, он на правах грузчика.

Мне тоже очень скоро находится применение. Врожденное любопытство гонит меня куда-то за горы ящиков с пустыми и полными бутылками, где я совершенно случайно нахожу милицейскую фуражку.

– Это фуражка местного участкового. Можешь в ней посидеть, – разрешает Ольга. И мы все сидим. Кафе расположено необыкновенно удобно. С одной стороны парк, здесь прогуливаются и сидят на скамеечках люди. С другой – площадь с красивыми двухэтажными автобусами, которые так и шныряют туда-сюда, а за площадью – метро и вокзал. На вокзале есть туалет. А у нас нет. Весь засорился. Когда кто-нибудь из клиентов дозревает и, переминаясь с ноги на ногу то ли от смущения, то ли от нетерпения, пытается вручить мне пять рубликов за пользование удобством, я мрачно козыряю и объявляю: «Закрыто. Старушка утонула». Люди почему-то всегда сильно меняются в лице.

В какой-то момент Ольга снова выкладывает на прилавок бумажку «Закрыто» и на все вопросы «Почему?» отвечает: «Старушка отравилась». Мифическая старушка – бабулька, приставленная к биотуалету, – на самом деле жива-живехонька. Только шляется непонятно где. Прибредает бомж и просит пустых бутылок. Потом прибегают мальчишки и начинают к нам приставать – вообще-то, им тоже положено собирать бутылки, но мальчишки есть мальчишки. Какое-то время мы терпим, затем начинаем огрызаться. Обещаю забрать их в детскую комнату милиции.

Потом я рассказываю о рекламе и о сегодняшнем душевном клиенте. Завидую пивным и табачным маркам, разместившим свою рекламу на зонтиках, урнах, холодильниках, пепельницах и вообще на всем, на чем ее можно разместить.

– Здорово вам, – говорю я, – ведь фирмы выдают все это бесплатно, да еще и денег, небось, приплачивают. Если бы у нас печатали рекламу не на цветных и черно-белых страницах, а на зонтиках и пепельницах – глядишь, мне сразу стало бы легче жить.

– Не стало бы. Ты себе всегда найдешь проблему, – философски заметил Витек.

– Слушай, Оль, а сколько они вам платят за каждый модуль... то есть за зонтики там, за урны? – Во мне неожиданно проснулся профессионал.

– Да нисколько, кажется. Просто ставят и ждут, когда реклама начнет работать. У нас же весь рекламируемый товар продается.

– Какой милый симбиоз, – комментирует Витек, – под зонтиком

имени одного пива пить другое пиво из стакана третьего. Курить одни сигареты, а пепел стряхивать в пепельницу имени других.

– Странно, что у вас тут иностранную продукцию не рекламируют. Только «Пепси», – удивляюсь я.

– Вряд ли люди, пьющие «Хольстон» и курящие «Кэмел», завалятся в уличное кафе. Они, скорее всего, пойдут вон в тот бар, что через дорогу. Там и накрутка больше, – отвечает Ольга.

Тучи сгущаются, из них начинает сыпаться дождик. Сначала понемногу, как из крепкого бумажного пакета, потом – как из негодного душа, а уже потом – как из шланга. Люди-психи продолжают сидеть под зонтиками, хотя их мочит со всех сторон. Старший сержант Алексей возвращается с обхода и даже не отбирает у меня свою фуражку. Появляется туалетная бабушка – вся мокрая и какая-то синеватая. Как будто бы и вправду утонула и отравилась. Прибегает самый шустрый мальчишка и пытается спрятать от дождя свои честно заработанные бутылки. Все «семейство» в сборе. Вдалеке, под массивным деревом, маячит бомж. Ближе подходить боится: думает, что число охранников удвоилось по его душу.

Витек вяло отбивается от какой-то навязчивой дамочки, и наконец ему удается переключить ее внимание на пиво.

Тихо и благостно шуршит и щелкает по листьям и по крыше дождь. Ласково тараторит ди-джей.

– Что вам? – спрашивает Ольга у очередного клиента, закутанного в плащ диковинного вида.

– Вам не нужны зонтики с абсолютной защитой от дождя? – с акцентом полуграмотного японца, прожившего первую половину жизни в Эстонии, интересуется закутанный.

– Агентам вход воспрещен, – флегматично заявляет Витек, поигрывая бицепсами. Я вздрагиваю.

– Рекламным – разрешен, – успокаивает меня Ольга.

– Так я и есть рекламный агент, – ничуть не смущаясь, продолжает закутанный. – Замечательные зонтики, повсеместно защищающие от дождя, с рекламой нашего замечательного пива «А-2965». Вся галактика пьет и нахваливает. Пиво вам доставят сегодня, сразу после того, как мы установим зонтики, и будут завозить с межзвездной базы каждый вечер.

– Чувак, ты где траву такую брал? – интересуется Витек и лениво потягивается, расправляя плечи и демонстрируя надоедливой дамочке, а вместе с ней и всем окружающим свои мускулистые руки. Намек недвусмысленный. Но закутанный не понимает!

– Цены у нас на порядок ниже, чем у оптовиков с Сириуса!

Видимо, у оптовиков на Сириусе очень дешевое пиво, потому что закутанный смотрит на нас с торжеством: мол, неужели откажетесь от такого выгодного предложения?

– Ну и где ваши зонтики? – зевает Ольга. Ее понять можно. Ей здесь до завтрашнего утра стоять, а всякие бездельники будут отвлекать почем зря.

– Кстати, объект находится под охраной милиции, – козыряю я. Старший сержант Алексей мгновенно высовывается из подсобки, на ходу отбрасывая газету с кроссвордами. По-моему, кроссворды – это заразно.

– Я не собираюсь нарушать ваш закон и порядок, – кланяется закутанный. – Я всего лишь делаю вам обоюдовыгодное предложение. Я успел первым, потому что наше рекламное агентство лучше всех осведомлено о положении на рынке. Как только мы узнали, что ваше кафе не берет с рекламодателя денег за установку рекламного оборудования, мое начальство немедленно среагировало, и вот я здесь.

– Стоп, а откуда вы знаете, что мы денег не берем? – проснулась Ольга. Тут я заметил, какую книгу она читает сегодня. Фантастика. Все понятно.

– Вся информация о положении дел на рынке поступает в память малого компьютера, принадлежащего нашему рекламному агентству. В некоторых агентствах у каждого сотрудника есть такой компьютер...

– Малый? А что, есть еще большой? – поинтересовался Витек, небрежно закуривая «Мальборо».

– Ах, что вы курите! – всплеснул руками агент. – У меня для вас замечательное предложение. Специально для землян. Специально... – Тут он поглядел на свой браслет. – Специально для россиян. – Последнее слово закутанный произнес с интонациями президента Ельцина.

– «КВН» играть, шутки шутить? – дошло до меня. Незнакомый какой-то парень, но явно талантливый. – Из какой ты хоть команды-то? Что-то я тебя не знаю.

– Ха-ха-ха! – неприятно и неестественно проскрипел агент. – Очень хорошее чувство юмора. Можете попробовать отослать свое резюме в криэйторскую контору «Солнце и система», вас могут взять в младшие разработчики слоганов для молодежных напитков.

«Пей пиво на траве, пей пиво за столом», – отчетливо донеслось из приемника. Выпитое пиво плюс нервотрепка последних нескольких дней выбили меня из колеи. Наверное, так оно и должно быть.

Агент уже пихал Витьку в руки стандартную пачку сигарет под названием «Вася Пупкин». На пачке веселый и пьяный мужичок, одетый в тельняшку и похожий на кота Матроскина, раскуривал бычок.

– По вкусу – ну, чистый «Беломор». А вреда здоровью не наносит ни капли. Особый сорт! Курите на здоровье, молодой человек. А вы, – обратился он ко мне, – видимо, считаете, что от пива поправляются?

– Проверено на себе, – мрачно отозвался я.

– Тогда вам будет интересно наше предложение – некалорийное пиво четырех степеней крепости. Безалкогольное, среднее, крепкое и ерш. Не знаю, бред какой-то... – вдруг смутился несгибаемый агент. – При чем тут ерш? Это ошибка в программе, должно быть.

– Да нет, все правильно, ерш – это ерш, – успокоил его я.

– Ошибка в программе? – спросила Ольга подозрительно. – Так вы еще и робот?

– Милая девушка, вы не читаете газету «Солнечное время»? Не подписаны на рассылку новостей от Оку Льяра?

– Нет. Мы слушаем радио. Нам этого вполне хватает, – отрезала Ольга.

– Так вот, если бы вы не зацикливались на своем радио, давно уже не информирующем ни о чем, кроме новостей на рынке звукозаписи, вы бы знали, что единственная профессия, которой не может овладеть робот, – это рекламный агент. Рекламный агент – это призвание! Только живое существо может убедить другое живое существо в целесообразности покупки абсолютно не нужного ему предмета.

– Это я и без вас знаю. Нет у меня та́кого призвания, – мрачно молвил я. – А вот вы сказали, что всех, кроме рекламных агентов, можно заменить роботами, да? А как же писатели, к примеру?

Ольга с Витьком непроизвольно улыбнулись.

– Ну, вы что! Писатель – это не работа. Среди вас есть хоть один писатель?

– Вот он, – ткнул в меня пальцем Витек.

– И что, вы умудряетесь зарабатывать деньги писательским трудом?

Как он меня уел!

– Нет, не умудряюсь. Даже не пытался.

– Ну, вот видите! Заче́м применять роботов в той области, в которой денег все равно не заработать?

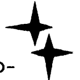
Витек усмехнулся и отбросил окурок «Васи Пупкина» в дальнюю урну. Попал. Настырная дамочка зааплодировала, но ее аплодисменты заглушил шум дождя, радиоприемника и рекламного агента.

– Как вам понравилось?

– Действительно, на «Беломор» похоже по вкусу. Непонятно, зачем тут фильтр.

– Он оберегает ваши легкие...

– От кариеса, – мрачно сказал я.

– И все-таки я настоятельно рекомендую вам отправить свое резюме туда, куда я посоветовал.

Я кисло улыбнулся. Агент преданно посмотрел Ольге в глаза.

И тут нагрянула проверка! Она явилась в лице менеджера по персоналу Василиска Церберенко, сразу кинувшегося наводить свои порядки.

– Почему посторонние за стойкой? – заорал он.

– Это Витек. Он помогал разгружать пиво, – спокойно пояснила Ольга. Видимо, она уже привыкла к его манере обхождения.

– Выпиши ему денег и пусть катится к черту! А это что еще такое?

– Старший сержант милиции Ложкин, – брякнул я первое, что пришло в голову.

Василиск озадаченно поглядел на меня, потом – на мою фуражку, потом – на мой скромный прикид в стиле «милитари» и заорал, старательно отводя от меня глаза:

– Что это такое, я вас спрашиваю? Почему пятно на стойке? Клопов давили?

– С вашего позволения я все объясню, – выдвинулся вперед закутанный. И он объяснил. Почему-то на Василиска его пламенная речь не произвела особого впечатления. Церберенку даже не вдохновило то, что его кафе будет первым на нашей планете заведением, в котором, возможно, станут продавать инопланетное пиво. Не воодушевили его и суперзонтики. И только когда он услышал о ценах, разговор принял нужное инопланетянину направление. Василиск достал из кармана калькулятор и принялся лупить по клавишам пальцами обеих рук, как я луплю по клавиатуре компьютера. Быстро переведя деньги из общей валюты Солнечной системы в рубли, а потом – в доллары, он сообщил, что сделка состоится и зонтики можно устанавливать. Пиво завозить немедленно, счет выслать по факсу.

Хорошо быть человеком, лишенным воображения.

Устанавливали зонтики – быстро и аккуратно – милые девушками со стрекозиными крыльями.

– Это ваши грузчики? – поинтересовались мы с Витьком и уставились на спрайтов.

– Да. Необыкновенно сильный народ. Школьницы подрабатывают грузчиками, чтобы было на что ходить по межгалактическим клубам. Что вы хотите – атланты.

– А взрослые держат небо? – спросил Витек.

– Ну да, приходится.

– И все с крыльями? – поинтересовалась Ольга.

– В крыльях-то вся сила и заключается.

Не успели спрайты установить зонтики, как на площади появился микроавтобус программы «Вести» в Санкт-Петербурге. Нас проинтервьюировали, поговорили с агентом, который с трудом удержался от того, чтобы встать на фоне одного из своих зонтиков. Попытались побеседовать с Василиском, но он отвечал односложно и чаще всего матерно, поэтому от него быстро отступили. В кадр влез бойкий мальчишка, собиратель бутылок. Что-то вякнула туалетная бабулька.

Вскоре все разъехались: спрайтам надо было в соседнюю систему грузить какие-то блоки, рекламному агенту – в Буэнос-Айрес, где обнаружили второе кафе, не берущее денег за установку зонтов и тентов, «Вести» отправились монтировать сюжет, передав по телефону своему корреспонденту в Буэнос-Айресе, у какого именно кафе ему следует установить скрытую камеру.

Василиск затребовал пива. Мы с Витьком тоже приложились, а Ольга со старшим сержантом Алексеем фальшивыми голосами посетовали на то, что не пьют на посту. На самом деле в них просто уже не лезло. Мы искурили «Васи Пупкина» и нашли его подходящим.

Через некоторое время неподалеку от нашего кафе остановилась шикарнейшая машина. Никогда я такой не видел. Из машины вылез какой-то сморчок и уверенным шагом направился к Василиску.

– Самовытирающиеся столы... ниже, чем у закупщиков с Юпитера... Отвечает межпланетным стандартам...

– Я так понял, это еще один агент? – хмыкнул Витек. Мы с Ольгой и старшим сержантом молчали. И так было ясно, что агент.

– Интересно, как бы мы нагрелись, если бы брали деньги за установку всех этих прибамбасов? – мечтательно произнесла Ольга.

– Думаю, что никак, – сказал я. – Ключевое слово в монологе первого было: «Мы узнали, что у вас можно бесплатно установить рекламное оборудование».

– Вот только какое из этих слов – ключевое? – задумчиво пробормотал Витек, раскуривая очередного «Васю Пупкина». – Кстати, любопытно, почему они его-то не рекламируют?

– «Ваську»-то? Ну, такой товар в рекламе не нуждается, – ответила Ольга. – Если эти сигареты такие же безвредные, как и крепкие, им просто нет цены. Наверное, нам просто сделали подарок. Они должны очень дорого стоить.

– Любой товар нуждается в рекламе, – скучным голосом преподавателя по маркетингу объявил я. – Даже самый хороший. Иначе о нем просто никто не узнает. Скорее уж, этого «Васю», если он действительно такой дорогой, будут рекламировать вон в том баре. Или даже по центральному телевидению.

Прибыла новая партия спрайтов и кинулась устанавливать столы. На столах, выполненных под дуб, красовалась реклама «Васи Пупкина». Они были идеально чистые.

– Чертовщина какая-то, – пробормотал старший сержант милиции. – Это же не они «Ваську» продают!

– Они вообще ничего не продают, – сказал я опять голосом преподавателя. – Табачная фабрика где-нибудь на Альдебаране задумалась о том, чтобы охватить наш рынок. Призвала парочку-троечку бойких агентств. Тут уж так: кто первый, тот и получает проценты. Тот, закутанный, наверное, так обрадовался первому земному контракту, что со своим пивом совсем забыл про этого «Васю».

Пока мы рассуждали, к Василиску подкатил уже третий – субъект какой-то нечеловеческой наружности. Он предлагал пепельницы с 27 функциями, включая функцию «Подержи-ка сигарету, только пусть она не тлеет!».

К вечеру проспался и пришел Ольгин Майк.

– У нас чего, тусовка? – скривился он, увидев меня. Потом поглядел на значительные перемены в обстановке и округлил глазки. Сегодня утром он здесь был. Совершал пользительную прогулку перед сном. После бессонной ночи за игрой в «Геройсов» это просто необходимо. Все было как на прошлой Ольгиной точке. А тут что такое? Ложкина выпустили порезвиться?

И тут он увидел спрайтов, подтаскивающих новый универсальный биотуалет...

К сожалению, тусовки на Ольгиной работе пришлось прекратить. Там теперь тусовались ученые, туристы, корреспонденты и прочие любопытные. С каждым днем все большее число кафе, баров, ресторанов и столовых устанавливало контакт с пришельцами. Вернее, с их рекламными агентами. Остальные пришельцы к нам пока не спешили. Поставят рекламное оборудование, завезут товар, получат денег – и до свиданья. Впрочем, товар был и в самом деле отменный, свежий, и завозили его каждый день.

Как-то раз я все-таки забежал к Ольге – пообедать, поболтать. К сожалению, болтовни не получилось: у нее как раз был приток мексиканских туристов, и мне пришлось тихо сесть за идеально чистый столик с рекламой «Васи Пупкина» и выкушать сосисок с кетчупом, запивая их пивком инопланетного производства. И тут ко мне подсел первый контактер, тот самый, которого я сначала принял за кавээнщика.

Контактер, несмотря на довольно приемлемую для Питера влажность, снова был закутан в некое подобие плаща. То ли мерз, то ли

просто оберегал свое щуплое инопланетное тельце от нашего сурового северного климата.

– Может, поделитесь опытом? Меня сегодня опять отшили в пяти фирмах, а в одной дали такую маленькую рекламку на один номер, что это просто смешно!

– Поделиться не могу. Это у меня в генах. У нас на планете почти все идут в рекламные агенты.

– А что же вы едите?

– То же самое, что и вы.

– Нет, я не в этом смысле. Неужели у вас нет заводов, фабрик, ферм?.. Колхозов, совхозов там?..

– Понятия и объекты, которые вы называете этими допотопными словами, у нас, конечно, есть. Но все это куплено. Лет 500 назад. Предпринимателями с окрестных планет.

– И вы до сих пор не устроите революцию? – брякнул я.

– Вы меня, молодой человек, конечно, извините, но у нас цивилизованное общество. А то, что вы говорите, – это же век первой НТР! Глубокая древность! Как странно развивается ваша цивилизация.

Я покраснел и поспешил перевести разговор на другую, не позорящую мою цивилизацию тему:

– А почему не вы поставили столики с «Васей»? Ведь первым эти сигареты показали нам именно вы, я могу подтвердить!

– Корпоративная солидарность, коллега. Там, где можно подкормиться, – подкормись и оставь еды другому. Больше одного рекламного объекта в секторе мы не ставим.

Надо же! А еще говорят, что в капиталистическом обществе – закон джунглей. Впрочем, о чем это я?! У них давно уже не капитализм. К тому же все они – земляки. Как же о своих-то не позаботиться? Может, планетка маленькая, убогая, интервентами захваченная...

– А если вы все-таки не удержитесь и поставите не один, а два рекламных объекта в... э-э... секторе?

– Тогда коллеги сделают все возможное, чтобы я больше никогда не заключил ни одного договора. Я буду дисквалифицирован и стану влачить жалкое существование всепланетного изгоя в специальном гетто. А мое семейство будет вынуждено эмигрировать. Нет, благодарю покорно. У меня четыре жены, теща и дюжина ребятишек!

«Вот тебе и закон джунглей!» – мрачно подумал я.

– Слушайте, а почему вы вдруг решили рекламировать свои товары у нас, на Земле? Разве это может принести большую прибыль?

– Во-первых, престиж. Попасть в число десяти компаний, первыми охвативших новый рынок сбыта, – это очень и очень солидно.

– Ну, на одном престиже не уедешь. Имидж хорошо, а деньги лучше.

– Понимаете ли, в чем дело... Во всей цивилизованной галактике уже давно снят запрет на легкие наркотики и крепкие напитки всех видов и всех миров. Пиво, сигареты – товар не особенно ходовой и не слишком популярный. Я не знаю, по какой причине вы, земляне, употребляете и то, и другое в таких бешеных количествах.

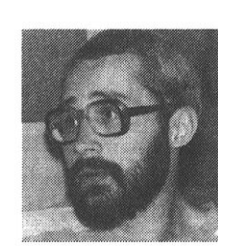
– Менталитет, – заявил я.

Мимо пронеслась стайка спрайтов с огромным рекламным щитом.

– Вот и у этих менталитет, – кивнул на них мой собеседник. – Едят только овсянку и сырое мясо. Пьют молоко и травяной чай. Туповатый народ. Но сильный. С их силой можно было все галактики захватить. А они небо держат. И все потому, что им больше ничего не надо, кроме их овсянки. Ничего не покупают, ничего не рекламируют. Вот и живут до сих пор в пещерах, как дикие люди. Хотя и знают обо всех достижениях цивилизации. Даже на тренажеры их не развести. «Мы, – говорят, – и без того сильные».

А через неделю мне пришел отказ из криэйторской конторы «Солнце и система». Писали, что я им не подхожу. Писали, что тот, кто мне посоветовал к ним обратиться, – просто злой шутник. Писали, что с моими скудными способностями нечего и думать соваться в межпланетную рекламу. Писали, что таким бездарностям, как я, только и остается, что с горя идти в писатели.

Алан Кубатиев

ПАРК «ПОБЕДА»

Кандидат филологических наук Алан Кубатиев дебютировал в фантастике в 1978 году, когда в журнале «Знание-сила» вышел его рассказ «Книгопродавец». А в 1985-м он надолго замолчал, потому что «не знал, куда и с кем идти дальше». Возвращение состоялось только в прошлом году и было замечено коллегами: рассказ «Вы летите как хотите», напечатанный в «Если», принес автору премию «Странник-2002». Рассказ «Парк "Победа"» (другой вариант заголовка — «Рукопись, найденная в парке»), публикуемый «Звездной дорогой», — произведение нетривиальное и трагическое. Причем трагедия вовсе не в том, что гибнут многие персонажи, — куда трагичнее наблюдать за виртуализацией жизни вокруг нас, наблюдать за тем, как идеалы и святыни многих поколений превращаются в декорации ролевой игры. Что же касается стиля, можно сказать одно: Пелевин с Сорокиным отдыхают. Да и Гибсон со Стерлингом тоже!

Партизан врывается в избу и шепотом кричит:
— Бабка, немцы есть в деревне?
— Что ты, родимый, война-то уж
лет двадцать как кончилась!
Партизан спрашивает:
— Тогда чьи же это составы
я двадцать лет под откос пускаю?
Анекдот, слышанный автором
еще в пионерском возрасте

...Когда нам на лето новый историк задал сочинение на тему «Мое место в истории Азиопы», я сперва думал, что фигня. Но потом понял, что нет. Во-первых, он предупредил, что оценка пойдет в четвертную, а во-

вторых, я знаю, что у него на меня клык. Он думает, что это я его засадил в порноактуалы с трансвеститами, а это не я, а Маздай с кодлой, но ведь не пойдешь же стучать...

У меня была надежда на Чуингама, но он, таракан, открутился: положили в такую больницу, куда фиг пролезешь, а то бы он мне все и написал. Но его наконец отрезают от братьев и удаляют ему глаз – Фонд Осириса помог, – и раньше зимы он оттуда не выйдет. И когда я начал скрестись сам, то понял, что залип классно.

Конечно, историю стыдно не знать, но откуда же ее знать, если я в ней не участвовал? Дед, то есть прадед, участвовал, но в какой-то совсем другой и рассказывать не хочет – наоборот, злится, когда я к нему пристаю, и шипит: «Отстань! Ишь, отдел кадров нашелся!..» А когда я спрашиваю, что такое отдел кадров, он несет всякую ерунду.

Асельке кайф: ее дед сидит дома, потому что не любит пользоваться ногами, и всегда рассказывает что ни попросишь, прямо обо всем. Только иногда он берет их машину проехаться по местам своей боевой славы, возвращается в настроении, поздоровевший и говорит, что вспомнил много нового.

Мне иногда кажется, что он не во всем участвовал, про что рассказывает, но он жутко интересно рассказывает, и просто духу не хватает цепляться или там прикалывать. Очень интересно рассказывал, как они засели в сельсовете и отстреливались от Берии, пока не подоспела подмога. Или как он потом разговаривал с Ленноном и уже почти убедил его принять тенгрианство, но Сталин его, Леннона, за это пристрелил. Еще он рассказывал, как какой-то Жирновский ему подарил шашку, правда, обманул – оказалось, алюминиевую.

Наша учительница истории, когда я про это проговорился, устроила истерику, обозвала меня фальсикатором, или как-то еще, а господин Намазбеков ее потом уволил, потому что мой дядя – ветеринар члена совета попечителей, и он забздел, что я ему пожалуюсь, но только я бы не пожаловался, потому что я не дятел. Даже на Маздая историку не стукнул, хотя он гад.

А родителей спрашивать неинтересно, потому что они ничего не знают. Нам задали сочинение про Фредди Меркьюри, и я отца стал спрашивать, а он ничего не знает – стал мне про «На-На» заливать, что они потомки или там наследники «Квин», а они накрашенные, старые и отвратные, едва по сцене таскаются, и тексты у них дурацкие, только девчонки в подтанцовке бывают клевые, но редко, а мать вообще ничего исторического не помнит, только про какого-то Сидоркана рассказывала, как она с ним на балу в Репино танцевала. По-моему, хан такой был. Приходил на Русь.

В общем, ни у кого ничего не узнаешь, а книги – там же одна брехня, и во всех – разная. Лучше спрашивать у тех, кто сам участвовал. Вот Аселькиному деду ноги оторвало на космодроме при старте первой туранской ракеты с нашим туранским космонавтом: он из шахты не успел уйти, то есть ушел, но не весь, ноги застряли, и ему их оторвало потоком газов. Он успел отползти, и его не придавило, когда ракета упала на президентскую трибуну и всех там поубивала.

Правда, потом он как-то раз еще рассказывал, что отстрелил их себе из гранатомета при штурме Белого дома, а я спросил, за кого он был и чей это был Белый дом, а он сказал, что его контузило и он не помнит.

Наверное, спутал или про разные ноги рассказывал – сперва про одни, потом про другие.

Новые ноги ему выдали как ветерану, но я уже говорил, он ими не любит пользоваться, потому что они сделаны на Нунчакском радиозаводе имени Первого Демократа (бывший Маскары Макаевой) и все время заедают, особенно при ходьбе, – то одна не опускается, то другая, а однажды они как побежали спиной вперед, а у ног же память, и он бегал всюду, где в этот день побывал, пока не сели аккумуляторы, и под конец прибежал домой и застал свою новую четвертую жену с бурятским культурным атташе, хотел его зарубить, но в протезе лопнуло крепление, и он из него выпал, а атташе убежал.

Это рассказывал не сам дед, а Аселька, под честное слово и под американку, то есть если я проболтаюсь, она мне чего угодно может приказать. Я думаю, это тоже историческое событие, потому что атташе – иностранец, и я его записал. Дневник предлагает мне поменять местами «бурятский» и «культурный»... Чего-то я не уверен, спрошу у отца.

Потом я сходил в музей восковых фигур, но толку было мало, потому что там ночью сломался кондиционер и начал работать на нагревание, и сторож мне сказал, что теперь из них только свечки делать; это уж совсем непонятно, потому что свечи не тают, я видел, как их у отца меняли, у него есть старинный бензиновый автомобиль, а в нем свечи, но они из железа с фарфором и не горят.

Короче, никто про историю ничего не знает, и спросить не у кого. Правда, Валерка ездил для китайцев за женскими дистанционными презервативами в Штаты и говорит, встретил там одного мужика, который пишет книжки по нашей истории, классно зарабатывает на них и все про нее знает, и, наверное, правду, потому что им на нас наплевать и они нас просто так изучают.

Но в Штаты сейчас так легко не протыришься: надо или как Валерка, чтобы тебя китайцы послали, или словчить, потому что у них там сейчас трудности. С продуктами и вообще. Они всё нам и на Кубу посылают, чтобы мы только их не трогали и к ним не переезжали.

Только наших бывших пограничников и ментов принимают и сразу ставят их в погранохрану, к Великой Американской Стене, называется «рейнджеры». Говорят, наши самые надежные, потому что к ним идеи интернационализма, расового равенства и гражданских прав совсем не прививаются.

Аселькина мать работает в сулейманском посольстве, но они там тоже насчет истории не очень, и вообще она скоро оттуда уйдет, потому что ей женская форма не нравится: очень толстое сукно и ботинки тяжелые. И служебная паранджа неудобная. Когда чай пьют, надо или на женскую половину переходить, или стакан под паранджу подсовывать.

А больше всего она боится, что ихние моджахеддины узнают, что она в нашем лицее преподает сантабарбароведение.

Я с горя потащился в штатовское посольство, а там все американцы где-то прячутся и к нам выпускают опять же наших, которые у них служат, а от них никакого толку, они мне насовали всяких проспектов про гражданские права родителей и про безопасные наркотики и всякую другую фигню.

Ну, теперь мне точно шандец, потому что если получишь двойку в четверти, пропадает плата за весь год, и отец меня загрызет, и из команды тоже вышибут, а я только-только стал играть в нападении, а историк меня доест. Он дяди Тлеубергена не боится, потому что сам дальний родственник подруги жены ошпаза* акима** нашего окмота***.

И когда я сидел дома, грыз ногти и не знал, что делать, заявился домой отец и сказал матери, что один клиент расплатился с ним путевками в «Победу», потому что денег после процесса у него не осталось.

Он сказал, что хочет поехать сам и отдохнуть и это стыд, что мы, русские, не знаем своей истории. Мама сказала: «О да!..», потому что более или менее русская у нас только прабабушка Стася — она была санитаркой в польской армии, правда, я не знаю, в какой именно. Она и сейчас иногда ругается по-польски, а я у нее учусь и учу пацанов.

Дед, то есть прадед, у нас наполовину казах, наполовину кореец и еврей, отец наполовину казах-кореец-еврей, наполовину хакас и укра-

---

* Дер Кулинар (новотангутск.) — здесь и далее прим. авт.

** Дер Губернатор (среднебуркутск.).

*** Дас Регион (среднебуркутск.).

инец. Мама наполовину немка и вроде на четверть полячка, наполовину чеченка, китаянка и гречанка, только не греческая, а какая-то помпейская – она сама точно не знает. Если мне еще и эти истории учить, вообще с ума съехать можно.

Но отец в тот раз говорил только про русскую историю, а это значит, что он продул процесс. Когда он выигрывает, он говорит про казахскую или иудейскую, поэтому русскую историю я знаю в классе лучше всех. Жалко, что учат ее у нас только в первом классе. Он сказал, что если есть такой Парк, созданный с благородной просветительной, воспитательной и духовозродительной целью (я это все на диктофон записывал, чтобы не переврать, и потом через вокопринт спечатал), то наш долг перед нашей исторической родиной – его посетить, и вообще он уже три года не был в отпуске.

Мама сказала, что тогда уж лучше на Теплозеро, пока оно еще наше и не совсем высохло, или на Арал, пока в нем вода еще свежая и на некоторых пляжах есть место и для купающихся. Отец сказал, что мы туда все равно всегда успеем, а евразийско-азиопейскую границу могут в любой момент закрыть, и уж лучше пусть ее закроют, когда мы будем там, чем когда мы будем здесь.

Мама спросила, почему ему так хочется быть интернированным, а он ответил, что интернированными занимается Красный Крест, Красный Полумесяц и Красный Могендовид, а гражданами Азиопы никто не занимается, их только никуда не пускают и на каждой границе дезинфицируют, а с путевкой «Победы» мы туда проскочим как миленькие. Ну и просто интересно.

Мама сказала, что ей совсем неинтересно развлекаться таким жутким образом и что он может сходить с ума любым привлекающим его образом, а в компанию взять меня или деда.

Тут мы все захохотали, потому что дед выходит из дому только в клуб туранских юристов, где сначала выпивает в буфете пару рюмок «Миноса» или «Царя Обезьян», начинает скандалить и размахивать костылем, и через час его привозят домой, где он доругивается с нами. Бабушка Стася третий год живет с чабанами на отгонных высокогорных выпасах, помогает им массировать яков и стричь волков и снимает многосерийный видеон про их жизнь, а с нами связывается через спутник. Если кому и ехать с отцом, то только мне.

Вообще-то, я бы не против и решил, может, чего узнаю. И буду вести путевой дневник, а из него получится сочинение. Кайф!..

21 июля. Честно, я собирался вести дневник, но не получилось. Просто исторические события начались сразу. Как только мы переехали грани-

цу, я по ошибке назвал Светозара Васильевича Серибаем Валихановичем, и его моментально задержали до выяснения.

Папа сказал, что это уже работают затейники, потому что они были в гимнастерках, китайских джинсовых галифе, и фуражки наполовину голубые. Еще он сказал, что БИМ в момент пересечения границы определила каждому из нас роль в соответствии с нашими тестами и будет предлагать нам обстоятельства, при которых мы сможем сыграть ее наилучшим образом.

Ну, тут я не стал удивляться, какой он умный, потому что он просто раньше всех прочитал эту брошюру, которую нам всучили в турбюро вместе с путевками, а я ее уже сто раз начинал читать и немедленно засыпал на третьей странице, а потом вообще ее потерял на фиг. Правда, Светозар... то есть Саул... то есть Серибай Валиханович сам виноват – мы в его именах уже запутались.

Когда у нас был конфликт с Новозолотой Ордой, он срочно переименовался как-то по-ордынски, потому что опасался, что они нас захватят. Китайское его имя у меня записано, а запомнить никак не получается. Еще у него есть сапармурадское и великобухарское имя, а когда он мылился занять должность в каком-то диване по делам инаковерцев, то принял и наше великотуранское имя. И фамилий у него на самом деле тоже две – Вагинов и Лотман.

Он приходил к отцу консультироваться, можно ли зеленый паспорт получить так, без обрезания. Оказалось, что нельзя, и теперь у него имя туранское, но паспорт красный, а с ним можно работать на работах, которые не могут уронить достоинство великотуранского народа. Сейчас он служит Главным тамбурмажором в Диване по Защите Права на Неполучение Образования.

А утром мы были на параде, и шагали мимо трибуны Мавзолея, и пели «Три сокола», а на трибуне стоял Сталин, отдавал честь и кричал: «Здгаствуйте, товагищи!..» Отец обозлился и сказал групповоду, что это Леннон кричал «Здгаствуйте», а групповод ответил, что это не Леннон кричал, а Ленин, что это вообще не живой Сталин, потому что живого выпускают только для американцев, японцев и шведов, а нашему просто засунули не ту дискету. Отец спросил, что, значит, мы граждане второго сорта, а групповод сказал, что для второго сорта выпускают актера Луканейшвили, а мы идем по путевкам третьей «С» категории.

Потом нас возили по городу и показывали памятники.

Я вообще-то люблю искусство. И больше всех мне понравился памятник «Жертвам деловых махинаций». Гигантская страшная чугунная

бабочка с клыками, как у динозавра, метров десять высоты, а впереди толстенький человечек в очках, и ясно, что она его вот-вот схарчит. В мемориальный центр мы так и не попали, но перед памятником все сголились вместе с гидом.

А сделал это все знаменитый скульптор Муслим Златошер, сам ветеран деловых махинаций — уже сорок два года он добивается возвращения ему его вкладов и вкладов тех, с кем он начинал это движение и кто помер в борьбе за это.

Потом нас отвезли в ресторан отеля и мы там обедали — нам давали китайские макароны по-пехотному, синтетические, но с дырками, гуляш по-чукотски и кисель «Натуральный», а отец заказал бутылку китайского «Чинзано» и сказал, что это любимое вино Сталина. Официант ушел, а из-за соседнего стола пришел здоровенный дядя в драной тельняшке и сказал, что мой папа жлоб и что любимое вино Сталина — это перцовка.

Отец сказал: «Вы что себе позволяете? Как ваша фамилия?» Драный Тельник печально ответил (я записал на вокопринт и потом спечатал, чтобы не ошибиться): «Фамилья? М..да кобылья».

Отец подавился и начал синеть. Дядя посмотрел на него и так же печально сказал: «Вот кого мы не добили... Знаешь ли ты, панасоник е...ый, как умирают моряки? Они умирают, рубаху рванув на груди!..»

И он точно дорвал тельняшку до самого пупа и вытащил подол из джинсов, чтобы дорвать совсем, но тельняшка никак дальше не рвалась. Тогда он запел: «Все вымпелы вьются, и с Богом — ура!..» — и кулаком звезданул папу в лоб.

Потом нам все объяснили — и что он спас отцу жизнь, выбив у него из горла пучок макарон, и что он по ошибке оказался в этой группе, у него была путевка в Национальный Совместный Парк «Порт-Артур», и что после принудительного разъяснения его с позором отправят домой, и что папу он принял за японца, который берет его в плен. Но все равно было обидно, а мне особенно, потому что пока я решал, пробить «чон-кетмень» ногами или врубить «кара-балта» с правой, Драный Тельник сам упал.

Отцу дали какие-то пилюльки от сотрясения мозга, а денежное возмещение пообещали выдать сразу же после «Победы». Он обозлился и ушел в номер, а мне разрешил посидеть еще немного и посмотреть концерт.

Концерт был маленький. Сначала пионеры и пионерки выбежали на сцену и прочитали стихи Джамбула про Ежова, а потом они стали както залезать друг на друга и отставлять руки и ноги. Тут я понял, что это не пионеры, а лилипуты, потому что с них все время сыпалась пудра, а

самый здоровый лилипут, который стоял внизу и всех держал, тихо выматерился, когда лилипутка залезала на него и наступила ему на ухо, а я читал в одной жутко старой книжке, что пионеры не пудрятся.

Мне стало скучно, и я уже собрался пойти в номер, когда вдруг погасили свет, на сцену вышел конферансье и радостно объявил: «А сейчас выступает любимец нашего Парка, мастер старинной песни Вилорий Пурккин! Он не поменял своего славного имени ни на какое новое или выгодное, потому что оно означает "Владимир Ильич Ленин Организатор РеволюцИЙ"!.. И гордой фамилии он тоже не поменял: она происходит от слова "ПУРККА", что означает "Политическое Управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии"! Один из его предков был во время Великой Войны Советского Народа сыном ПУРККА! Похлопаем ему, товарищи!»

Все захлопали, и я тоже. Выскочил Пурккин. Одет он был в салатную парчовую гимнастерку с оранжевыми петлицами, и голубые джинсовые галифе под цвет глаз, и черные сапоги с красными голенищами. Голос у него был ничего себе, приятный. Аккомпанировали ему слепой домбрист-китаец и пианистка в монгольском халате. Две песни, которые он пел, я записал, но спечатывать не стал – много места. Одна называлась «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на опасном пути». А другая – про еврейских подводников-антифашистов, «Подводная лодка "Желтая звезда"». Классная песня, но слова я не просек, потом надо будет спечатать и гармонии подобрать – домбра у Асельки есть.

Потом Пурккин откланялся и убежал, а на сцену вышли мужик в розовом трико и жилете и женщина в балетной пачке и начали танцевать под фанеру, но очень стучали ногами, и я не понял, что они танцевали.

Потом вылетел конферансье и очень радостно объявил, что все, кто еще не получил индивидуальные пакеты, могут зайти в бельевую гостиницы, а теперь выступает любимица Четвертой воздушно-десантной дивизии «Лебедь» Авдотья Пуркуа! Со знаменитым послевоенным шлягером «Дизайнер, что готовит борщ»!

Но тут вышел прокол, потому что это была никакая не Пуркуа. Под нее загримировали какую-то жучку, и пела она тоже под фанеру, но зрители уже все, кроме меня, хорошо укушались и ничего не замечали, а мне стало противно, и я пошел в номер.

Надо было спуститься в холл (здесь его почему-то называли «вестибюль»), а оттуда лифтом подняться к себе на этаж. Рядом с лифтом были телефонные автоматы с привязанной к ним на леске старинной китайской монетой. А над каждым телефоном висел плакат с отвратным ушастым мужиком и надписью: «ТСС! МЕЖДУ НАС ДВОИХ ВСЕГДА МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ ТРЕТИЙ!» Подпись была незнакомая – «А.РАЙ-

КИН». Я переписал плакат в дневник и пошел к себе: устал я сильно, и спать хотелось, как зимой.

Наш номер был на предпоследнем этаже, на сорок девятом. Я толкнул дверь, она была не заперта, наверное, папа еще не спал, но все равно надо было запираться – кому охота остаться без «Аргуса» с голоплатой или вообще без багажа? Я вошел, зажег свет и в первый момент сдуру решил, что кто-то повесил объемный макси-постер из «ПлейБая».

Но потом разобрался. У них же модели обалденные, а это была Эммануэль Акылбековна из нашей группы, а папашу я сразу даже и не узнал: он от смущения засунул голову под подушку.

Тут я встал как дурак, потому что решил, что попал в чужой номер, и не знал, что делать, потому что догадался, что номер все-таки наш. Тогда Эммануэль Акылбековна повернулась и, не слезая с папаши, рявкнула: «А ну марш вообще! В кино пришел, да?» Тогда обозлился я и сказал: «В кино таких жирных только в одежде снимают!..» – и выскочил в коридор.

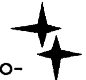
Там я отдышался, спать совсем расхотелось, и я задумался, что делать. В ресторан возвращаться не тянуло, на улицу переться было опасно – шокер и бронекепка остались в номере, – и я пошел побродить по отелю, то есть по гостинице. Свой этаж я прочесал и решил взглянуть, чего там на пятидесятом, или, может, удастся даже поглядеть на Парк с крыши.

На пятидесятом было точно так же, как на нашем, только все надписи на китайском. Пока я тыкался во все служебные двери и старался найти ход на крышу, дошел до лифтовой площадки. Домой, то есть в номер, возвращаться явно не стоило, и я подумал: спущусь в холл и погляжу головизор.

И тут я разглядел за лифтом в стене маленькую железную дверь, на которой было написано мелом по-русски «ПИСТОЛЕРОВА НА КОЛ!!!» и еще что-то. Подойдя, я разглядел, что это, наверное, Пистолеров и нарисован, потому что лысый бородатый мужик в очках сидел на колу, который острым концом торчал у него из черепной макушки.

Нарисовано было здорово, я даже засмотрелся. Все четко, без дураков. Руки крутятся, ноги болтаются, а рот открыт и проходящий там кол тоже видно. Класс. Как на иллюстрациях к Буркунскому и Лукодьяненко. Надо будет потом взять «Аргус» и сголить в дневник. Скорее всего, какое-то историческое лицо, и надпись старинная: сейчас выжгли бы лазером, а не мелом.

Затем я, само собой, подергал дверцу за приваренную скобу, и она вдруг открылась, потому что было не заперто.

Ну, я, конечно, сразу туда не полез, потому что раз не заперто, может оказаться всякое. Сначала сунул голову и осмотрелся. Конечно, по голове тоже можно было заработать, а без бронекепки это огорчительно, но было интересно, и я все равно посмотрел.

Там был маленький коридор и лампочки в потолке – две не горели, а одна горела, но совсем лажово, и я сперва не разглядел в конце другую дверь, крашенную такой же краской, как и сам коридор, темно-зеленой, и со всякими рычагами, будто на подводной лодке.

Топтался на пороге я долго, но потом все равно перешагнул, хотя сердце колотилось прямо в ушах, и осторожно двинулся вперед. Весь коридор был шагов десять длиной, и я подошел прямо к двери и попробовал ее открыть, но она была заперта. Наверное, тут и был ход на крышу.

И приспичило мне непременно туда вылезти, посмотреть на Парк, а потом сголить его с птичьего полета. Поэтому я принялся дергать рычаги и крутить штурвальчики, но я же не знал, какой за каким крутить, и у меня ничего не получалось, и я обозлился, и решил открыть во что бы то ни стало, и начал крутить все по очереди. Крутил и дергал изо всей силы, и вот, когда я дернул какой-то, дверь неожиданно открылась. И теперь в лоб получил я, но не кулаком, а всей этой стальной дурой. И после того я ничего не помню.

Когда я очнулся, на меня смотрело очень сердитое лицо в очках и со стрижкой «морпех». Я моргнул и застонал – на лбу словно чугунная гиря лежала, да еще прибитая большим ржавым гвоздем.

Лицо покачалось и сердито сказало: «Ты что, больной?»

«Да», – честно признался я. Тогда лицо куда-то делось, а я поднял глаза, и увидел потолок с большой лампанелью, и хотел посмотреть ниже, но тут снова появилось лицо и положило мне на голову банку ледяной кокчаеколы. Я взвыл, потому что почувствовал, какая там шишка, но от холода стало легче: голова будто онемела. Теперь я видел, что это парень постарше меня. Он сунул мне две таблетки и другую банку кокчаеколы, уже открытую. Таблетки я сжевал и глотнул чаеколы. Парень встал и спросил меня: «Встать можешь?» Я сказал: «Не знаю». Он сказал: «Ну что, мне через тебя теперь скакать?»

Я сказал: «Попробую».

Когда я снова пришел в себя, то понял, что пробовать не стоило. Парень стоял на коленках рядом, и лицо у него было озабоченное. Он дал мне отхлебнуть еще чаеколы и спросил: «Ты откуда, головастик?»

«Из Азиопы, – ответил я и сел. – Мы приехали в Парк. С отцом».

Наверное, начали действовать таблетки, потому что мне стало полегче.

Вокруг были всякие вещи, которые я только на картинках видел. Трилибитные блоки, штук десять, вокопринты самой последней модели, лазерный экран с эффекторами и еще другие дела, в которые я даже не въезжал.

На кармане рубашки у него висела карточка с его фотографией и именем «АЛИК И. ВЕЩИЙ. Реализатор». А внизу то же самое по-китайски. Он сказал: «Ну что, скорую вызывать? Как у тебя там?»

Я прислушался к своим чувствам и сказал: «Вроде нормально...»

Он сказал: «А то тебя тогда придется вниз тащить. Здесь, понимаешь, совершенно секретная зона, я и не врублюсь, как ты сюда попал. У нас видка над дверью квакнулась, и когда ты начал ломиться, я смаху и открыл, думал, свои или управляющий приперся. Ну что, нести?»

«Зачем? – удивился я. – У меня почти все прошло. А чего это у вас, диспетчерская?»

Он хмыкнул и сказал: «Нет, кондитерская».

Я сказал: «Кончайте шутить. Я же вижу».

Он сказал: «Хорошо, пусть будет диспетчерская. Но только все равно тебе сюда нельзя; если охрана засечет, будет шум, и мне тоже наваляют».

Я спросил: «А чем отсюда можно управлять?»

Он сказал: «Всем, чем захочешь. Это БИМ».

Вот тут у меня в голове зашумело по-настоящему. Какой тут к хренам вид с крыши! Только приехать и сразу попасть в пультовую Большой Игровой Машины – небывалый кайф!..

В том буклете, который я пытался читать, это как раз было самое интересное. В БИМу запихали много миллионов ситуаций из Войны, которые в принципе развиваются в пределах одной оболочки: Война начинается, продолжается и заканчивается победой Советского Союза и разных там его союзников. Другие варианты запрещаются по ихним евразийским законам.

Но внутри этой самой оболочки она может раскручиваться как угодно по куче всяких подпрограмм – можно по всем пятнадцати томам Академической истории Войны, можно по кино, можно по каким-нибудь романам. Есть Игра по спецзаказу, называется «Тихие зори», она адаптирована для мужчин отдельно, для женщин отдельно. Есть такая, где старшина – женщина, а зенитчики – юноши, и соответственно переделывают сцены бани, захвата диверсанток и кое-что прочее. Потом есть еще одна, нелегальная, играется вне Парка, там все мужчины – и старшина, и юноши-зенитчики, и сцена бани там другая, со старшиной, но я не видел.

Это мне уже Алик И. Вещий рассказал. Я его спросил, а можно иг-

рать по «Подвигу разведчика» или по Юлиану Семенову. Он странно посмотрел на меня и спросил, откуда я знаю про Юлиана, а я признался, что у нас дома стоит антикварное полное собрание сочинений, на пергаменте, один клиент с отцом расплатился за развод. А «Подвиг разведчика» нам достался от прапрадедушки на видео, и еще «Чапаев». Когда отец приходит и сразу ставит одну из этих дискет, значит, его опять где-то обозвали интеллигентом. Алик сказал, что в принципе можно, просто здесь нельзя: у Комитетов и Аквариума свои Парки, и туда попасть очень трудно и стремно — многие один раз попадают и потом всю жизнь не могут отвыкнуть, так заигрываются, что уже везде играют.

Вообще фанатов у каждого Парка много, особенно среди тех, кто как-то в Игре поувечился, физически или морально. Кстати, у меня всегда было сильное подозрение, что Аселькин дед тоже просто сыграл по одному роману, про героического летчика, есть такой, мне Чуингам пересказывал, и получилось уж слишком близко к тексту.

Мы еще поговорили, потом у него в кармане что-то зацокало, он сморщился и сказал: «Черт, засекли-таки!» Это у него был такой приборчик, который сигналит, если рядом появляется кто-то с шокером, сеткометом или с чем-то из военных металлов. А газбаллончики мне по фигу — у меня прививка. Надо такой штукой обзавестись.

Пока секьюрити не вперлась, он меня быстро вывел, а я спросил, можно к нему еще зайти, и он сказал, что можно, а я спросил, можно ли завтра, и он сказал, что можно, и я обрадовался.

Но завтра уже была Война.

22 июля. Накануне я уснул как убитый, только сначала долго укладывал голову, но потом все-таки уложил. А рано утром подскочил и едва не навернулся с кровати. В номере гремел какой-то тягучий марш, от него раскалывалась голова. Я разобрал только: «...загоним пулю в лоб...» Ага, вот-вот — вчерашняя гиря подтаяла как раз до пули.

Тут марш, слава Богу, кончился, и заговорил диктор. Он сказал: «БратЪя и состри!..» Потом что-то щелкнуло, и он снова сказал: «БратЪя и состри!..» Потом он повторил это еще раз двадцать, и я наконец врубился, что там, наверное, старинный маг, кассету заедает, и он все время возвращает ее к началу.

Из ванной вышел отец и сказал: «Вот и началось, сынок...»

Я тупо спросил: «Что началось?»

«Война, сынок». Он явно меня стеснялся и смотрел куда-то вбок. Мне-то было наплевать, я попросил панадолу и воды. Он мне принес, и я наконец разобрал, что он в каком-то жутком сиреневом костюме

с широченными плечами и штанами, а на голове у него кепка из восьми кусочков с пуговицей.

Я сказал: «Что за хилый прикид?»

Он сразу перестал стесняться и обиделся: «Хоть бы понимал! Это же настоящий костюм того времени! На призывном пункте все от зависти подохнут! У меня еще и сидор есть антикварный!»

«На каком еще призывном пункте?» — спросил я.

Отец посмотрел на меня и свистнул.

«Ты что, буклет не читал?»

«Почему, — сказал я, — читал, но не до конца, и потом он куда-то задевался».

Тут диктор перестал повторять и как завизжит! Я не сразу понял, что это просто пленку перематывают с включенным динамиком. Потом снова включилась речь и сказала: «Нашще дэло правое. Побэда будэт за намы». Опять начался треск и визг, но радио вырубилось на радость и счастье бедной моей голове.

«Пойдем, сынок; пора», — задушевно сказал отец. Я решил разбираться по ходу дела, когда голова чуть-чуть пройдет, встал как робот, оделся и пошел за ним.

Мы шли по улице, а мимо нас ездили древние-предревние грузовики. А в них сидели другие группы почти в таких же, как у отца, костюмах и с винтовками длинными-длинными и со штыками.

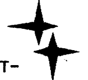
На всех грузовиках были красные... не узнал, как называются... с белыми буквами: «ПЕРЕДОВИК — ЭТО ТОТ, КТО НА ПЕРЕДОВОЙ», «РОДИНА, МАТЬ ЗОВЕТ!», «ПАРТИЗАН — ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО!», «АЛЕЕТ ВОСТОК!», «ВСТАВАЙ, СТРАНА НАША ОГРОМНАЯ!», «А ТЫ ПРОЧИТАЛ ЭРЕНБУРГА?», «ВСТРЕТИШЬ БУДДУ — УБЕЙ БУДДУ!»

Хотя голова еще порядочно ныла, я усомнился, что насчет Будды тут все правильно.

Отец нашел указатель, и мы вышли наконец к призывному пункту.

Наша группа собралась почти вся, кроме Серибая Валихановича. Пришла даже тетка с пацаном, не помню ее фамилии. Все были взволнованные. Я тоже помаленьку проникся. Классно БИМа работает, просто жаль, что не удалось с Аликом Вещим подразобраться.

Из дверей призывного пункта выкатилась зеленая военная фуражка, покружилась, как крышка от кастрюли, и легла на тротуар. Потом вышел толстый лысый мужик с красной полосой вокруг всей головы. Сперва я решил, что ему там снимали скальп. Но тут он с хрипением нагнулся, поднял фуражку, посмотрел на нее, как на дохлую собаку, вздохнул и надел, и я понял, что эту полосу ему намяло фуражкой. Неужели и нам такие выдадут?

Он взглянул на нас и спросил: «Группа "Азиопа"?» Мы вразнобой ответили, что да. Он поморщился и сказал: «Никаких да. Теперь будете отвечать "Так точно, товарищ командир!", потому что я ваш командир. Фамилия моя Одолеев. Есть вопросы?»

«Есть, — сказал отец. Все посмотрели на него. Он отставил ногу и прокашлялся. — Так как мы теперь люди военные, нам хотелось бы обращаться к вам и по чину».

«В Советской Армии чинов нет! — сурово ответил командир Одолеев. — А звание мое — младший лейтенант!..» И показал пальцем на какие-то красные штучки на воротнике френча.

Тут мальчик, что приехал вместе с женщиной, заплакал.

Все обернулись на него, и младший лейтенант Одолеев тоже, и стали спрашивать, что с ним. Мальчик долго икал и всхлипывал, потом сказал: «Хочу, чтобы командовал генерал саблей и покакать!..»

Тогда зарыдали все, а Одолеев побагровел и заорал, что его давно уже повысили в звании, просто факсы никак не проходят, и что в строю надо терпеть, и что вообще пусть женщина с ребенком пройдут вон в ту дверь, и что у них другая задача.

Женщина с ребенком прошла, и больше мы их не видели.

Командир успокоился, откашлялся и сказал: «Стройся!» Мы построились, и он вывел из строя двух самых худых очкастых и сказал: «Вы тоже пройдите вон туда, где табличка висит "НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ"». Они ушли, и он обратился к нам.

«Значит, товарищи, — сказал он, — как вы уже знаете, на нас вероломно напал подлый враг. Он нарушил мирный договор, который мы заставили его подписать, и пошел на нас войной».

Тут из переулка вышла такая же толстая, как и он сам, женщина, тронула его за плечо и молча протянула руку. Он посмотрел на нее, как прежде на фуражку, достал дистанционный дешифратор автозамков и сказал: «Машину снова разобьешь — поступлю как с фашистом».

Она сказала: «Починишь, куда ты денешься», — и весело ушла.

Одолеев глубоко вздохнул, посопел с минуту, потом спросил, на чем он остановился. Ему подсказали, и он почесал дальше:

«Значит, товарищи, он пошел на нас войной совершенно неожиданно. Генералиссимусу подсказывали, но он не верил в такую нечестность. Вообще его обманули только два человека — Гитлер, против которого мы воюем в данную минуту, и Хрущев, против которого воюют в Национальном Парке "Кремль". Пока мы собираемся с силами, враг пытается нас сломить, и мы будем нынче выходить из окружения. Больные, раненые, аллергические — шаг вперед!»

Я испугался, что он сейчас заметит мой фонарь и тоже отошлет куда-нибудь, но он сказал:

«Они будут жертвовать собой, прикрывая отход и бросаясь под технику. Нету, значит? Жаль. Так, дальше. Сегодня у нас с вами знаменательный день! Впервые в истории нашего Национального Парка против нас выступают настоящие противники! Активисты Европейского центра любителей живой истории имени Клаузевица попросились принять участие в нашей работе и даже заплатили за это валютой!»

Мы тоже платили валютой, но говорить ничего не стали, потому что понимали, что нечего сравнивать кой-чего с кой-чем.

«Потому, значит, будет у нас исторически правильный противник! Так что обмундировывайтесь, товарищи, и вперед!»

Мы обмундировывались часа полтора. Гимнастерку мне нашли, хотя и на два размера больше, джинсы пришлось оставить свои, а вот сапоги были почти впору и налезали с носками, чему я порадовался, потому что остальным пришлось навертеть портянки, и ни у кого не получилось. Командир показывал, но только всех запутал. Эмманюэль Акылбековна тоже обошлась без портянок. Ей вообще пришлось голенища сзади распарывать, иначе не налезало. И медицинскую сумку нести в руках, потому что ремень оказался короткий и через грудь никак не надевался.

Потом мы построились и сели на грузовик, командир сел в кабину, и мы поехали. Из города мы выехали на шоссе, а с него на проселочную дорогу, пыльную, совсем как у нас.

Грузовик страшно скрипел и раскачивался, он был весь скреплен проволокой и скобами, а кое-где даже склеен супрификсом. Я только было собрался поинтересоваться, почему это нам такой сарай дали, когда Одолеев вдруг высунулся из кабины и страшным голосом закричал: «Воздух!..»

Сначала я решил, что у него припадок астмы или чего-то вроде, но потом услышал, что над головой ревут моторы самолетов, и сразу все вспомнил. А Одолеев кричал: «Все из машины! Отбежать от шоссе и лечь! Вести огонь по ероплану!»

Огонь вести было не из чего, потому что еще на обмундировании мы его спросили про оружие, а командир сказал, что оружие мы добудем в бою. То есть у врага. Мне очень хотелось шмайссер, пару фаустпатронов и огнемет. И кинжал. И трофейные швейцарские часы, по возможности с условно убитого мной офицера...

Но врага не было видно, самолеты кружились над головой, потом один спикировал и пролетел так низко, что с меня сорвало буденовку, а гимнастерку вырвало из-под ремня и задрало на голову. А когда он

пролетел, на шоссе раздался взрыв, и во все стороны полетели обломки грузовика. У меня дух захватило, я закричал «Ура!..», и тут со мной рядом, едва меня не пришибив, грохнулся горящий труп.

Я завизжал и кинулся прочь, забыв сразу про самолеты, и про войну, и про оружие от врага, и про часы.

По дороге меня кто-то перехватил, я понял, что надо драться без оружия, и дал ему головой в самую развилку. Но он – это был не враг, а командир – взвыл, и за шиворот поднял меня вверх, и сказал: «Ты что, охренел? На своих бросаешься, чмо зеленое!»

Я сказал: «Извините, товарищ командир! Там убитый, и он горит!»

Одолеев повернулся, не выпуская меня, и заорал: «Санинструктор!»

С земли вскочила Эмманюэль Акылбековна – кто-то, я не разобрал кто, прикрывал ее своим телом – и проворно понеслась к командиру.

Он скомандовал: «Затушить и перевязать! Это наш героический шофер! Он должен жить!»

Эмманюэль побегала вокруг горящего и начала хватать горсточками землю и сыпать на огонь. Леша Гробоедов из нашей группы вытащил китайский нож-универсал, раскрыл в нем лопатку и начал помогать ей.

Кое-как они его затушили, и тогда стало видно, что это манекен с рулем в руках.

«Товарищ младший лейтенант! – доложила Эмманюэль, пуча глаза. – Как его перевязывать, да? Он вот совсем неживой!»

Одолеев наконец от меня отцепился, подошел и уставился на манекен, будто первый раз видел. Долго смотрел, потом снял фуражку и вытер обшлагом френча – зуб даю, не вру – настоящие слезы.

«Отставить перевязку, – сказал он хрипло. – Поздно. Товарищи, сегодня мы прощаемся с первым павшим в нашей Войне, с нашим товарищем водителем. Давайте скоренько захороним его и двинемся вперед, пока враг сзади. Салюта не будет, салютовать будем по врагу. Памятник ставить не будем, чтобы враг не осквернил могилы. Просто запомним и пойдем дальше. Прощайтесь с нашим товарищем, товарищи».

Мы стали снимать головные уборы, подходить к манекену и смотреть на него. А я не подошел, потому что меня все еще тошнило.

«Назначаю товарища Гробоедова старшим похоронно-трофейной команды, – объявил командир и козырнул Леше. Тот тоже козырнул. – Хорошо себя проявил. Придаю ему двух бойцов. Похороните героя и присоединяйтесь».

Они пошли уносить манекен, а мы побежали к лесу, потому что где-то опять заревели самолеты.

Мы уже почти вбежали в лес, когда командир остановился и повернулся к дороге. Я бежал предпоследним и поэтому увидел все.

Он достал из штанов пульт, протянул руку в сторону грузовика и нажал на кнопку. А там, на шоссе, обломки грузовика вдруг поднялись, слиплись, и он, громыхая и скрипя, задним ходом покатил *обратно* к призывному пункту.

Тогда младший лейтенант спрятал пульт в галифе и побежал за отделением.

Я ничего не понял, но мне почему-то стало жутко. Показалось, что манекен тоже сейчас встанет и побежит по дороге. Но тут как раз вернулись похоронники, а потом Эммануэль с Лешей – он почему-то был очень смущенный. Им и мне пришлось догонять отделение и командира бегом.

На опушке, куда мы прибежали, нас ждали.

Настоящую полевую кухню опять не показали, но зато ждал Пурккин в своей концертной форме. А из кустов – он там стоял под маскировочной сеткой – выкатили рояль, весь в камуфляжной раскраске, и за него уселась та самая пианистка в монгольском халате, но уже в камуфляжном. Домбрист жевал резинку, и я ему позавидовал, я свою так и забыл в номере.

Мы расселись на траве. Одолеев достал из планшета и раздал нам листки со словами, и мы вместе с Пурккиным начали петь «Подводную лодку» и «Наш бронепоезд». Слова, правда, оказались на китайском, но у меня были уже свои. Рояль играл так громко, что я побоялся, как бы нас не обнаружил противник, но потом решил, что чем скорее нас обнаружат, тем скорее я обзаведусь шмайссером. И фаустпатроном. Хорошо бы позолоченным.

Так и получилось. Когда мы пели, на поляну вдруг вылетели мотоциклисты на древних, но хорошо восстановленных мотоциклах и начали по нам палить.

23 июля. Тут был перерыв. И произошло много всего исторического. Теперь я опять записываю. Сижу на поваленном дереве, а командир Одолеев ругается с лесниками и говорит им, что они, твари, не понимают значения момента – Война пошла на перелом и нами одержаны важные победы над врагом. (Получились стихи.) А лесники орут, что им на наши победы срать маком (я записал, а потом спечатал вокопринтом) и что у них каждое дерево на учете. Тут Одолеев стал на них орать, что они точно знают, какое дерево им загнать, потому и на учете. Вообще лесники вели себя безобразно, и я уже взялся за машингевер, когда из лесу вышла наша разведпохоронная команда

с Эмманюэлью. Они ее всегда берут для оказания помощи в случае чего.

Разведпохи – народ крутой, особенно Гробоедов, никогда не поверишь, что на гражданке он служит в отделе женского белья в суперсаме «Ай-Чурек». Своими глазами видел. Он говорит, что Игра разбудила в нем настоящего мужика и что после Парка он перейдет в отдел скобяных товаров. А я так думаю, что не Игра, а Эмманюэль. Она кого хочешь до чего хочешь доведет. Ну и, конечно, БИМа.

И вот когда разведпохи вышли, то лесники сразу примолкли. Повернули коней и уже собрались уезжать, но Гробоедов еще до выхода послал двух бойцов перекрыть им дорогу к лесу, а сам прищурился и спросил: «Так кому это здесь наплевать или даже еще что на наши славные победы?..»

Лесники, козлы, не въехали, что дело – абдан джаман*. Начали чего-то доказывать. Но Гробоедов дал очередь в воздух, и они замолчали.

«Жизнь вашу сраную мы оставим вам, – сказал Гробоедов. – А вот лошадушек реквизируем на нужды. Стасик, – сказал он моему отцу, – расписку по всей форме».

Отец лихо накатал расписку и подписался, я видел: «Начальник штаба полка, майор Игрового времени Стамарлэнд Мастурбаев-Копполун». Папаша растет на глазах: еще вчера он подписывался капитаном.

Лесники спешились и начали галдеть, но Гробоедов дал очередь по земле перед ними и задумчиво спросил: «Товарищ младший лейтенант, а как у нас с обмундированием? Сапог вроде не хватало... И бельишка...»

Одолеев неодобрительно покачал головой и сказал: «Кончай анархию, Гробоедов. Строго по уставу!»

Тут лесники дунули в чащу так, что только ветки затрещали. Расписка осталась у отца, он ее аккуратно засунул в кобуру.

Тогда, когда мы перебили голыми руками вражеский десант, золотой парабеллум мне все-таки попался. Ихний командир, у которого он и был, все возмущался и говорил, что такого зверства даже каскеленские наемники себе не позволяют и что цивилизованная Игра так не ведется.

Оказалось, что это сам эрл Грэй, выдающийся теоретик Игр и Игрового искусства. Он написал знаменитую книгу про влияние количества побед на долголетие военачальников. Одним из самых долголетних был Семен Буденный. Я раньше читал, что он изобрел какую-то популяр-

---

* Зер шлехт (старочагатайск.).

ную у нас в Туране лошадь и был личным гармонистом генералиссимуса. Оказывается, он еще и воевал.

Парабеллум эрл подарил мне добровольно – сказал, что верит, что я научусь играть в духе великих заветов.

Но когда я надевал ремень с парабеллумом на себя, ко мне подошел папаша и ласково так спросил: «Нравится?» Я, как последний лох, говорю: «Спрашиваешь!» Тут он и говорит: «Мне перед Войной звонили из лицея... Не хотелось маму огорчать...» Я ему говорю: «И мне не хочется».

Он посмотрел на Эмманюэль, вздохнул и говорит: «Мы с твоей мамой настоящие друзья. Она верит только прямым доказательствам. Есть у тебя прямые доказательства? То-то. А я попросил домулло учителя пока не давать делу хода, сказал, что разберусь и сурово тебя накажу. А сам вместо этого взял тебя в Парк...»

И он так посмотрел на клевую лакированную кобуру с моим золотым парабеллумом, что она прямо сама отстегнулась и перелетела к нему на живот... Он сказал: «Спасибо, сынище. И не горюй: в твоей жизни будет еще много золотых парабеллумов!»

Я поскрипел зубами, и на этом все кончилось. Фаустпатронов мне тоже не досталось: пацан, которого я допрашивал, рыдал, но все же сказал, что фаустпатроны у них запланированы позже, когда мы сядем на танки. Зато кинжал я себе подобрал люксовый, и шмайссер, и машингевер.

А вечером пролетел наш сверхзвуковой истребитель и сбросил листок факса, где был приказ о назначении Одолеева старшим лейтенантом.

Правда, самолет мы, не разобравшись, подбили. Но летчик, старшина Мухосеев, так нас благодарил, что мы даже удивились. Говорит, ЕТМ, так безопаснее: по гороскопу он вообще Кот, ЕТМ, по специальности каллиграф, ЕТМ, работает в Межгосударственной Думе, ЕТМ, расписывается за некоторых депутатов по их поручениям, ЕТМ, но когда-то в детстве опрометчиво, ЕТМ, занимался планеризмом. За это его назначили летчиком по особым поручениям, ЕТМ, ЕТМ, ЕТМ, и велели доставить приказ. Пока летел, говорит, ЕТМ, страху натерпелся – одной рукой инструкцию перед глазами держишь, ЕТМ, только уронишь, ЕТМ, начнешь подбирать – глядь, ЕТМ, высоту потерял! Теперь воюет с нами, пока не дойдем до своих.

Мотоциклы мы в лесу бросили, все равно они после поединка уже ни на что не годились – шины прокушены, рамы погнуты, – а пленных решили отправить в тыл. Конвоировать отрядили Бизонова, потому что он в молодости был челноком и ничего в жизни не боится, даже ту-

ранских таможенников, а по натуре человек добрый, хотя и бессовестный.

И он вернулся подозрительно скоро. Мы его спрашиваем, куда он их девал, а Бизонов ухмыляется и говорит: «Решил этот вопрос». Мы бы его расстреляли самого, да Одолеева не могли разбудить после обмыва

А сейчас мы пробиваемся к своим. Противника мы обнаружили и разгромили, совершенно думорализовав. Дневник урверяет что я неправилиьно ишу пслово, но я думаю, он шибается. НЛОвернло, вирус.

25 июля. Это был вирус, но наш антивирус его одолел. И тут мы терпим победу! Я начинаю гордиться своей страной. Одолеев ночью потихонечку разговаривал по рации со штабом, а я подслушал. Оказалось, наша азиопейская группировка вырвалась так глубоко, что свои остались далеко позади, и даже Пурккина прислать не могут, а противник так нас испугался, что, по данным разведки, стягивает войска для нашего полного разгрома, и Одолеев запрашивал БИМу, что ему делать, но ответа я не расслышал, слышал только, как он сказал: «Ясно. Жене помогите в случае чего. Она у меня непрактичная...»

Потом я уснул, а утром вспомнил этот разговор и похолодел. Чего было гордиться-то? Ой, мамочка, раздолбают нас, как не фиг делать! Хорошо, что атомного оружия в те времена не было – у нас еще только середина Войны.

А идти надо, и мы пошли. По дороге передовой дозор наткнулся на группу каких-то рваных и очень подозрительных. Мы окружили их и приказали сложить оружие, но у них его и так не было. Они все были в тельняшках и бушлатах, а один тащил легководолазный костюм и никому его не давал.

Гробоедов допросил их командира. Тот рассказал, что они заблудились и просят дать им возможность смыть вину кровью. Командир матерился так густо, словно говорил по-иностранному, поэтому понять было трудно, как это они заблудились. Одолеев нашел переводчика – старшину Мухосеева.

Оказалось, что они должны были играть в «Порт-Артуре» и заплатили за это, но японские агенты сделали все, чтобы они туда не попали, одного он сам видел накануне и пытался задержать и сдать куда надо, но его подручные одолели. А когда игроков везли на вокзал, под ними взорвался грузовик. А когда они очнулись, грузовик встал и укатил.

Тут я опознал в командире Драного Тельника и поклялся, что непременно его вырублю. Их накормили и выдали наркомовские сто, а Дра-

ному выдали триста, потому что ему многие сочувствовали. С отвычки он совсем закривел.

Затем мы пошли дальше и нарвались на дзот противника. Вот тут и началась настоящая Игра. Нас прижали к земле и не давали встать. Пулемет лупил облегченными резино-красящими пулями, но и такой пулей получить – приятного очень мало. Снимут с Игры и в «Братскую Могилу» – это сборный пункт такой для проигравших...

Потом заработал Ф-миномет. С одной стороны, это было приятно: по правилам такое оружие используется против исключительно опасного противника, набравшего не менее десяти тысяч очков; с другой стороны, получить по тыкве Ф-миной – уж тут на любителя... Правда, минометчики у них были послабже пулеметчиков – шли все больше перелеты.

Растерялись даже Гробоедов с Одолеевым. Мы проигрывали.

Но тут кто-то закричал: «Наверх вы, товарищи, все по местам!»

Я ничего не понял. По деревьям, что ли? А потом увидал, что Драный Тельник встал, разодрался до самого конца и пошел на амбразуру. Качало его так, что пулеметчик все время мазал, а когда Рваный Тельник побежал, всем стало страшно: в руке он держал неразорвавшуюся Ф-мину.

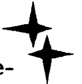
Он добежал до амбразуры, жахнул по ней фекальной миной и упал, поскользнувшись. Пулемет бил снизу, Драного Тельника подбрасывало, летели брызги всего сразу, но ни одной пули не выходило наружу.

Тут и мы опомнились, закричали «Ура!» и кинулись в атаку прямо на высоту. Пулеметчика мы трогать не стали, он и так был смертник, прикованный цепочкой к пулемету, мы его по-солдатски уважали, но он плакал и кричал по-ихнему, что так не воюют даже эскимосы, по-ихнему это чукчи, потому что его контузило разрывом мины и рикошетами собственного пулемета, и он был в шоке.

Действительно, неудобно. Все, кого мы за это время победили, тоже говорили, что мы совершенно не так воюем. Только «Внуки Жукова» не стали говорить, но их мы победили по ошибке, при захвате продсклада, и нам сняли сто очков.

Наши кавалеристы, Мындызбай и Сансызбай, прорвались в тыл Ф-минометной батареи и разгромили ее до основания, а затем кидали мины руками, потому что не могли разобраться в прицеле и боялись зацепить своих.

Отец при всех попросил у Драного Тельника прощения, но тот, по-моему, не воспринял. Его увезли в тыл на волокуше, запряженной лесничьими лошадьми, а на возницу надели легководолазный скафандр с кислородным аппаратом – иначе он не соглашался.

Одолеев с Гробоедовым и папашей посовещались и приняли решение закрепиться в этой местности и дожидаться прихода наших. И немного расслабиться. Пленных опять решили отправить в тыл, оставив трех человек для обеззараживания дзота, а конвоировать их поручили опять же Бизонову, сказав, что если он и этих расстреляет, пойдет под трибунал.

Мы разобрались с трофейными пайками – у нас в группировке был туранский коммерсант, который умел читать упаковки на всех языках и догадывался, что в них, даже когда ничего не было нарисовано.

Пленные дезактивировали дзот, и мы стали расслабляться.

Когда мы расслабились примерно наполовину, явился ухмыляющийся Бизонов.

Одолеев с Гробоедовым даже протрезвели.

Гробоедов сказал: «Ну все... Я боевой Игровой офицер, и безоружных расстреливать – это западло!..»

Он попросил у отца парабеллум и сказал, что так будет красивее. «Одобряете, товарищ старший лейтенант?» – спросил он и загнал патрон в ствол.

«Одобряю, – сказал Одолеев и достал Ф-гранату. – Из-за таких, как он, к нам цивилизованные люди не ездят воевать. Только отведем его подальше, здесь пленные уже все отчистили... Стасик, пиши протокол и приговор».

Бизонов стоял и водил глазами туда-сюда. Потом спросил: «Охренели, что ли? Где бы я столько патронов взял? Леша, очнись! Командир!..»

«Кому Леша, – замогильным голосом сказал Гробоедов, – а кому и "Смерть садистам!". Насмотрелся я у себя в отделе на извращенцев!..»

И он поднял парабеллум.

«Погодите! – закричал Бизонов и весь вспотел. – Я сейчас объясню!» Он стал рвать гимнастерку на груди, как Драный Тельник перед подвигом, и с груди у него посыпалось очень много марок, долларов и фунтов, были даже бакшиши, гешефты и сапары.

Мы все онемели.

Оказалось, что Бизонов в погоне за наживой отводил пленных подальше и предлагал им или заплатить выкуп за дальнейшее участие в Игре, или участвовать уже в качестве военнопленных, восстанавливая Порушенное Войной. Тех, кто не соглашался, он собственноручно расстреливал, и их потом отделяли и доставляли в Братскую Могилу. А все остальные очень не хотели восстанавливать Порушенное Войной и признавать полное поражение от противника, который даже воевать правильно не умеет.

Нам он посулил по семь процентов, а мне – как несовершеннолетнему – три.

Отец схватился за кобуру, забыв, что она пустая, и сказал: «Нет, каков мерзавец! Мальчик со всеми наравне переносит тяготы войны, а эта гнида!..»

Гробоедов выслушал все и сказал отцу: «Подбери-ка валютку».

Отец подобрал и выволок из-за бизоновской пазухи остальное.

«Еще есть?» – спросил Одолеев и гранатой покачал.

Бизонов сел, разулся и выгреб из сапог еще на пару «мерседесов».

«О'кей, – сказал Гробоедов, – заприходуй, Стасик, сдадим как-нибудь народу. А теперь восстановим статус-кво».

И тут он высадил по Бизонову всю обойму.

Краска у противника была отличная – зеленая, несмываемая, с ароматическими и флуоресцентными добавками; теперь его вычислят в два счета, даже ночью, и в Братскую... Командир посмотрел на светящегося Бизонова и спрятал гранату.

Потом Гробоедов бросил ему не то доллар, не то иену и сказал, что этим можешь откупаться, если нарвешься на врага, иуда.

Бизонов сказал, что Леша ответит ему дома по возвращении, и убрел, светясь. А мы стали продолжать расслабляться.

29 июля. На этом месте я перестал писать четверо суток назад и сейчас, когда мне вернули дневник, прямо чуть не заревел – такой он был знакомый и родной, только аккумуляторы какая-то падла выколупнула. Я как будто две жизни прожил за эти дни и много испытал, в том числе исторических событий. Сейчас я все записываю, сидя на ящике с китайскими консервами, которые хотели применить против нас.

Итак, вернемся назад. Мы продолжали расслабляться. Это была наша главная ошибка. Враг подкрался оттуда, откуда мы его и не ждали, и враг пострашнее, чем любители живой истории имени Клаузевица...

Мне тогда расслабляться не разрешили и назначили часовым, и я совершил проступок: когда все уснули, я тоже уснул, а проснулся оттого, что было очень неудобно, и понял отчего – меня связали. Напротив сидел непонятно кто и держал мой шмайссер и кинжал. Машингевер валялся на траве.

Непонятно Кто был жутко старый и в непонятной форме. На голове у него была кубанка с красной лентой, а на боку шашка – прямо как в «Чапаеве». И галифе были красные, двойной против наших ширины. А на груди какой-то орден с красным флажком и на такой розочке из красной нейлоновой ленты. Один глаз у него был искусственный, а другой – протезный, жутко фиолетового цвета. Зубы у него были ровные-

ровные, сразу видно, что у автодонта ставил. Ну, понятно – раз в двадцать, а то и в тридцать дешевле, чем у человека...

Когда он просек, что я его разглядываю, то вынул изо рта самокрутку и сказал, присвистывая из-за челюстей: «Будешь лупать – гляделки портянкой завяжу».

Я сказал: «Жестокости по отношению к условно пленным запрещены уставом Игры».

Непонятно Кто оскалился и сказал: «Это кто условно? Это ты условно? Вот я тебе сейчас покажу условно...»

И тут он, честное слово... я потом так дознавателю и рассказал... но не до конца, потому что меня сразу... ну, сами понимаете, даже не тошнило, а... ну, понимаете... Нет, не могу про это. Если б он мне рот чем другим заткнул...

Сознание я потерял вроде ненадолго. Когда очнулся, то вокруг лежали другие наши. Отца, Эмманюэли и Гробоедова не было видно. Я решил, что их убили, и заплакал. Но потом разглядел, что наши тоже связаны, услышал, как они стонут, и успокоился, потому что было сказано слово «сушняк» – наверное, Мындызбая на хворост положили...

Я стал размышлять логически. Нас явно захватили в плен. Только вот кто? Если логически судить по форме, то это кто-то из «Волочаевских Дней» или из «Каховки». Но ихние Парки от наших далеки по историческим, природным факторам – и идейным тоже, там чаще играют молодые – Ложа разочаровавшихся коммерсантов или же Союз генетических казаков...

Тихонько я посмотрел на Непонятно Кого.

Он сидел на пеньке по-прежнему с моим шмайссером, но уже без гимнастерки. Наверное, решил позагорать. На груди у него были вытатуированы расплывшиеся Ленин, Сталин и Говорухин и какие-то ордена и телефоны. А на спине – Николай Второй. Ну, это понятно. В Ленина не стреляют ленинисты, в Сталина – сталинисты, в царя – монархисты, а с Говорухиным никто связываться не хочет, потому что он самый старый и самый вредный из живых сенаторов.

Но Непонятно Кто на этом не остановился; когда он повернулся, чтобы заплевать и выкинуть окурок, я разглядел у него на затылке все то же самое, только на вживленной американской голограмме. Получалось, что почти все важные жизненные органы были у него защищены.

Эти факты сильно мешали логическому движению мысли, потому что все перепуталось на фиг.

Очевидно, в дело замешалась какая-то неизвестная сила, наподобие Православных Моджахедов или Лесных Сестро-Братьев, раз она вяжет

нас. А есть еще Неораббанисты и Русский Транзит... Вот сейчас начнет сдавать противнику...

И тут раздался стон явно иностранного происхождения. Кто-то сказал: «Ой, их штербе!..» Тут я повернул голову и, напрягая зрение, разобрал, что до самого края опушки лежат наши бывшие пленные, которых обирал Бизонов. Значит, и их не пощадили. Тогда логически выходит, что имеется какая-то третья сила, которая дождалась и взялась за дело. Ой, мамочки, неужели БИМа так все сложно распланировала? Ну и Игра! Сроду про такие не слышал.

Недалеко от меня лежал эрл Грэй. На груди у него была клякса от красящей пули. Значит, не поддался на бизоновский шантаж.

Во рту у него была классная трубка «данхилл», только вставленная чубуком наружу. Правда, он все равно был без сознания. Наверное, эти гады его пытали.

Потом раздался стон нашего происхождения: «Давно я не пил шампанского...»

Непонятно Кто встал и гаркнул: «А ну молчать! Щас всех порешу до единого!..»

Голос Гробоедова с ненавистью сказал: «Патронов не хватит, шать простатная!..»

Непонятно Кто подавился от злости и долго-долго кашлял, потом присосал обратно челюсть и злорадно сказал: «Ничего. Зато деревьев на всех хватит. Вот трибунал щас соберется, и хана вам всем!..»

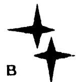
Тут раздался родной голос — говорил мой папа: «Какой такой трибунал? Что ты мелешь?.. Я как специалист заявляю: процедура требует времени! Следствие велось? Обвинение предъявлялось? Заседание суда назначалось?..»

Непонятно Кто ласково сказал: «Трибунал у нас хороший, настоящий, быстрый, не как у вас, извращенцев, предателей Памяти Народной... Мы всё по списку и заочно. А тебя, специалист, первого вздернем. На рояльной струне... Хочешь, можно на радиомонтажном проводе...»

Все замолчали. И тут до меня доехало — наверное, и не до меня одного.

Ух, какой мороз продрал по шкуре!.. Это же Дикая Дивизия!..

Правда, их всех объявили вне закона, когда они семь лет назад уничтожили сразу четыре Парка в разных районах Евразии. Но они, говорят, ушли в подполье и вербовали сторонников среди отбросов общества и разжалованных толкинистов... Настоящих ветеранов там очень мало, а вот всякого дерьма, которое себя зовет ихними наследниками, очень много. Вот они нам сейчас и покажут...

Я уже давно слышал топот и гул мотора, потому что лежал ухом в землю. Пока я размышлял и старался мужаться, чтобы не было хуже, стало именно хуже. На поляну выехали два верховых першерона и один «КАГАЗ-88» под зелено-черным флагом. Першероны везли по семь человек, но они были такие здоровые, что не замечали. Неужели они, палачи, будут нас першеронами топтать?..

Первыми на першеронах сидели всадники с волчьими хвостами на папахах, за ними сидели веселые эльфы и мрачные гномы. Вообще неясно. Эти же из Казанской Группировки. Неужели у них Антанта?

Непонятно Кто подскочил на пеньке, засуетился, но гимнастерку надевать было уже поздно, тогда он вытянул руки по швам и втянул бледный обтатуированный живот.

«КАГАЗ» остановился. Сначала мне было видно, что там едут два человека. Но потом машина развернулась, опустилась на землю, и я видел только багажник, габаритные огни и заляпанный какой-то очень знакомой грязью номер.

Непонятно Кто стоял, словно лом проглотил, и на лице у него была преданность и вера.

Зашипела дверь. Из машины кто-то вылез, почему-то жужжа. А за ним, развратно извиваясь, вылезли две галадриэли.

Непонятно Кто выпрямился еще сильнее и закричал:

«Боевой друг Вождь! Извратители Народной Памяти для кары приготовлены! Докладывает боевой друг носитель Почетного Меча Сухоребров!..»

Я через землю услышал, как зашевелились и застонали мои друзья. И никто – ну, может быть, кто-то – не застонал от трусости. Все стонали оттого, что не могут броситься на этих подлецов и задавить их голыми руками или же валежником... Очень было горько слышать этот стон через землю – будто сама наша планета стонала, что ей приходится нести на себе таких подлецов.

Но почему они жужжат?..

Вождя мне видно не было: машина скрывала все, кроме сапог со шпорами. И сапоги мне тоже показались знакомыми...

«Спасибо, дорогой боевой друг Сухоребров, – сказал голос Вождя, тоже настолько знакомый, что я наконец понял, откуда я знаю и это жужжание, и эту грязь, и эти шпоры, и этот голос! – За Извратителей Народной Памяти спасибо. Мы их показательно казним. Награждаю тебя, понимаешь, за проявленное, понимаешь, вторым Почетным Мечом!..»

Один гном и две галадриэли подбежали к Сухореброву и проворно опоясали его перевязью с мечом. Сухоребров закричал: «Служу Вели-

кой Мысли!..» – и прослезился. Галадриэли его целовали и развратно массировали, томно мыча.

«А за то, что ты упустил ихнего командира, – ласково продолжал Вождь, – будешь повешен рядом с ними. Но в Мечах – это я тебе обещаю...»

Сухоребров постоял, пуча глаза, и попробовал что-то сказать, но вдруг рухнул на траву. Только мечи брякнули. Галадриэли мерзко захихикали.

«Зря, – сказал Вождь. – Мог бы и харакири сделать для, понимаешь, укрепления боевого духа. Ну ладно. Другой кто-нибудь, да?»

Он прошелся перед машиной, жужжа и сверкая иридиевыми шпорами. Потом закричал:

«Эй, салдатики! Вам осталось жить десят минут! Но я верю, что вы можете стать настоящими боевыми другами! Вот кто сейчас вступит в наш ряд и выразит защащ... защущ... воевать за Великую Идею, тот будет жить и бороться дальше! Остальные – бютту*!..»

Жужжа, он замолчал. Шумели сосны, гнусно посмеивались его приспешники, а наши лежали и молчали. Потом кто-то из клаузевицких заговорил. Очень горячо и страстно, и чувствовалось, что с чем-то не соглашался, но на языке, которого никто не знал, ни наши, ни ихние. Поэтому он скоро умолк.

Тогда вдруг наш Мындызбай громко запел: «По дорогам знакомым за любимым наркомом мы коней боевых поведем!..»

Это была геройская песня Пурккина, и все наши, даже те, кто не знал слов и мотива и имел во рту кляп, подхватили и допели до самого конца. А когда смолкли, то Гробоедов прохрипел: «Вот тебе наш ответ, палач и провокатор!..»

Вождь еще немного пожужжал.

Потом сказал: «Это я палач? За мной президенты всех Парков гоняются, и я палач? Знаешь, ты, бок-мурун**, какие деньги они за мою голову дают? Меня на всех битвах ранило, и я палач, да?.. Нет! Я Последний Настоящий Салдат на этом планете! А ваш любимый нарком сбежал, как последняя джаляб***! Идите со мной, когда вы мужчины!..»

Вот тут я напряг *все* свои силы, и то, что покойный Сухоребров засунул мне вместо кляпа, гулко вылетело, и я завопил: «Не верьте ему! Он все врет!..»

---

* Капут (новотуранск.).

** Шайзназе (древнетангутск.).

*** Ди Хюре (среднесаякск.).

Меня спасло то, что сначала никто не понял, откуда я кричу. Эльфы и гномы вертели головами, а те, что с волчьими хвостами на папахах, подняли першеронов на дыбы, отчего остальные седоки все попадали.

«Он врет! – кричал я носом в землю. – Ему ноги отдавило в Парке! Он нигде не воевал! Он в летчика играл без ног! Он с Игрой посчитаться хочет! Он даже не ветеран! Он возле нас живет! У него четыре жены, и все дуры!..»

Молчание было такое, что, казалось, все уснули. Потом заговорил Вождь.

«Враг, – сказал он, – клевещет! Хочет расколоть наши ряды! Я ваш знамя?»

«Знамя...» – неохотно сказал кто-то из гномов.

«А можно в бой идти, если знамя запачканный, да?..»

Все молчали.

«Кто, – неумолимо сказал Вождь, жужжа сервомоторами ног, – кто отомстит за честь знамени, да?..»

Все молчали. Мне стало ясно, что я добился серьезного успеха – морально разложил противника. Портило дело одно: ужасно хотелось в туалет. Ой, ну скорее бы они сдавались...

И тут произошло то, чего я совсем не ожидал. По-моему, и вообще никто.

Мертвый Сухоребров поднялся.

«Боевой друг Вождь, – сквозь слезы сказал он, – позволь искупить вину».

«Позволяю, боевой друг дважды носитель Почетного Меча», – сурово отвечал Вождь.

Сухоребров подошел ко мне, всмотрелся в мое лицо своим жутко фиолетовым глазом и вдруг с лязгом выдернул из ножен Почетный Меч.

Он был сделан под самурайский. Цуба в форме ордена Дружбы Народов, клинок был из алюминия, но на один удар его явно должно было хватить.

«Ты, пацан!.. – угрюмо процедил он. – Ты на нашего вождя катил... За это знаешь чего полагается?..»

Тут раздался рев. Это ревел мой папа.

«С-с-скатина! – ревел он. – Дешевка! Падло бацильное! Зомби навозная! Петушатина трепаная! Дай мне шашку, и отойдем на десять шагов, если ты мужчина!.. Щидзег*!» И почти все, что он слышал в изоляторах от своих и чужих подзащитных.

* Дер Аршлох (непеч. дигорс.-иронск.).

Потом мне было жутко интересно, какая это кровь заговорила в нем. Казахская, хакасская или украинская?

Потом. Но не тогда.

Тогда я смотрел, как Сухоребров заносит меч, и думал, что, может, он и козел, и кэндо явно никогда не занимался... А вот дрова явно рубил. Грудь моя беззащитная...

Вот меч поднялся до высшего апогея, и я зажмурился. Поэтому что было дальше, я сначала не видел. Раздался глухой стук, удивленный всхлип, и на меня рухнуло что-то потное и тощее. Потом что-то металлическое.

Потное и тощее был Сухоребров. Металлическое — вздутая консервная банка, которая угодила ему в затылок.

Извернувшись, я сбросил с себя тощее и потное и страшным усилием воли сел. Катана попала мне между коленок, и я бессознательно рассек об нее веревку на ногах. Вскочил, хотя ноги были как пластилиновые, и, прежде чем упасть, увидал!..

С пригорка из-за сосен, грязный, рваный и небритый, шел старший лейтенант Одолеев.

Был он свиреп и страшен настолько, что никто из врагов поначалу не тронулся с места. В одной руке у него была вторая бомбажированная (следователь мне объяснил, что это так называется, а я записал на диктофон, а потом спечатал через вокопринт) банка китайской тушенки «Великий Корм». В другой руке — целая молодая сосна без веток, но с корнями.

Потом выписанные из Америки индейские следопыты разгадали по следам, что он спрятался в овраге, решив, что это Игра. Но когда все понял и увидел, как будут убивать меня, то вышел. Один против всех.

И тогда все накинулись на него. Гномы, эльфы, волчьи хвосты и прочие. Первого он бомбажировал, а потом уже в дело пошла сосна.

Через несколько минут все лежали — кто без сознания, а кто и так...

Одолеев утер с лица пот и глянул в сторону «КАГАЗа».

Вождь все это время стоял и с любопытством смотрел на побоище.

Одолеев бросил размочаленную и заляпанную сосну и сказал: «А вот тебя, фюрерок, я щас голыми руками задавлю...» И он медленно и страшно стал на него надвигаться.

Когда он уже почти совсем надвинулся, Вождь выдернул руку из-за отворота чапана, и все ахнули. В ней был огромный старинный маузер с золотой насечкой.

«Тихо, Маша, я Дубровский...» — хрипло сказал Одолеев и продолжал надвигаться.

Раздался грохочущий треск. Одолеев дрогнул и пошатнулся.

Я видел, как у него на спине вылетел клок гимнастерки и лопнула портупея. Но он не остановился.

Второй треск. Еще клок гимнастерки. Но он надвигался.

Третий треск. Но он не замедлил движения.

Потом я перестал считать трески и клочья и только вздрагивал.

Когда патроны кончились, Вождь швырнул в Одолеева маузером.

Старший лейтенант поймал его и осмотрел. Потом хрипло прочел: «ЗА ОТВАГУ В БОР-Р-РЬБЕ С МАНКУРТИЗМОМ...» Последним усилием отломил раскаленный ствол и только тогда рухнул. Но уже насовсем.

Вождь тоже попятился только теперь. Он медленно отступал к машине, где сидел орк-шофер, и все время хлопал себя по бедру.

Тут я понял. На бедре был пульт!

Опять, опять их заело, и он не может включить скорость и убежать к машине, а тупой орк не догадывается ее подогнать!

«Держите его!..» — завопил я и вскочил. Но все были связаны. Тогда я упал спиной на катану и начал пилить веревки на руках, а Вождь все лупил себя по бедру, и когда я допилил последнюю веревку, ноги вдруг включились.

Они резво подскочили и помчались к лесу. «Куда, падлы! — завопил, удаляясь, Вождь. — К бункеру, с-ссгейн*! К бункеру, говорю!..»

«Уйдет!..» — закричал я.

«Не уйдет, — мрачно сказал Гробоедов, подползая спиной к катане. — Тут болото...»

Леша ошибся. До болота Вождь не добежал.

До болота добежали ноги. Аккумуляторы были свежие. Траектория — путаная и длинная.

То, что было сверху, кусты и ветки из-за бешеной скорости изорвали в клочья. Следствию достался хорошо очищенный скелет, который стоит сейчас в хрустальном блоке у входа в музей Парка «Победа», и ничего больше.

А тогда сверху вдруг донеслись слабые звуки какой-то знакомой мелодии. Я задрал голову и увидел какие-то пятнышки, которые быстро росли вместе с музыкой и вдруг стали звеном вертолетов «Майкл Стоунволл Джексон FYZ-23», заходящих на боевой разворот над нашей поляной.

Музыка оказалась «Колыбельной» Гершвина в исполнении вечнозеленого дуэта Карины и Рузанны Лисициан — у нас тоже есть такой диск.

---

* Фак твою (разговорн. среднетуранск.).

Теперь она страшно гремела, потому что динамики на вертолетах боевые. И под эту могучую классическую музыку из повисших вертолетов выскакивали силы Срочного Умиротворения Кризисных Игр в жилетах, на которых любая краска обесцвечивается, с пулеметами и в касках; молча и серьезно перекувыркивались через голову, чтобы противник не успел прицелиться; разворачивались в боевой порядок и шли в атаку...

А сзади разворачивался и перекувыркивался полевой госпиталь и полевая кухня, и армейский рок-ансамбль под управлением знаменитого армейского гитариста Боба Шекли, уже перекувыркнувшись, расставлял микрофоны, и армейское казино натягивало тент и с помощью прецизионной (это мне потом объяснил следователь, а я... и так далее) аппаратуры проверяло точность установки столов с рулеткой, и попутавшая регион армейская сборная по серфингу и национальной лапте уже выскакивала, кувыркаясь, из своего вертолета, а «Колыбельная» гремела так ушераздирающе, что ее одной хватило бы для полной победы...

Последним, весь в камуфле, жилете и десантном рюкзаке, весь гордый и злорадно ухмыляющийся, выскочил Бизонов, кувыркаться не стал и побежал прямо к нам. А за ним с топорами наперевес бежали двое лесников.

«Ну что, зар-р-разы, моралисты вонючие!..» — закричал он, поднимая автомат и осекся, увидев спокойное и небритое лицо старшего лейтенанта Одолеева.

Потом нам сказали, что Игра у нас получилась суперуникальная, что ее запишут и будут распространять по всей Евразии и даже продавать за валюту... А так как мы все в ней играли, то вроде как соавторы и будем получать отчисления... Тут все захлопали, кроме нас с Лешей и Эммануэли — она рыдала, а мы молчали.

Потом нас отвезли в гостиницу, чтобы мы отмылись, переоделись и отдохнули до знаменитого бала «Победы», на котором вручают боевые награды и дипломы.

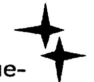
Мы с отцом посидели в креслах. Потом он вздохнул и сказал: «Да... Вот уж не думал... Ну ладно. Мыться будешь?»

Я сказал: «Отвык. Пойду пройдусь».

«Ладно, — сказал отец. — Шокер и бронекепку возьми. И стучись, когда входишь!..»

Я посмеялся над всем сразу и ушел. Без шокера и бронекепки.

Дверцу, маленькую, железную, в стене, я нашел сразу. Она была не заперта. И вторая тоже была не заперта — я ее сразу открыл.

Алик И. Вещий сидел у пульта и хмуро в нем ковырялся межмолекулярным паяльником.

«Привет, – сумрачно бормотнул он мне. – Ты чего?..»

Это было, наверное, невежливо, но я не поздоровался и сразу спросил: «Скажи, а зачем БИМа такую Игру сделала? Ведь Одолеев по-настоящему погиб?»

Алик И. молча кивнул, продолжая орудовать паяльником.

«И Сухоребров тоже?»

Алик И. опять кивнул.

«И Аселькин дед?»

Снова кивок.

«Ну, зачем? Ведь это Игра, так?»

Алик И. отложил паяльник, поскреб в «морпехе» и угрюмо спросил: «Ты что, ничего не знаешь?»

«А чего?» – не понял я.

«БИМа поломалась, как только вы вышли на маршрут, – ответил он. – Вы играли совершенно самостоятельно. Все, что было, была ваша Игра. А Машина здесь абсолютно ни при чем. Как что, так сразу БИМа, компьютерократия, антигуманизм... Вот с себя и спрашивайте...» И снова, не глядя на меня, взял тестер.

Наверное, это было невежливо.

Но я постоял немного. А потом взял и плюнул в средний голоэкран БИМы и попал – в самую середину. А потом ушел оттуда.

Ну, а теперь совсем нечего записывать. Надо только дописать, что женщина с мальчиком оказались на оборонном заводе и всю Игру собирали Ф-мины. Мальчик перевыполнял все нормы, стал Героем Игрового Труда и не хочет уходить с завода.

Серибай Валиханович попал в Игру «Беломорканал», все еще играет и, говорят, опять сменил имя. Только теперь у него кличка – Серый-Лютый. Он в большом авторитете – стал выдающимся специалистом по пересказам компьютерных игр, и пахан тамошней Игры держит его возле себя на особой пайке.

Бизонов сперва раскаялся и собрался не то в мунисты, не то в бахаисты, но потом натура победила: открыл тир, где стреляют по головизорам, передающим рекламу. Надо попасть очень точно, потому что иначе специальное устройство со страшной силой мечет в тебя рекламируемым продуктом. Очень опасный тир и жутко дорогой, но очередь туда такая, что Парки задумались. Бизонов сейчас делает метатели помощнее, потому что есть такие деятели, что наловчились продукцию ловить. Правда, одного уже убило на фиг – коробкой стирального порошка «Чингисхан».

Эрл Грэй, теперь президент Европейского клуба имени Клаузевица, пригласил нас всех в полном составе на свою Игру за полный их счет. Сказал, что опыт Крымской войны требует обновления – нельзя же жить законами, данными Адамой и Евой. Многие сэры после этого вышли из клуба в знак протеста, но многие из любопытства остались.

Отцу прислали письмо какие-то любители из Саратоги, одного зовут Арбат ибн Рахман, другого – Корлеон Уйгурский. Пишут, что всю жизнь мечтали играть за Азиопу и спрашивают, какие у нас призы, и играет ли национальность роль при их вручении, и как можно получить наш зеленый паспорт. Отец написал им всю правду; ответа пока нет.

Прислали приглашение на ветке цветущей хурмы из клуба «Самурай», пергаментный свиток из клуба «Мальборо» и написанное на мраморных скрижалях совершенно непонятным языком приглашение – наверное, из Голландии: клуб вроде называется «Голландские высоты».

Но мы, наверное, не поедем: неохота.

Асельке я ничего не сказал, и отец тоже. Сама она думает, что деда из-за его смелых рассказов забрали в санаторий, и очень по нему скучает.

Каникулы скоро кончаются, и я не знаю, как быть с сочинением. Никто не может сказать, какие события тут исторические, какие – нет, тем более для Азиопы.

Завтра пойду к Чуингаму – вдруг его уже отрезали.

Терри Пратчетт

ТРОЛЛЬ ПОД МОСТОМ

Комическую фэнтези придумал, конечно же, вовсе не британский писатель Терри Пратчетт: и до него были такие умники. Но то, что именно Пратчетт стал ярчайшей звездой этого направления литературы, — бесспорный факт. А причиной тому — его многотомный сериал о Плоском мире, который неведомые создатели поместили на спине гигантской черепахи. Рассказ «Тролль под мостом» имеет непосредственное отношение к названному сериалу. За всеми шутками-прибаутками здесь легко угадывается второй план повествования — лиричная и философичная история о том, как стареют герои и остается в прошлом эпоха легенд. Остается добавить, что этот рассказ вот-вот выйдет в издательстве «ЭКСМО» в составе сборника Терри Пратчетта «Эрик, а также Ночная Стража, ведьмы и Коэн-варвар».

С гор дул ветер, в воздухе плавали маленькие кристаллики льда. Было слишком холодно, чтобы мог идти снег. В такую погоду в деревни приходят волки, а в лесной чаще лопаются от мороза деревья.

В такую погоду здравомыслящие люди сидят дома у огня и рассказывают истории о героях.

Лошадь была старая. Всадник не моложе. Лошадь походила на завернутую в кожу плетеную корзину; всадник, казалось, не падал с нее лишь потому, что не мог собраться с силами. Несмотря на резкий холодный ветер, на нем не было ничего, кроме крошечного кожаного килта и грязной повязки на колене.

Всадник вытащил изо рта намокший окурок и затушил его о ладонь.

– Ладно, – сказал он, – пора начинать.

– Ничего себе «ладно», – ответила лошадь. – А если у тебя опять закружится голова? Да и спина твоя все время пошаливает... Обо мне ты подумал? Что если меня съедят, потому что твоя спина решит взбрыкнуть в самый неподходящий момент?

– Этого не будет, – сказал всадник. Он спешился, сел на холодные камни и подышал себе на пальцы. Затем извлек из вьюка меч, чье лезвие напоминало пилу, за которой плохо ухаживали, и как бы нехотя нанес несколько ударов по воображаемому врагу.

– Мастерство не шапка, его не пропьешь, – заметил он, поморщился и прислонился к дереву. – Будь я проклят, если этот чертов меч не становится с каждым днем все тяжелее.

– Знаешь, тебе давно пора завязывать, – сказала лошадь. – Пора на пенсию. В твоем возрасте – и заниматься такими делами. Это неправильно.

Человек поднял глаза горе.

– Будь проклят этот чертов аукцион. Вот что бывает, когда покупаешь лошадь у волшебника, – произнес он, обращаясь преимущественно к холодному ветру. – Я смотрел тебе в зубы, я смотрел на твои подковы, но мне в голову не пришло *послушать*, что ты говоришь.

– А ты думаешь, кто с тобой торговался? – спросила лошадь.

Коэн-варвар продолжал стоять, прислонившись к дереву. Он не был до конца уверен в том, что сможет влезть на лошадь еще раз.

– Ты ведь, должно быть, припрятал где-нибудь гору сокровищ, – сказала лошадь. – Мы могли бы поехать на Край. Как тебе такая идея? Там тепло и хорошо. Найдем уютное местечко рядом с каким-нибудь пляжем, что скажешь?

– Какие там сокровища, – ответил Коэн. – Все потратил. Все пропил. Все роздал. Потерял.

– Тебе следовало отложить что-нибудь на старость.

– Никогда не думал, что *доживу* до старости.

– Когда-нибудь ты умрешь, – сказала лошадь. – Это может случиться даже сегодня.

– Я знаю. Зачем, по-твоему, я сюда приехал?

Лошадь повернулась и посмотрела вниз, в ущелье. Дорога была вся в ямах и трещинах. Сквозь камни проросли молодые деревца. По обеим сторонам стеной стоял лес. Через несколько лет никто и не поймет, что здесь была дорога. Да и сейчас понять это было затруднительно.

– Ты приехал, чтобы *умереть*?

– Нет. Но я должен совершить еще кое-что. У меня остался старый должок с тех пор, как я был пацаном.

— Должок?

Коэн снова попробовал принять вертикальное положение. Сухожилия на его ногах отозвались резкой болью.

— Мой отец... — выдавил он. Затем перевел дыхание. — Мой отец говорил мне... — Он снова перевел дыхание.

— Сынок, — пришла на помощь лошадь.

— Что?

— Сынок, — сказала лошадь. — Так отцы обращаются к своим мальчикам, когда хотят поделиться с ними житейской мудростью. Широко известный факт.

— Это — мое воспоминание.

— Извини.

— Он сказал: «Сынок...» Ну да, так он и сказал... «Сынок, если когда-нибудь ты сможешь сразиться с троллем один на один, тогда ты сможешь все, что угодно».

Лошадь смерила его непонимающим взглядом. Затем повернулась и снова посмотрела вниз, на дорогу на дне ущелья, вьющуюся меж деревьев. Дорога упиралась в каменный мост.

От него веяло каким-то ужасом.

Подковы нервно позвякивали на разрушенной дороге.

— Поехали на Край, — сказала лошадь. — Там тепло и хорошо.

— Нет.

— Зачем тебе убивать тролля? Что будет, если ты убьешь тролля?

— У меня будет мертвый тролль. В этом все и дело. Хотя мне не обязательно убивать его. Мне надо его просто победить. Один на один. А если я не посмею, мой отец перевернется в гробу.

— Ты же говорил, что он выгнал тебя из племени, едва тебе исполнилось одиннадцать.

— Это был его звездный час. Так я научился рассчитывать только на себя. А теперь иди-ка сюда.

Лошадь нехотя подошла. Коэн схватился за луку, с трудом распрямил спину и вскочил в седло.

— И в таком-то виде ты собираешься сражаться с троллем, — сказала лошадь.

Коэн пошарил в седельной сумке и вытащил кисет с табаком. Пока он сворачивал новую тощую цигарку, ветер хлестал его по лицу.

— Ну да, — сказал он.

— И ты забрался сюда именно ради этого.

— Именно, — подтвердил Коэн. — Когда ты в последний раз видела мост, под которым сидит тролль? Когда я был ребенком, их были сотни. А теперь в городах троллей как блох, а в горах их и след простыл.

Эти городские тролли такие жирные... Ради чего же мы вели все эти войны? Ну, хватит болтать... перейди-ка через этот мост.

То был одинокий мост через мелкую, бурлящую и коварную реку. Одного взгляда хватило бы, чтобы понять: в таких вот местах...

Что-то серое перепрыгнуло через перила и неуклюже приземлилось перед лошадью. В руках это что-то держало дубину.

– Так-так! – прорычало оно.

– Ну вот, началось... – простонала лошадь.

Тролль не поверил своим глазам. От неожиданности он моргнул. Холод и облачное зимнее небо серьезно уменьшали проводимость кремниевых мозгов тролля, так что ему понадобилось некоторое время, чтобы осознать, что в седле никого нет.

Тут он снова моргнул, поскольку неожиданно ощутил, что в его затылок уперлось острие кинжала.

– Привет, – произнес голос у него над ухом.

Тролль сглотнул. Очень осторожно сглотнул.

– Эй, послушай, – забормотал он в отчаянии. – Это же просто традиция, понимаешь? На таком мосту просто обязан быть тролль. И, кстати, – добавил он, когда ему в голову пришла следующая мысль, – почему я так и не услышал, как ты ко мне подкрался?

– Потому что я *неплохо* умею это делать, – сказал старик.

– Он говорит чистую правду, – подтвердила лошадь. – Людей, к которым он подкрался, куда больше, чем тех, кого тебе удалось напугать и сожрать на обед.

Тролль рискнул посмотреть по сторонам.

– Черт побери! – прошептал он. – Ты что же думаешь, ты – Коэн-варвар?

– А ты как думаешь? – спросил Коэн-варвар.

– Знаешь, – сказала лошадь, – если бы он не обернул колени мешковиной, ты узнал бы его по скрипу суставов.

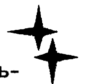
Чтобы переварить все это, троллю потребовалось еще какое-то время.

– *Не может быть!* – выдохнул он. – На *моем* мосту! Не может быть!

– Что? – спросил Коэн.

Тролль вывернулся из его объятий и отчаянно замахал руками.

– Да все в порядке, не беспокойся! – крикнул он, увидев, что Коэн наступает на него с мечом. – Ты меня победил! Победил! Я не спорю! Я просто хочу позвать свою семью, можно? Иначе мне никто не поверит. *Коэн-варвар!* На *моем* мосту!

Он расправил свои каменные плечи, его огромная грудь еще сильнее выдалась вперед.

– Мой проклятый шурин только и делает, что хвастается своим большим деревянным мостом, моя жена тоже только об этом и говорит. Ха! Хотел бы я видеть его рожу сейчас... Но постой! Что ты можешь обо мне подумать?

– Хороший вопрос, – сказал Коэн.

Тролль отбросил дубину и пожал человеку руку.

– Меня зовут Слюда, – заявил он. – Это такая честь для нас, ты не представляешь!

Тролль перегнулся через парапет.

– Берилл! Иди сюда! Возьми детей!

Он повернулся обратно к Коэну, его лицо светилось от счастья и гордости.

– Берилл постоянно твердит, что нам надо переехать, найти что-нибудь получше, а я ей отвечаю, что это наш семейный мост. Уже столько поколений под Мостом Смерти сидит тролль. Это традиция.

Огромная троллиха с двумя троллятами на руках поднялась по склону, ее сопровождал выводок троллят постарше. Они выстроились за спиной отца и уставились на Коэна.

– Это – Берилл, – сказал тролль. Берилл сердито смотрела на старика. – А это... – Тролль подтолкнул вперед хмурую маленькую копию самого себя, сжимающую в руках юношеский вариант дубинки. – Это мой сынок Щебень. Он настоящий кремень! Сядет под мостом, когда я умру, верно, Щебень? Посмотри, сынок, это – Коэн-варвар! Мог ты об этом подумать? На *нашем* мосту! К нам шастают не только богатые, толстые, лоснящиеся купцы, как к твоему дяде Пириту, – сказал тролль, все еще обращаясь к сыну, но при этом улыбаясь жене. – К нам приходят настоящие герои, как встарь.

Троллиха осмотрела Коэна с головы до ног.

– Он богат? – спросила она.

– Богатство тут совершенно не при чем, – сказал тролль.

– Ты собираешься убить папу? – с подозрением спросил Щебень.

– *Ну, разумеется!* – строго сказал Слюда. – Это его работа. А потом я прославлюсь в песнях и сказаниях. Это же Коэн-варвар, а не какой-нибудь деревенский козел с вилами. Он – знаменитый герой, проделавший долгий путь, чтобы увидеть нас, так что надо встретить его, как подобает.

– Извините, сэр, – обратился он к Коэну. – Нынешние дети. Уж вы-то понимаете.

Лошадь захихикала.

– Тут вот какое дело... – начал Коэн.

– Помнится, отец рассказывал мне о вас, когда я был еще камешком, – сказал Слюда. – Он говорил, вы попираете мир, словно клосс.

Все замолчали. Коэн размышлял о том, что значит слово «клосс», и чувствовал на себе каменный взгляд Берилл.

– Да это же просто какой-то старикашка! – наконец сказала она. – Не вижу, что в нем такого особенного. Если он настолько хорош, то почему не *богат*?

– Послушай-ка... – начал Слюда.

– И это вот его мы тут дожидались?! – продолжала возмущаться его жена. – Ради него все время сидели под протекающим мостом? Ждали людей, которые никогда не придут? Ждали маленьких кривоногих старикашек? Говорила мне мама... А ты, значит, хочешь, чтобы наш сын сидел под мостом, пока какой-нибудь старикашка его не убьет? Ради этого, значит, тролли и живут? Нет уж, такого не будет!

– Но послушай...

– Ха! К Пириту старикашки не ходят! К нему ходят большие и толстые купцы! Пирит кое-что из себя представляет. Тебе следовало отправиться к нему, когда у тебя был шанс!

– Да я лучше червяков буду есть!

– Червяков? Ха! Когда мы в последний раз могли позволить себе червяков?

– Мы могли бы поговорить? – спросил Коэн.

Он пошел к другому концу моста, размахивая мечом. Тролль поплелся за ним.

Коэн достал кисет, взглянул на тролля и протянул ему мешочек.

– Курить будешь?

– От этого зелья ты можешь отдать концы, – сказал тролль.

– Да. Но не сегодня.

– Нечего тебе там стоять, чесать языком с людьми, от которых не будет прока! – проревела Берилл. – Сегодня твоя очередь идти на лесопилку! Ты же знаешь, Сланец сказал, что уволит тебя, если ты не начнешь относиться к работе серьезно!

Слюда печально улыбнулся Коэну.

– Она так обо мне заботится, – сказал он.

– Я не буду больше вытаскивать тебя за шиворот из-под моста! – зарычала Берилл. – Расскажи ему лучше о козлятах, мистер Главный Тролль!

– Козлятах? – переспросил Коэн.

– Не понимаю я, при чем тут козлята, – сказал Слюда. – Она все

время говорит про каких-то козлят*. Я не понимаю, что она хочет сказать. – Он поежился.

Берилл и троллята спустились к берегу реки и ушли под мост.

– Тут такое дело, – сказал Коэн, когда они остались одни. – Я ведь не собирался тебя убивать.

На лице тролля отразилась глубочайшая печаль.

– Как?

– Я хотел просто сбросить тебя с моста и отобрать сокровища.

– Правда?

Коэн похлопал его по спине.

– В любом случае, – сказал он, – я рад видеть тролля с... хорошей памятью. Это то, что нам нужно. Хорошая память.

Тролль встал по стойке «смирно».

– Я пытался сделать все, что в моих силах, сэр, – отрапортовал он. – Мой сын хочет уйти работать в город. Я говорил ему, что тролли жили под этим мостом почти пять сотен лет...

– Собственно, если ты отдашь сокровища, – сказал Коэн, – я отправлюсь восвояси.

Лицо тролля исказилось.

– Сокровища? Да у меня ничего нет!

– Да ну! – не поверил Коэн. – Под таким отличным мостом?

– Мост-то отличный, но этой дорогой больше не пользуются, – сказал Слюда. – Ты – первый проезжий за много месяцев, можешь мне поверить. Берилл говорила, что я должен перебраться к ее брату, когда построили новую дорогу через его мост, но... – Он возвысил голос. – Я сказал ей, что тролли жили под этим мостом...

– Да-да, – перебил Коэн.

– А камни все сыплются, – сказал тролль. – Ты и представить себе не можешь, сколько дерут каменщики. Чертовы гномы. Им нельзя доверять. – Он наклонился к Коэну. – Сказать по правде, мне приходится три дня в неделю работать на лесопилке у шурина, чтобы сводить концы с концами.

– Я думал, у твоего шурина мост, – сказал Коэн.

– У одного из них. Но у моей жены братьев, как у собаки блох. – Тролль мрачно воззрился на водный поток. – Один торгует бревнами в Гнилой заводи, другой держит мост, а самый большой и толстый –

---

* Имеется в виду скандинавская сказка. Три козленка переходили через мост, под которым жил тролль. И каждый говорил ему: «Съешь моего брата, а меня пропусти. Он толще и вкуснее». Последний козленок действительно оказался толще прочих. Поэтому он без труда скинул тролля с моста (прим. ред.).

купец в окрестностях Горького пика. Разве такое занятие – для тролля?

– Но один-то все же держит мост, – сказал Коэн.

– Держит мост? Весь день сидит в будке и берет с людей по серебряной монете за проход. А половину времени его там просто нет! Он платит какому-то гному, который собирает деньги. И после этого он смеет называть себя троллем! Да его не отличишь от человека, пока не подойдешь поближе.

Коэн понимающе кивнул.

– Так вот, – сказал тролль, – каждую неделю мне приходится сниматься с места, чтобы пообедать вместе с ними. Со всеми тремя! Приходится выслушивать их разговоры о том, что времена изменились...

Он повернул свое большое печальное лицо к Коэну.

– Чем плохо быть троллем, который сидит под мостом? – спросил он. – Я был рожден, чтобы стать троллем, который сидит под мостом. Я хочу, чтобы Щебень стал троллем, который сидит под мостом, после того, как я умру. Что в этом неправильного? Должны же быть тролли, которые сидят под мостами. Иначе какой смысл? Для чего все это?

Они угрюмо оперлись о парапет, глядя на бурлящую воду.

– Знаешь, – медленно произнес Коэн, – я помню времена, когда можно было проехать всю дорогу отсюда до Острых гор и не встретить ни одной живой души. – Он погладил меч. – По крайней мере, не встретить ни одной живой души дважды.

Коэн выбросил окурок в реку.

– А теперь тут везде фермы. Маленькие фермы, на которых живут маленькие люди. И повсюду *заборы*. Куда ни глянь, фермы, заборы и маленькие люди.

– Она, конечно, права, – сказал тролль, продолжая какой-то внутренний монолог. – Просто сидеть под мостом бесперспективно.

– Я что хочу сказать, – уточнил Коэн. – Я ведь ничего не имею против ферм. Да и против фермеров. Они необходимы. Просто раньше они жили где-то далеко, на краю света. Теперь край света *здесь*.

– Что-то я отстал от других, – сказал тролль. – Отстал от времени, а оно и вправду меняется. Как мой шурин Сланец. Лесопилка! *Тролль* держит лесопилку! Видел бы ты, что он сотворил с Тенистым лесом!

Коэн поднял на тролля удивленный взгляд.

– Это тот, где гигантские пауки?

– Пауки? Нет там больше пауков. Одни пеньки.

– Пеньки? *Пеньки*? Мне нравился тот лес. Он был... мрачным. Теперь уж не найдешь настоящего мрачного леса. В таком лесу понимаешь, что такое страх.

– О мрачном лесе мечтаешь? Там теперь ель подрастает, – сказал Слюда.

– Ель!

– Это была не его идея. Он одно дерево от другого не отличит. Это все Глина. Это он ему посоветовал.

У Коэна закружилась голова.

– Какой еще Глина?

– Я же говорил, что у меня три шурина, так? Глина – купец. Он сказал, что засеянную землю будет легче продать.

Последовала долгая пауза – Коэн переваривал услышанное. Затем он сказал:

– Тенистый лес нельзя продать. Он ничей.

– Точно. Глина сказал, что именно поэтому его и можно продать.

Коэн стукнул кулаком по парапету. В поток полетели камни.

– Извини, – сказал он.

– Ладно уж. Камни все время падают.

Коэн повернулся к троллю.

– Что происходит? Я помню все великие войны, которые были встарь. А ты? Ты ведь должен был в них участвовать.

– Ну да, сражался вот с этой дубиной в руках.

– Говорили, что все это было ради светлого будущего, закона и порядка. Так говорили люди.

– Ну, я-то пошел на войну потому, что мне приказал большой тролль с кнутом, – осторожно произнес Слюда. – Но я понимаю, о чем ты.

– Я к тому, что все это было не ради ферм и елок. Не так ли?

Слюда покачал головой.

– А тут еще я со своим мостом. Я ведь хотел, чтобы все было как надо, мне правда жаль, – сказал он. – Ты проделал такой путь...

– А еще я помню, был какой-то король, – произнес Коэн, рассеянно глядя на воду. – И еще, кажется, были какие-то волшебники. Но точно был какой-то король. Я совершенно уверен, что был король. Хотя никогда с ним не встречался. Знаешь что? – Он улыбнулся троллю. – Я не могу припомнить, как его звали. Мне кажется, я вообще не знал, как его звали.

Спустя полчаса лошадь Коэна выбралась из угрюмого леса на открытую, продуваемую всеми ветрами равнину, поросшую вереском. Проехав немного, она сказала:

– Ну ладно... сколько ты ему дал?

– Двенадцать золотых, – ответил Коэн.

– Зачем ты дал ему двенадцать золотых?

– У меня больше не было.

– Ты, должно быть, сошел с ума.

– Когда я только-только подался в герои-варвары, – сказал Коэн, – под каждым мостом сидел тролль. И никто не мог проехать через лес без того, чтобы дюжина гоблинов не попыталась отхватить ему голову. – Он вздохнул. – Мне интересно, что же с ними со всеми сталось?

– Ты их перебил, – сказала лошадь.

– Хорошо, пусть так. Но мне всегда казалось, что обязательно найдется еще хотя бы парочка. Всегда казалось, что обязательно найдется еще хотя бы парочка неразведанных мест.

– Сколько тебе лет? – спросила лошадь.

– Не знаю.

– Достаточно много, чтобы знать, как все обстоит *на самом деле*.

– Ага. Ты права. – Коэн закурил новую сигарету и закашлялся так сильно, что у него из глаз полились слезы.

– Подвинулся рассудком!

– Точно.

– Слыханное ли дело – отдать троллю свой последний доллар!

– Ну да. – Коэн выпустил струю дыма в сторону заката.

– За что?

Коэн посмотрел на небо. Закатное солнце полыхало, как тысяча пожаров. Ледяной ветер пронесся по степи, развевая то, что осталось от его былой шевелюры.

– За то, что он знает, как надо, – сказал он.

– Ха!

– За то, что он помнит, как было.

– Ха!

Коэн опустил взгляд. Ухмыльнулся.

– Ну, и за то, что подсказал мне три адреса. Когда-нибудь я умру, – сказал он, – но, мне кажется, не сегодня.

С гор дул ветер, в воздухе плавали маленькие кристаллики льда. Было слишком холодно, чтобы мог идти снег. В такую погоду в деревни приходят волки, а в лесной чаще лопаются от мороза деревья. Правда, в наши дни волков становится все меньше и меньше, да и деревьев тоже.

В такую погоду здравомыслящие люди сидят дома у огня.

Рассказывают истории о героях.

Перевод Владимира Обручева

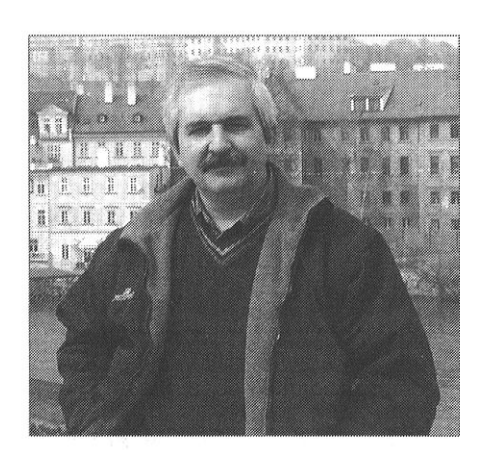
БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

Владимир Баканов:

«В перевод я пришел по любви»

На конференции «Басткон-2003», которая пройдет 24—26 января под Москвой, будет работать семинар переводчиков под руководством Владимира Баканова — крайне актуальное начинание в свете удручающего качества большей части издаваемых ныне переводов фантастики. А в нынешнем номере «3Д» дебютировала рубрика «Bakanov's choice», вести которую, ясное дело, будет опять-таки Владимир Игоревич, известнейший профессионал перевода, учредитель издательства «Титул». Самое время побеседовать с ним о жизни и о фантастике.

— **Как случилось, что подающий надежды химик, выпускник Московского института химического машиностроения, инженер, затем преподаватель распрощался со стезей технаря и ушел в переводчики?**

— Еще на первых двух курсах я активно переводил и писал свое. Потому вбил себе в голову, что МИХМ не для меня. Где нужно учиться будущему писателю? Разумеется, в Литературном институте. Я сделал все, чтобы уйти из МИХМа, но меня не выгоняли. У меня было какое-то рекордное количество прогулов, но меня все равно допускали к экзаменам, потому что я был секретарем курсового комсомольского бюро. В конце второго курса я просто не пошел на экзамены. Меня отчислили, и я загремел в армию. За два года из меня выбили дурь. Я вернулся из армии и благополучно восстановился на третьем курсе...

— Вы мечтали быть писателем, а стали переводчиком. Почему?

– У меня есть десяток рассказов, которые читали, скажем, Боря Руденко, Василий Головачев... судя по их отзывам, им нравилось. Однако... продолжалось это недолго. То ли своего рода безумие было, то ли гормоны играли, но рождались сумасшедшие идеи, интересные сюжеты; потом все прошло. Очень многие пытались писать стихи, но гениальных поэтов мало. Большинство вменяемых людей ловят себя на слабости, на заимствованиях и смиряются. Это произошло и со мной: я сам себя критиковал и сам на себе поставил крест как на писателе. В то время было так много интересных вещей англо-американских авторов, мне так хотелось поделиться этими произведениями с друзьями, что я начал переводить... Потом, уже где-то на рубеже 80–90-х, количество текстов, способных меня увлечь, резко упало. Возможно, изменился я сам. А тогда пользовался всеми способами, чтобы достать английскую и американскую фантастику, отдавал всю стипендию «жучкам», торговавшим привозной литературой...

— Тогда — это...

– Начало 70-х. Я переводил очень много, в основном – в стол. Мне и в голову не приходило кому-то это предложить для печати. Совершенно случайно я познакомился с Михаилом Ковальчуком, лучшей частью критика Вл. Гакова. Он, собственно, и свел меня с замечательным писателем Романом Григорьевичем Подольным, который тогда заведовал отделом в журнале «Знание – сила». Подольный прочитал мои переводы, дал дельные советы... Судя по его отношению, я понял, что переводы небезнадежны. Почему бы не попробовать их опубликовать? В 1978 году случилась первая публикация. Постепенно я ушел в это с головой, и карьера химика перестала быть актуальной. Когда у меня был уже некоторый опыт работы с журналами, я обратился в издательство «Мир», которое тогда публиковало две-три книги англо-американской фантастики в год. Первый ответ был очень забавен. Подписали его в редакции научно-фантастической литературы, с ней у меня впоследствии сложились очень теплые отношения... Но в ту пору мне ответили: «Уважаемый товарищ Баканов! Мы не печатаем рассказы, которые прославляют конец света, атомную войну и пророчат гибель человечеству». Правда, все рассказы, которые я тогда им послал, были потом благополучно напечатаны в том же издательстве «Мир»... Еще в письме было сказано, что со мной нельзя сотрудничать, потому что у меня нет специального языкового образования. Но через год этот вопрос почему-то уже не вставал.

— А откуда у вас знание языков?

– Где-то в классе шестом-седьмом мне в руки попала американская книжечка, на обложке которой в луже собственной крови лежала полуобнаженная блондинка, а над ней – силуэт в сером плаще и с пистолетом. Микки Спиллейн, «Мой револьвер быстр»...

— У-у-у...

– Вот и у-у-у. Эта книжка – моя первая любовь, я ее перевел страстно, а потом, уже в достаточно отдаленном будущем, опубликовал перевод. Тогда именно из-за обложки я потратил на книжку полгода, читал со словарем, расширил словарный запас в 20 раз и навсегда заболел этим ремеслом. Кстати, когда выдалась возможность напечатать Спиллейна... Это было уже в перестроечные годы, я работал в одном журнале, который начал публиковать художественную литературу. Естественно, у меня появилась мысль для увеличения тиража напечатать боевик. Главный редактор прочитал роман, страшно ему все понравилось за одним исключением. Он сказал: «Плохое название. Какое-то неудачное. И, главное, опасное. Сделаем хорошее кассовое название». Роман вышел в трех номерах журнала под очень оригинальным названием – «Один против стаи»...

— Если я правильно понимаю, 80-е — начало 90-х были временем вашего расцвета в ремесле.

– Наверное. Я тогда много переводил, сотрудничал со многими журналами, издательствами. Понимаете, фантастика считалась чем-то вроде гетто, а уж перевод в фантастике...

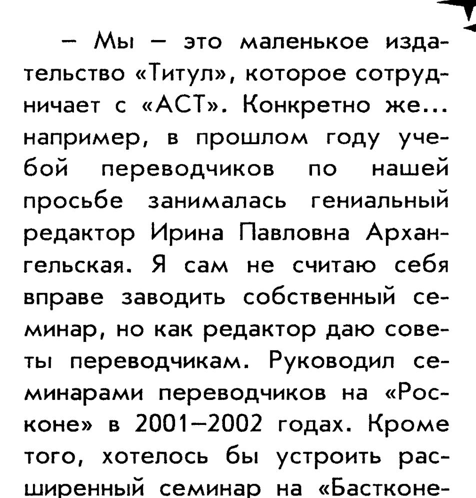
— Гетто в гетто?

– Да. Самое неуважаемое занятие. Своего рода «признанием заслуг» стало приглашение участвовать в переводе мэйнстримовских авторов в издательствах «Прогресс», «Радуга». Это был уже другой уровень. Тогда я переводил Оутс, участвовал в сборнике «Современная американская новелла», пополам с Ириной Гуровой перевел роман Коззенса «Почетный караул» и так далее.

— Какого рода авторов вы предпочитаете переводить?

– Я люблю работать с текстами Альфреда Бестера, Филипа Дика... Горжусь переводами этих авторов. Я неравнодушен к писателям, чей стиль в чем-то созвучен мне самому. Это должен быть темпераментный, насыщенный эмоциями текст. Когда я переводил роман Бестера «Тигр! Тигр!», там оказался настолько необычный герой – неуравновешенный, взрывной человек, – что мне перед началом работы приходилось выпить полбутылочки чего-нибудь... В состоянии среднего алкогольного опьянения легче было «входить» в этот роман, улавливать ритм героя. Чуть не спился за полгода перевода.

— Ваше мнение о современном состоянии перевода в фантастике?

— Так как я пришел в перевод по любви, а по роду деятельности имею сейчас каждодневное касательство к этому ремеслу, я очень остро переживаю непрофессионализм большинства современных переводчиков. Тем более когда они переводят вещи симпатичные... Не хотелось бы их портить, напротив, желательно, чтобы они выигрывали от перевода, чтобы они играли на солнышке, как бриллиантики. Но, к моему удивлению, мощные издательства в массовом порядке не занимаются обучением переводчиков, не повышают их средний уровень. Я говорю сейчас о книжных издательствах, потому что они мне ближе. На самом деле то, что творится с переводами видеофильмов, на телевидении — это еще похлеще: публика без конца спотыкается на переводческих перлах... Рассыпалась прежняя система школ перевода советских времен, когда каждый переводчик просто обязан был посещать семинар у какого-то мэтра в течение нескольких лет. Там очень внимательно занимались тонкостями перевода и учили, учили многому... Помимо таланта, существуют стандартные профессиональные рекомендации, приемы, которые необходимо знать и которым учатся достаточно долгое время. Теперь этим не занимается никто. Мы — по мере наших слабых сил — попытались организовать учебу переводчиков...

— Мы — это кто?

— Мы — это маленькое издательство «Титул», которое сотрудничает с «АСТ». Конкретно же... например, в прошлом году учебой переводчиков по нашей просьбе занималась гениальный редактор Ирина Павловна Архангельская. Я сам не считаю себя вправе заводить собственный семинар, но как редактор даю советы переводчикам. Руководил семинарами переводчиков на «Росконе» в 2001—2002 годах. Кроме того, хотелось бы устроить расширенный семинар на «Бастконе-2003». Я договорился с несколькими очень опытными переводчиками, которые могли бы играть роль преподавателей...

— Что вы переводили в последнее время?

— В ноябре выходит мой перевод последнего романа Филипа Дика «Свободное радио Альбемута». Сложная работа со сложным произведением; текст насыщен знаниями из таких областей, как философия, религия. Он изобилует персоналиями, которые надо разыскивать. Причем автор может запросто упомянуть о каком-нибудь профессоре Университета Беркли, с которым он был знаком. Профессор не фигурирует ни в одном справочнике, но в то время, скажем в 1985-м, его религиозные воззрения были популярны у профессуры Беркли. Важно не пропустить, не выбросить его, а понять, что он такое. И тогда это имя заиграет... Филип Дик

– великолепный знаток философии и религиоведения, его тексты очень плотно нагружены именами, событиями, научными концепциями. «Свободное радио Альбемута» – не исключение. Кроме того, это роман во многом автобиографический. Часть текста написана от лица писателя-фантаста Фила Дика. Он вспоминает свою молодость, вспоминает, почему его стали считать наркоманом... Другая часть политизирована – в советское время она, разумеется, не могла быть опубликована. Но главное там – не политика. Это роман о жизни и смерти, о порядочности, о любви и о предательстве, в нем трагическая концовка: читаешь, и невольно наворачиваются слезы. Безусловно незаурядная вещь, написанная для интеллектуалов.

Беседовал
Дмитрий Володихин

Рецензии

Гурман на пути к совершенству

Лукьяненко С. Спектр: Роман. – М.: АСТ, 2002. – 496 с. – (Звездный лабиринт). 76 000 экз. (п) ISBN 5-17-014364-8

Новый роман Сергея Лукьяненко вполне вписывается в контекст постмодернистской литературы с ее стремлением к цитированию и формированию многоуровневого ассоциативного ряда. Сердца любителей фантастики наверняка согреет ассортимент маленького бара на далекой планете Прерия-2: здесь подаются коктейли «Попытка к бегству» и «Выбраковка», «Кольцо тьмы» и «Волчья натура», «Стеклянное море» и «Линия грез»... Для тех, кто в танке, поясню, что это названия произведений А. и Б.Стругацких, О.Дивова, Н.Перумова, В.Васильева и самого С.Лукьяненко. Однако подобная орнаментация, украшая текст, вовсе не является его самоцелью и главным содержанием.

Ключ к композиционной структуре книги – слова мнемотехнического правила «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Если у Павича был роман-словарь и роман-кроссворд, то Лукьяненко написал роман-спектр. Его герой, частный детектив Мартин Дугин, путешествующий с планеты на планету при помощи загадочных Врат (в Москве зашел – где-нибудь в звездных далях вышел, космических кораблей Лукьяненко на сей раз старается избегать), по роду своей деятельности ищет должников и

исчезнувших жен. Распутывая очередное дело, он посещает семь миров, каждый из которых – метафорически или буквально – соответствует одному из цветов радуги. Такая композиция вызывает мистические ассоциации. Утверждение о многозначности числа «7» и его цветовой «наполненности» не ново: за ним стоят теории совершенствования человеческого духа и самопознания. Недаром первый мир, в который попадает сыщик, соответствует «красному» (наиболее приземленному цвету), а последний – «фиолетовому». Симптоматичен и «белый» цвет эпилога, указывающий на высшую степень духовного развития.

Однако совершенствование это, зашифрованное в гамме цветов, достаточно иносказательно и абстрактно. Мартин, по жизни гурман (к нежным устрицам – только белое французское, и никак иначе!), немного философ и просто хороший человек, ни лучше, ни хуже в процессе повествования не становится. И все-таки совершенствование имеет место. Герой проходит свои ступени посвящения – как и любой, путешествующий через Врата. «Ключники», которые их охраняют, пропускают на другую сторону лишь тех, кто способен к саморазвитию. На каждой планете, куда попадает герой, он узнает что-то новое о себе и о мире, в этом и состоит его посвящение. Путешествие как аллегория самопознания – сюжет вполне традиционный, но вербализуется он не так уж часто...

Если бы еще не были так банальны истории, которые Дугин рассказывает «ключникам» в качестве уплаты за проход... Хотя это уже особенности личного восприятия – вполне возможно, другим читателям они понравятся.

Августа Косарева

Выдумка чистой воды

Романецкий Н. Искатели жребия: Роман. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 480 с. – (Абсолютное оружие). 10 000 экз. (п) ISBN 5-699-00326-6

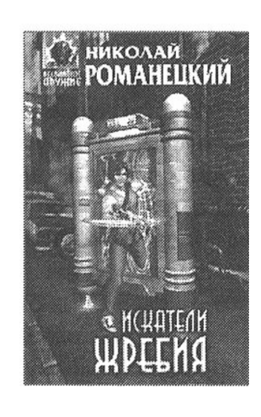
Вот уже десять лет с гаком на моей книжной полке стоит двухтомник «Выдумки чистой воды». Год выпуска – 1990-й, издательство – «Молодая гвардия», составлен по материалам семинара фантастики, работавшего в рамках IX Всесоюзного совещания молодых писателей (Москва, 1989). «Искателей жребия» Николая Романецкого я пристрою, скорее всего, где-

нибудь рядом: именно повесть «Казаки-разбойники», вошедшая в тот памятный двухтомник под грифом «Школа Ефремова», легла в основу первой части этого романа...

Ах, какое это было время – конец 80-х – начало 90-х! Какие мировоззренческие проблемы поднимались на совещаниях и семинарах, какие авторитеты ставились под сомнение, какие литературные войны гремели – не чета нынешним! Это сегодня, с холодной головой оглядываясь назад, мы осознаем, сколько полезного для отечественной фантастики сделало Всесоюзное творческое объединение молодых писателей-фантастов, представлявшееся тогда этаким жупелом, монстром. Николай Романецкий, член семинара Бориса Стругацкого и вполне сложившийся представитель «петербургской школы», прекрасно понимал это уже 13 лет назад. И, надо сказать, не он один: с «Казаками-разбойниками» соседствуют произведения Александра Силецкого, Льва Вершинина, Леонида Кудрявцева... Эти имена весомо звучат до сих пор.

«Казаки-разбойники», на мой взгляд, не самая сильная вещь Романецкого. И все же есть тут нечто, заставившее писателя годы спустя вернуться к этой повести. Извечная проблема отцов и детей останется актуальной всегда, независимо от того, прячутся ли подростки от приставучих и скучных взрослых на «замороженной» стройке или в некоем виртуальном пространстве. То же самое касается любви в супружестве – судьба вселенной от ее сохранения, конечно, зависит не часто, но сталкиваются с этой проблемой многие. Так что интерес к книге определенной группы читателей гарантирован. Кстати, Романецкий дает и несколько ценных практических советов – даром что писатель-фантаст.

И все же годы, минувшие со времен выхода «Выдумок чистой воды», не прошли для автора бесследно. Как ни старался Романецкий сгладить это ощущение, как ни шлифовал стыки, то, что части «Искателей жребия» написаны в разные периоды, бросается в глаза. Изменился антураж, на смену псевдонаучным объяснениям пришла терминология из области эзотерики, гораздо откровеннее стали «постельные» сцены... Но в первую очередь выдает писателя стиль: предложения, короткие и простые в начале книги, постепенно делаются все более замысловатыми, усложняется сюжетная канва. Из категории «чтение для умных подростков» произведение как-то незаметно переходит в категорию литературы для взрослых. Прежде всего – для мужчин, ибо герой Романецкого вполне себе «мачо», пусть и не лишенный интеллигентских комплексов. Выдающийся

психолог, начальник отдела аномалий Социологической комиссии – и при этом умелый боец, любящий муж двух жен (в обществе будущего официально разрешена полигамия), отец нескольких детей... Фигура весьма колоритная. Впрочем, подозреваю, женщины тоже найдут в этой книге несколько любопытных моментов – по крайней мере, те из них, кто всерьез интересуется психологией «сильной половины» человечества.

Василий Владимирский

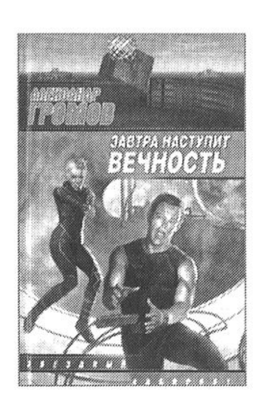
На кого наступит вечность?

Громов А. Завтра наступит вечность: Роман. – М.: АСТ, 2002. – 366 с. – (Звездный лабиринт). 10 000 экз. (п) ISBN 5-17-015259-0

Общеизвестно, что Александр Громов предпочитает работать в области твердой НФ. Роман «Завтра наступит вечность» и есть та самая твердая НФ с приключенческой подкладкой. Та самая, да не совсем. На этот раз Громов не злоупотребляет игрой в научную достоверность, воздерживаясь от подробного рассказа о появлении загадочных артефактов в вечной мерзлоте якутской лесотундры, равно как и от рационального объяснения принципов их работы.
Самовоспроизводящиеся генераторы и приемники энергошнура, на который можно подвесить кабину лифта и отправить людей и грузы на Луну; «кошачий лаз» в неизвестные миры (ближе к концу книги появятся огромные Врата, открывающиеся непонятно куда) функционируют – этого вполне достаточно. Процессы знакомые, НФ-классиками давно и неоднократно описанные. Вспомним хотя бы аналогичную лотерею с перемещениями в неизвестность, о которой говорится в романе Фредерика Пола «Врата», космический лифт сэра Артура Кларка, «Гиперболоид инженера Гарина» нашего соотечественника Алексея Толстого. Технический стержень для построения сюжета имеется, а воображения автору не занимать... Два предприимчивых геолога, нашедшие комплекс артефактов, создают государство в государстве – Корпорацию, которая нещадно эксплуатирует чудесные дары природы (или презент от пришельцев, не суть важно). Широчайшие возможности Корпорации не дают покоя государству в лице его силовых структур. Начинается схватка за обладание «deus ex machina» – схватка, в которой все средства хороши, вплоть до подсаживания человеку ментоматрицы искусственно созданной личности...

В центре событий оказывается технический гений-самородок, шалопай и нигилист Святополк Горелкин, бывший сотрудник НИИ, нежно любящий и

чувствующий аппаратуру, которая отвечает ему взаимностью, безотказно функционируя в его присутствии. Имея прирожденные задатки лидера, ум, не зашоренный подобострастным уважением к чужим авторитетам, владея колобком-Привратником, запросто открывающим Врата в чужие миры, Святополк толком не решил еще, как всем этим богатством грамотно распорядиться. Читать о злоключениях Горелкина на Земле, на невидимой орбитальной станции «Гриффин» (отсылка к «Человеку-невидимке» Герберта Уэллса), на планете-прииске Клондайк и в симпатичном, но чрезвычайно опасном мире под названием Надежда, безусловно, интересно...

Но Громов не был бы Громовым, если бы бездумно гнал своего героя через испытания, не ставя перед ним и перед читателем важные и сложные вопросы. Возможно ли экономическое и политическое сосуществование государства и структур, подобных Корпорации? Как правильно, с умом и пользой для всех использовать колоссальные возможности, находящиеся в распоряжении Свята Горелкина? А самое главное, сможет ли он жить в согласии с самим собой и примириться с памятью о прошлом? Это не фигура речи, имеется в виду память о конкретном прошлом человека совершенно иных, чем у Горелкина, установок и убеждений – специального агента ФСБ Олега Берша, которым наш герой когда-то был.

Финал, как это часто бывает у Громова, открыт. Поразмышляв над прочитанным, читатель сам найдет все ответы. Если захочет, конечно.

Владимир Ларионов

Между кощунством и благочестием

Хаецкая Е. Бертран из Лангедока; Мракобес: Повести. – М.: АСТ, 2002. – 429 с. – (Заклятые миры). 7000 экз. (п) ISBN 5-17-015303-1

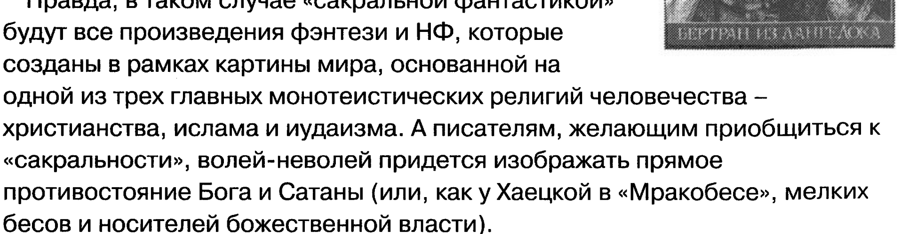
Книга Елены Хаецкой издана в серии фэнтези. Однако от классической фэнтези в любой ее форме – хоть «говардовской», хоть «толкиновской» – ее произведения далеки. Это, скорее, исторические реконструкции, автор которых стремился в максимальной степени приблизить свое мировидение к средневековому. Тому самому, о котором иронично говорит персонаж фильма «Сталкер»: *«В каждой церкви жил Бог, в каждом болоте – черт».* Удалось ли это Хаецкой? Мне кажется, да, удалось.

Однако при всем богатстве изобразительных средств, при всем

своеобразии языка в повестях все же подкачал сюжет. Ведь при таких усилиях, которых потребовало, скажем, создание «Бертрана из Лангедока», ограничиться историей о том, как один феодал у другого замок украл, просто странно. Тем паче что читатели, обладающие минимумом знаний об эпохе и местности, сразу же начинают ждать, что вот-вот начнутся Альбигойские войны, сейчас станет ясно, зачем огород городился, сейчас этот Бертран что-нибудь героическое выкинет... Но в итоге так ничего и не происходит. Десятилетия борьбы католичества и альбигойства в Лангедоке оказываются вырезаны из биографии главного героя.

Во второй повести событий побольше: все-таки персонажи находятся в самой гуще религиозных войн XVI века. Но при этом книга словно не завершается, а обрывается. Невнятно выписанный финал оставляет читателя в недоумении: вроде бы писал автор историю инквизитора Иеронимуса фон Шпейера, писал, а потом ему надоело. Ограничилась Хаецкая намеком на то, что все главные герои попали на тот свет, где каждый получил по делам своим, – и поставила точку.

Тут я не могу не затронуть еще одну скользкую тему – «сакральную фантастику». Высказаться по этому поводу придется, памятуя и о позиции Елены Хаецкой, рассуждавшей в печати о «христианской фэнтези», и о взглядах Дмитрия Володихина, идеолога и апологета «сакральной фантастики». В некотором смысле Володихин прав, намекая в послесловии к книге, что произведения Хаецкой – ярчайший образец литературы данного направления.

Правда, в таком случае «сакральной фантастикой» будут все произведения фэнтези и НФ, которые созданы в рамках картины мира, основанной на одной из трех главных монотеистических религий человечества – христианства, ислама и иудаизма. А писателям, желающим приобщиться к «сакральности», волей-неволей придется изображать прямое противостояние Бога и Сатаны (или, как у Хаецкой в «Мракобесе», мелких бесов и носителей божественной власти).

Я не слишком компетентен в вопросах благочестия, но мне кажется, что авторы «сакральной фантастики» все-таки балансируют на узкой грани между искренним религиозным чувством и кощунством. Ведь одно дело – описывать в агиографических текстах реально совершавшиеся святыми чудеса, и совершенно другое – придумывать чудеса, которые **могли бы** совершить святые или даже Бог. Очень уж велик риск потерять над собой контроль и начать играть глуповатую роль ересиарха-самозванца.

Игорь Гонтов

Арбитмания

ДРАКУ ЗАКАЗЫВАЛИ?

Скандальчик с рукоприкладством на последнем «Страннике» маленьким грязненьким ураганом пронесся по Интернету. Информация стала достоянием пользователей едва ли не в режиме online. Нам подробно рассказали, при каких обстоятельствах матерые фантасты Сергей Л. и Владимир В. публично оскорбили действием чересчур пытливого (сильно доставал!) любителя фантастики и — по совместительству — сетевого тусовщика. Пострадавшим оказался юноша, широко известный в узких кругах по причине прихотливо выбранного им женского псевдонима — жест запоминающийся, но, безусловно, дурацкий. (Замечу в скобках, что, будучи человеком широких взглядов, я толерантно отношусь к геям и лесбиянкам и не вижу в трансвестии ничего крамольного. Если мужчине охота быть Мэри Шелли или, к примеру, женщине — Максом Фраем, то на здоровье. Другое дело, что примерять на себя имена реально существующих или существовавших людей — дурной тон; автор романа «Франкенштейн» или, допустим, режиссер фильма «Эмос и Эндрю» такого хамства не заслужили. Но это — к слову.) Сразу после упомянутого инцидента Сеть буквально разбухла от нытья оскорбленного Мэри и его братьев по разуму, причем во многих комментариях явно проглядывало возмущение-изумление товарища Саахова из «Кавказской пленницы»: типа, обыдно, клянусь, обыдно, ну, ничего не сдэлал, только спросить хотел! Вместо, понимаешь, разговора по душам — бенц по зубам и гвоздичка за ухо.

Не собираюсь в данном случае никого обвинять или оправдывать — ни побитого трансвестита, ни подогретых фантастов Л. и В. Охотно верю, что сетевой Мэри сам давно напрашивался на оплеуху (да кто бы отказался осуществить заветную мечту Джея и Молчаливого Боба?). Столь же легко могу поверить и в то, что непропорцио-

нальное смешивание фантастов Л. и В. с алкоголем порождает небезопасный для окружающих Молотов-коктейль.

Однако суть не в этом. Мордобой на «Страннике», как представляется, лишь проиллюстрировал кризис сегодняшнего фэндома в России и продемонстрировал всю ненормальность сложившихся к началу тысячелетия отношений между Читающими Фантастику и Пишущими Фантастику. Вулканы проблем сотрясают некогда ровный ландшафт. С одной стороны, положение, когда тень не желает знать свое место, выглядит идиотским – кто бы спорил? Но, с другой стороны, ситуация, когда Петеры Шлемили нынешнего разлива дубасят собственные звездные тени, – тоже клиника...

В начале 80-х, когда наш фэндом именовался КЛФ (то есть существовал в виде сети клубов любителей фантастики от Перми до Тавриды), это было явление больше общественное, нежели литературное. И когда чиновник в высоком кабинете зловеще сравнивал Гакова-Ковальчука с Валенсой, а КЛФ – с польской «Солидарностью», опасная гэбэшная аналогия не так уж сильно хромала. Фэнство было фрондой разной степени тяжести, кумиры фэнов официально признавались не-вполне-желательными персонами, за любовь к которым власти отплачивали фэнам мелкими гадостями (проработками в инстанциях, грозными газетными статейками, невыпуском за рубеж, ущемлениями по службе и т.п.). Диссидентство провоцировалось и издательской политикой: те, кого фэнам читать хотелось, были трудно досягаемы, их надо было отслеживать по тонким журнальчикам или даже вовсе перепечатывать со «слепых» ксерокопий. В качестве же книжных авторов сплошь и рядом культивировались «разнообразные не те». Однако навязать фэнам любовь к «молодогвардейской» макулатуре никто не мог. В КЛФ подбирался закаленный элитный читатель, знающий, что почем. Авторы дрянных НФ-книжечек, выпускаемых по идеологической разнарядке, хоть и получали неслабые гонорары от государства и хвалебные рецензии в государственных же СМИ, все-таки чувствовали себя самозванцами, калифами на час. Волны презрения от фэндома, существующего на полулегальном положении, докатывались до них. Недаром ведь, едва в России проклюнулись ростки демократии и рынка, большинство этих пузырей земли сгинули, как прошлогодний снег (кто теперь, в XXI веке, помнит фамилии Лапина, Фалеева, Де-Спиллера, Рыбина, Дмитрука, Подколзина, Чернолусского и иже с ними?). Вторая половина 80-х, годы начала перестройки и гласности, были самой счастливой эпохой для КЛФ. Запреты уходили в прошлое, границы открывались... Мечты сбывались одна за другой,

и первый «Волгакон» символично состоялся через несколько дней после поражения ГКЧП.

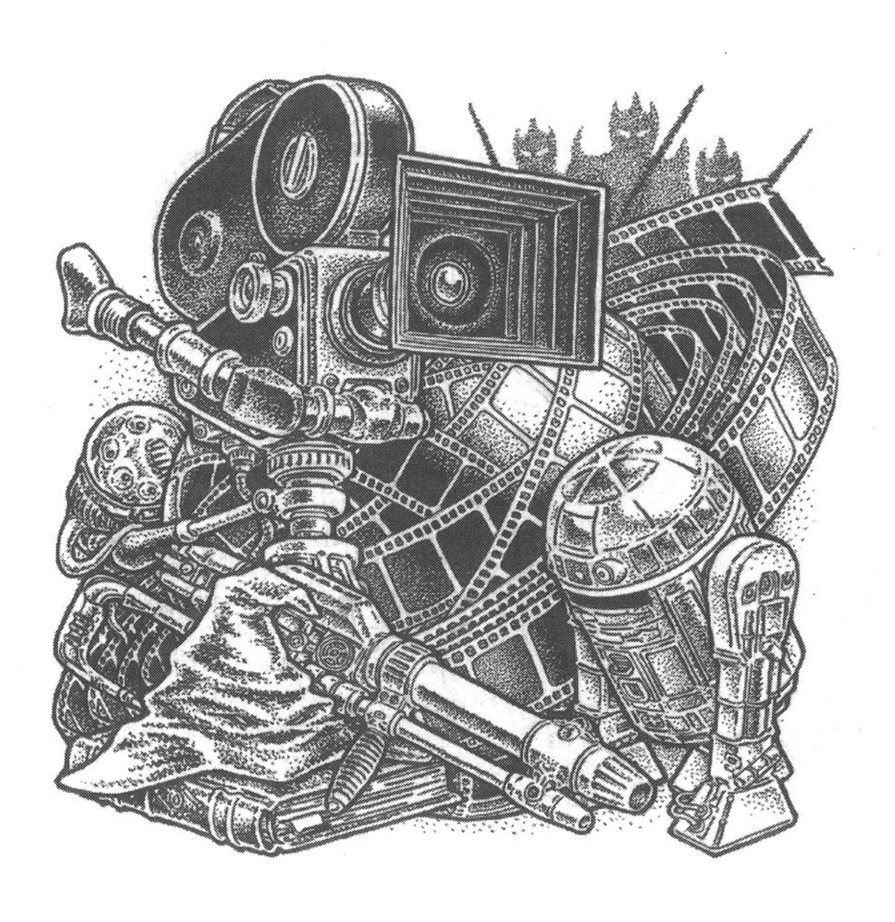
Демократия, впрочем, и погубила КЛФ – как погубила она многие другие атрибуты совка, вроде очередей или книгообмена по категориям. Из элитной отмобилизованной армии фэндом, разложившись, уже к середине 90-х превратился в помойку, в отстойник. Пассионарные бойцы КЛФ подались кто в писатели-профи, кто в издатели-профи, кто в политику, кто в бизнес, кто попросту умотал за рубеж. В опустелые ульи фэндома слетелись маргиналы, которых прежде гнали оттуда поганой метлой: толкинутые игрецы, шизофреники-тарелочники и, разумеется, многочисленная категория безбашенных фанатов, готовых стадно любить фантаста Васю Пупкина за то, что он вааще клевый Вася Пупкин. Последняя категория фэнов пришлась ко двору российским издателям фантастики и, как ни печально, многим пишущим SF & fantasy. Умным гиенам ротационных машин, прекрасно знакомым с законом Старджона («90 процентов того, что выпускается, полная фигня»), необходимо как-то распихивать продукцию своих словомельниц. Сегодняшний издатель заинтересован не в нормальных литературных критиках, а в бесплатных промоутерах товара; потому-то наиболее востребованная ныне фигура – порхающий по верхам восторженный любитель, этакий Питер Фэн, не способный повзрослеть (не меньше трети рецензий в «Книжном обозрении», больше половины рецензионного блока в «Если» и, увы, почти сто процентов в сборниках «Фантастика» – продукция вечно юных бородатых младенцев).

Понятно, что и большинство пишущих предпочитают восхищенную клаку придирчивым оппонентам. Беда, однако, в том, что оборотная сторона подобного культивированного фанатства – хамство, амикошонство, восприятие писателя как голема, который слеплен публикой из того, что было, и теперь обязан подчиняться ее агрессивному диктату. И это, боюсь, только начало процесса. В рассказе Кортасара «Мы так любили Гленду» описан финал такой системы отношений: кружок оголтелых фанатов актрисы настолько чтит ее творчество, что когда оно перестает их устраивать, поклонники решают Гленду «замочить» – дабы законсервировать ее талант в первозданности...

Ну хорошо, одного доставучего Мэри фантастам сегодня по силам отметелить. Но хватит ли сил на тысячи новых Мэрь? Не стоит ли Сергею Л. и Владимиру В. (и еще многим) серьезно подумать о телохранителях? Ведь искусство принадлежать народу требует, как и любое искусство, сами знаете чего. Особенно когда народ сами знаете какой.

Роман Арбитман

ПЛАНЕТА КИНО

Своими глазами

Сбить дракона

Власть огня (Reign of Fire). Производство «Touchstone Pictures», (США), 2002. Режиссер Роб Боумэн, сценарий Грегга Чабота, Кевина Петерки и Мэтта Гринберга. В ролях: Кристиан Бэйл, Мэтью Макконахи, Изабелла Скорупко. Слоган картины: «Борись с огнем при помощи огня». 101 мин. В российском прокате – с 5 сентября.

Какие только чудовища не угрожали существованию рода человеческого в кинофильмах – уэллсовские инопланетяне и динозавры, киборги и мутанты, зомби и гигантские пауки... В новой картине Роба Боумэна, известного по своей работе в телесериале «Секретные материалы», людям приходится сражаться с огнедышащими драконами. Когда-то те полностью истребили динозавров и погрузились в летаргический сон, ожидая, когда на Земле вновь появится достаточное количество пищи. Случайно разбуженные и выпущенные из катакомб, к 2020 году драконы благополучно уничтожили современную цивилизацию. Чудом избежавшие гибели люди могут выжить лишь двумя способами – укрывшись в каком-нибудь фортификационном сооружении или путешествуя с колонной военной техники и сбивая крылатых бестий из танков и вертолетов.

На подобном материале можно было сделать если не значительный фильм, то хотя бы впечатляющее шоу. Отдельные фрагменты картины действительно воспринимаются как находки – например, эпизод, в котором взрослые разыгрывают для детей в убежище сцену из «Звездных войн», или сюрреалистические панорамы многоэтажных руин Лондона. Однако создатели ленты так и не воспользовались большинством имевшихся возможностей. Многочисленные ружья, развешанные по всем

стенам, не сделали ни одного выстрела. Военную технику довольно быстро сожгли, и людям пришлось брать в руки проверенное, но уже наскучившее оружие из арсенала фэнтези и антиутопий – топоры и арбалеты. А затем началась типичная для коммерческого кино игра в поддавки. Например, после того, как героям становится известно, что всех драконьих самок оплодотворяет только один самец (странная, надо сказать, биологическая аномалия!), сюжет становится предсказуемым до тошноты: яснее ясного, что для всеобщей победы человечества нужно всего-навсего завалить Большого Босса, как в компьютерной игре-стрелялке...

Не менее досадны и другие сценарные промахи. К примеру, авторы фильма не задумываются, каким образом эволюция наградила драконов такой страшной огневой мощью, которая на порядок превосходит возможности их естественных врагов и, следовательно, изначально обрекает этот вид на вымирание после истощения пищевой базы. Отмахиваются создатели «Власти огня» и еще от одной немаловажной проблемы: где брать столько топлива для военной техники, если нефтедобывающие и перерабатывающие предприятия давно уничтожены? В результате начинавшийся как любопытная антиутопия в готических декорациях фильм к финалу все больше и больше вязнет в несообразностях и штампах, пока не погружается в них с головой.

Василий Мидянин

Рейтинг «ЗД» по пятизвездной шкале:

Манная каша на крови

Королева Проклятых (Queen of the Damned). Производство «Warner Bros.» (США) и «Village Roadshow Productions» (Австралия), 2002. Режиссер Майкл Раймер, сценарий Энн Райс, Скотта Эбботта и Майкла Петрони. В ролях: Стюарт Таунсенд, Маргерит Моро, Венсан Перес, Аалия. Слоган картины: «Мать всех вампиров». 101 мин. В российском прокате – с 17 октября.

Энн Райс, честно отсидев сто минут на пресс-показе этого фильма, бодро сообщила, что именно такими она своих вампиров и представляла.

Горькую иронию этого как бы позитивного отзыва можно почувствовать только после финальных титров. Да, вот такие они, вампиры Лестат, Мариус, Арман и Пандора. Вот такая она, королева вампиров Акаша. Во всех ракурсах очень похожи на персонажей романов Энн Райс. Правда.

Вполне понятно, почему именно эта актерская компания появилась на экране: верю, что их кинопробы были просто идеальными. Пусть Стюарт Таунсенд не похож на Тома Круза – Лестат все равно похож. Пусть Мэтью

Ньютону немыслимо далеко до Антонио Бандераса – его Арман тоже похож. А Венсан Перес прекрасно соответствует образу Мариуса из книги. Кастинг – не придерешься. «Оскаров» за такой кастинг надо давать.

Непонятно только, кто решил, что вся эта компания способна осмысленно двигаться и разговаривать. Цены не было бы этим напудренным физиономиям в музее восковых фигур. «Оскаров» не жалко за такой музей. Только не надо портить хорошую выставку манекенов и заставлять их ломать комедию.

Сценаристам «Оскаров» – не давать. Кто это придумал, что из двух добротных, толстенных, но почти бессюжетных романов – «Вампир Лестат» и «Королева Проклятых» – можно сделать внятный фильм? Такие идеи полагается давить в зародыше. Гуманный подход к ним невозможен, он приводит к появлению жутких киноублюдков вроде рецензируемого фильма. Кажется, что сценарист отлавливал в тексте книги выигрышный эпизод, безжалостно выдирал его из контекста, выцеплял полторы фразы из внутреннего монолога героя – и приступал к поискам следующего яркого эпизода, не особенно пытаясь спаять из музыкальных фраз хоть какой-то единый мотив. Получается мрачновато: гуманист и эстет Мариус учит Лестата жрать девушек-скрипачек на морском берегу, непонятно почему подобревший Лестат из чисто хулиганских побуждений через двести лет становится крутым рок-певцом, королева вампиров Акаша с какого-то бодуна решает вчистую разделаться с человечеством и начинает с собственного вечного мужа-вампира... Уловить во всем этом хотя бы следы логики при всем желании не получается. Фильм как будто слеплен из вампирических театральных этюдов, совершенно самостоятельных и не сочетаемых ни в каких пропорциях...

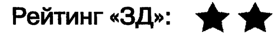
Даже то, что я неплохо знаком с романами Энн Райс, не помогло мне прорваться сквозь джунгли сценарной и режиссерской невнятицы. При этом все политкорректные сопли режиссер аккуратно сохранил: вампиры тоже люди, только с другими тараканами в голове. А так – вполне приличные ребята, очень по-своему несчастные. Их надо срочно пожалеть. Накормить, напоить, спать уложить...

Это не продолжение блистательного «Интервью с вампиром». Это откровенная спекуляция на его эстетике, психологической многомерности и болезненной актуальности – любое из этих достоинств создателям «Королевы проклятых» оказалось не по плечу.

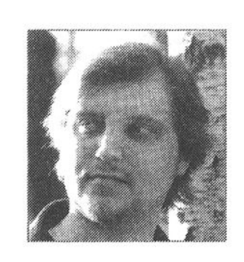
Кроме, как было замечено в начале, похожести вампиров из фильма на вампиров из романов.

Будем надеяться, что для Энн Райс это утешительно.

Алексей Д. Садецкий

Рейтинг «ЗД»:

За кадром

Андрей Щербак-Жуков

В ОЖИДАНИИ ДОНА РУМАТЫ

Братья Стругацкие и кинематограф

Вот уже больше года идет работа над новой экранизацией повести Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть богом». Снимает Алексей Герман, а это значит, что результат непредсказуем. Ждут любители фантастики, ждут поклонники серьезного авторского кино... Герман уже хотел снимать картину по этой повести – в 1968 году. Но тогда ему этого не позволили: слишком уж напоминали события в Арканаре то, что происходило в реальности. Слишком понятно было, с кем ассоциируется дон Рэба, который в первой редакции повести, кстати, именовался дон Рэбия...

Летом прошлого года был готов сценарий. Уже не тот, в создании которого участвовали братья Стругацкие. Этот сценарий написан Алексеем Германом и его супругой Светланой Кармалитой. В конце лета – опять же прошлого года – на роль Руматы был утвержден Леонид Ярмольник. В непримиримой борьбе он обошел Алексея Лыкова, известного по сериалу «Менты». В качестве пробы была разыграна сцена, где мудрец Будах говорит растерянному Румате: *«Сдуй нас или, еще лучше, оставь нас в нашем гниении»*. Румата отвечает: *«Сердце мое полно жалости»*. Ярмольник произнес эту фразу *«правильно»*.

Часть съемок прошла в Чехии, в местечке Точник, что в пятидесяти километрах от Праги. *«Вынесенные за крепостные стены сортиры с гроздьями окаменевших экскрементов, зеленая ряска болота, виселицы — одиночные и коллективные, — перекидные мосты, узкие бойницы дома дона Руматы, непроходимая грязь, мельничные и пыточные колеса...»* – так описал место съемок Петр Вайль. А недавно пришло грустное известие: из-за неожиданной болезни режиссера были отложены съемки, которые планировалось провести в Выборге. Судя по погоде, работа над картиной возобновится уже в следующем году. Герман вообще снимает не быстро – на каждую картину у него уходит по несколько лет, – а теперь ему ко всему прочему есть что терять: он культовый режиссер, автор нескольких киношедевров – он просто не имеет права снять плохой фильм.

Дон Румата (Л.Ярмольник)

Ждут любители фантастики, ждут поклонники серьезного авторского кино... Но ждут они разного: одни – интеллектуально насыщенного фильма, другие – хорошей экранизации любимой повести. У кого больше шансов на успех? Братья Стругацкие и кинематограф – тема для отдельного разговора...

В 1991 году не стало старшего из братьев Стругацких – Аркадия Натановича. Я хорошо помню его похороны, на которые в Москву съехались писатели и любители фантастики из Питера и Киева, Ростова и Краснодара, Омска и Волгограда. Вот только от Союза писателей не было официального представителя. Зато был венок от Союза кинематографистов... Нет ничего удивительного в том, что на творчество братьев Стругацких неоднократно обращали пристальное внимание деятели кино. Да и сами писатели всегда с интересом относились к «важнейшему из искусств», от сотрудничества с ним никогда не отказывались. Это тоже совсем не удивительно. Удивительно другое – что при всем при том экранную судьбу произведений Стругацких никак нельзя назвать очень уж успешной. Причины в каждом конкретном случае разные...

Сильнейший творческий взлет Стругацких пришелся на стык 60–70-х

годов – тогда же их заметили кинематографисты, и в том числе – Андрей Тарковский. К 1975 году он уже был автором четырех полнометражных картин, одна скандальней другой. Фильм «Зеркало» особенно озадачил чиновников «Мосфильма»: они его не понимали и – как следствие – подозревали в нем «нехороший» подтекст. А режиссер уже написал сценарий о Гофмане и вынашивал планы фильма «Уход Льва Толстого», что с его репутацией было весьма проблематично. И вот тогда – как к политическому маневру – он прибегнул к экранизации повести Стругацких «Пикник на обочине». Он считал, что этот фильм без проблем пройдет все инстанции, будет легко начат и быстро завершен. Вот какие доводы приводит А.Тарковский в письме своему другу, драматургу и редактору «Мосфильма» Л.Нехорошеву: *«1) Фантастика, 2) Одна серия, 3) Очень интересная...»* Все было верно подмечено и верно рассчитано – в 1977 году две трети картины были сняты. И тут произошло непредвиденное: весь отснятый материал Тарковский объявил браком! После чего предложил «Мосфильму» сценарий уже совсем другого, двухсерийного фильма. Этот сценарий принципиально отличался от первоначального. Л.Нехорошев, председательствовавший на заседании худсовета «Мосфильма», отметил, что новый сценарий уже нельзя считать научно-фантастическим: *«Произошел перевод в нравственно-философскую притчу, где главное не в событиях, а в отношении людей к тем вопросам, которые их волнуют... Характеристика Сталкера изменилась... Если там был человек грубый, резкий, сильный, то здесь он, наоборот, становится лицом страдательным — это мечтатель, который хотел сделать людей счастливыми и понял, что потерпел поражение».* Аркадий и Борис Стругацкие написали около десятка вариантов сценария, пока не нашли этот образ, так приглянувшийся режиссеру. В нем действительно не осталось ни капли от Редрика Шухарда, крутого парня, героя-одиночки... Скандал с мнимым браком развязал Тарковскому руки: теперь он мог снимать то, что хотел. Если бы кто-то из чиновников помешал ему работать, фильм попросту остался бы недоснятым, что при плановом хозяйстве грозило всем – и чиновникам в первую очередь – взысканиями и лишением премий.

Окончательно фильм был завершен в 1979 году, он получился сложным и многоплановым, однако ортодоксальные любители фантастики его не оценили, не простив столь вольного обращения с литературным первоисточником.

В том же году вышла еще одна экранизация Стругацких. На киностудии «Таллинфильм» режиссер Георгий Кроманов осуществил постановку по повести «Отель "У погибшего альпиниста"». Сценарий написа-

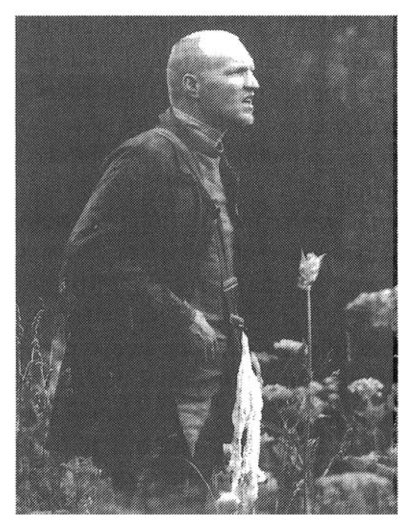
ли сами фантасты, да и режиссер, кажется, сделал все возможное, чтобы перенести повесть на экран как можно ближе к тексту. Однако фильм вышел «серенький», похожий не на фантастику, а на английский детектив в стиле Агаты Кристи, активно экранизируемой в те годы на прибалтийских киностудиях. Малоизвестные эстонские актеры, скучноватые интерьеры высокогорного отеля – в общем, толком и вспомнить нечего.

У отечественного телевидения есть хорошая традиция под Новый год радовать зрителей новой комедией – как правило, музыкальной. В канун 1983-го телезрителям был представлен двухсерийный фильм «Чародеи». Снял его режиссер Константин Бромберг, известный постановкой подросткового фантастического мини-сериала «Приключения Электроника». Для фильма братья Стругацкие написали оригинальный сценарий; только если очень приглядеться, в нем можно заметить рудиментарные остатки повести «Понедельник начинается в субботу». НИИЧаВо превратился в НУИНУ, из прежних персонажей не сохранилось практически никого. На смену утопической идиллии о людях, беззаветно увлечённых своим делом, пришла лирическая история с несложной интригой и банальной мыслью о всепобеждающей силе любви. Однако в целом картина вышла удачной: созвездие замечательных актеров, отточенный, афористичный текст, песни, моментально ставшие хитами... Несмотря на несомненный зрительский успех, сами Стругацкие, похоже, фильмом остались не особенно довольны: вероятнее всего, им было жаль, что не удалось воплотить на экране идеи «Понедельника...». Позже они даже написали сценарий подобной экранизации, но он остался невостребованным: время «сказок для младших научных сотрудников» ушло безвозвратно...

Вспоминая работы Стругацких в кино, невозможно обойти вниманием и фильм «Письма мертвого человека», хотя к нему Стругацкие (а точнее, только один из них – Борис Натанович) имели минимальное отношение. Сценарий писали режиссер Константин Лопушанский и писатель Вячеслав Рыбаков. Работа шла тяжело, режиссер, как это нередко бывает, мыслил исключительно визуальными образами, причем статичными, и совершенно не желал признавать, что в картине должен присутствовать и какой-то событийный ряд. Только вмешательство таких опытных мастеров, как режиссер Алексей Герман и Борис Стругацкий (судьба снова свела их вместе), помогло фильму состояться. Говорят, что Герман написал эти самые письма, а Стругацкий придумал буквально одну или две сцены, но именно они помогли собрать воедино сценарий, до того распадавшийся на куски. Выйдя на экраны в 1986 году,

картина неожиданно получила широкий резонанс. Горбачев стремился к разоружению, о последствиях ядерной войны заговорила официальная пропаганда – на «Письма мертвого человека» школьников водили целыми классами, а всем авторам, включая Бориса Стругацкого, вручили Государственную премию.

В 1988 году на экранах страны появился фильм Александра Сокурова «Дни затмения», в его титрах значилось: *«Сценарий Юрия Арабова, при участии Аркадия и Бориса Стругацких»*. На самом деле все было сложнее. Несколькими годами раньше экранизацию, может быть, самой многоплановой повести Стругацких «За миллиард лет до конца света» готовил режиссер Петр Кадочников. Втроем они написали сценарий, названный «День затмения». Несмотря на то, что формально он соответствовал сюжету повести, идея ее была выхолощена и фактически сведена к известной фразе Достоевского о слезинке младенца. Проект не был реализован из-за неожиданной смерти режиссера. А сценарий чем-то привлек внимание А.Сокурова, хотя что именно его «зацепило», понять трудно (возможно, ему просто хотелось пойти по стопам Тарковского). К работе был привлечен опытный кинодраматург Ю.Арабов, который, имея под руками весьма невнятный материал, создал собственное произведение, лишь косвенно соотносимое с сюжетным рядом первоисточника. Во-первых, герои помолодели лет на пятнадцать, во-вторых, изменилась среда... И все-таки, как это ни странно, фильм затрагивает те же темы, что и повесть, только раскрываются они иным языком – языком кино. А ведь от сюжета Стругацких, надо признать, не осталось ничего...

Сталкер (А.Кайдановский)

Совсем по-другому подошел к литературному материалу западногерманский режиссер Питер Фляйшман, задумавший масштабный фантастический боевик совместного производства «Трудно быть богом» (1989). На протяжении всего съемочного периода проект преследовали неудачи. В Ялте были отстроены роскошные декорации – настоящий Арканар из папье-маше, – но съемки все время откладывались. По-

сколько постановщик ориентировался в первую очередь на западный рынок, на роль дона Руматы искали если не звезду первой величины, то, по крайней мере, актера хоть чуть-чуть известного тамошнему зрителю. Однако ни одной знаменитости найти не удалось, в результате роль была отдана польскому каратисту Эдварду Зентаре, блеснувшему в двух второразрядных боевиках. Пока П.Фляйшман в Европе улаживал дела, связанные с переносом официальной премьеры, хитрые украинские кинематографисты успели снять в немецких декорациях несколько своих фильмов (самый известный из них – «Янки при дворе короля Артура»). Когда же Фляйшман решил-таки преступить к съемкам, часть декораций уже пришла в негодность... В общем, несмотря на советско-западногерманский размах, получился еще один фильм-неудачник. Из сюжета Стругацких исчез весь философско-социальный подтекст, уступив место дракам на мечах и сценам насилия над домашними животными. Сценарий был крайне прост и непритязателен; с российской стороны в его написании участвовал Даль Орлов, однако в зарубежных киноэнциклопедиях он почему-то не значится – скорее всего, его участие свелось к сочинению текстов для русской версии фильма. Как и следовало ожидать, Э.Зентара в главной роли оказался крайне невыразителен, и даже присутствие таких замечательных актеров, как Александр Филиппенко (дон Рэба) и Михаил Глузский (Будах), картину не спасло...

В конце 80-х могло показаться, что произведения Стругацких у кинематографистов пошли нарасхват. Были написаны сценарии по мотивам повестей «Жук в муравейнике» и «Гадкие лебеди» (последний неоднократно издавался под названием «Туча»), Юрий Кара взялся за буквальную экранизацию «Пикника на обочине». Однако ни одному из этих проектов не суждено было воплотиться на экране.

Вышла только одна картина – «Искушение Б.» (1990) по киноповести «Пять ложек эликсира». Режиссер Аркадий Серенко вместе с отличными актерами очень старались. Однако фильм прошел почти не замеченным. Вывод один: фантастика – это стиль, это язык, это традиции. Нельзя ставить фантастику средствами, характерными для других жанров!

Семь фильмов, семь экранизаций произведений Стругацких... Какой будет восьмая – германовский фильм «Трудно быть богом»? Поговаривают, он и называться будет по-другому.

Ждут лю[illegible]ли фа[illegible]г поклонники серьезного авторского кино.

В ближайших номерах

«Звездной дороги»

читайте повести и рассказы

Роджера Желязны,

Эдуарда Геворкяна,

Алекса Орлова

Подписные индексы журнала –

81935 (каталог «Роспечать»)

или 38429 (Объединенный каталог)

